

Саймон Себаг Монтефиоре

Иерусалим

БИОГРАФИЯ

Corpus

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

ed. Inure cleua a ginne

Саймон Себаг-Монтефиоре
Иерусалим. Биография

«Corpus (ACT)»

2011

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(5Изр)

Себаг-Монтефиоре С. Д.

Иерусалим. Биография / С. Д. Себаг-Монтефиоре —
«Corpus (АСТ)», 2011

ISBN 978-5-17-090079-4

Иерусалим – один из древнейших городов Земли, центр мироздания, столица двух народов и святыня трех авраамических религий, каждая из которых считает город площадкой, на которой разыграется мистерия Судного дня. История Иерусалима – это мировая история в миниатюре, тысячелетний эпос, среди авторов которого царь Давид и пророк Исайя, Иуда Маккавей и Иисус Христос, император Юстиниан и султан Сулейман, грешники и святые, строители и разрушители... Автор книги Саймон Себаг Монтефиоре, потомок знаменитого еврейского филантропа (улица Монтефиоре есть, вероятно, в каждом городе Израиля), превращает этот величественный эпос в захватывающий рассказ, вплетая в ткань популярного исторического исследования нить собственной семейной легенды.

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(5Изр)

ISBN 978-5-17-090079-4

© Себаг-Монтефиоре С. Д., 2011
© Corpus (АСТ), 2011

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	14
Об именах и названиях и об их транслитерации	17
Пролог	19
Часть первая. Иудаизм	28
1. Мир Давида	28
2. Возвышение Давида	33
3. Царство и храм	35
4. Цари иудейские	42
5. Блудница вавилонская	50
6. Персы	56
7. Македоняне	61
8. Маккавеи	71
9. Пришествие римлян	76
10. Иродиады	82
11. Иисус Христос	96
12. Последние из дома Ирода	108
13. Иудейские войны: гибель иерусалима	117
Часть вторая. Язычество	121
14. Элия Капитолина	121
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Саймон Себаг Монтефиоре

Иерусалим. Биография

© Simon Sebag Montefiore, 2011

© И. Павлова, перевод на русский язык, 2012, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

© Издательство CORPUS

* * *

Моей дорогой дочери Лили Батиебе

Иерусалим – это история мира; и даже больше: это история неба и земли.

Бенджамин Дизраэли. Танкред

Многое пережил Иерусалим. Город был разрушен, отстроен, разрушен и вновь отстроен. Иерусалим – это старая нимфоманка, которая с широким зевком стряхивает с себя одного любовника за другим, предварительно выжав их до конца. Это паучиха, разрывающая в клочья тех, кто ею овладевает, прежде чем они успевают оторваться от нее.

Амос Оз. Повесть о любви и тьме

Эрец-Исраэль посредине мира. / А Иерусалим в самом центре Эрец-Исраэль. / Храм посредине Иерусалима, / Святая Святых в центре Храма, / Ковчег Завета посредине Святой Святых, / А под Ковчегом – Краеугольный камень, / На котором основан мир.

Мидраш Танхума. Кедошим 10

Святыни мира – Сирия; святыни Сирии – Палестина; святыни Палестины – Иерусалим; святыни Иерусалима – Скала; святыни Скалы – место богопочитания; святыни места богопочитания – Купол Скалы.

Таур ибн Язид. Фадаиль

Иерусалим – самый прославленный город. Но есть у Иерусалима и недостатки. И потому о нем говорят: “Иерусалим – это золотой кубок, полный скорпионов”.

Мукаддаси. Описание Сирии, включая Палестину

Предисловие

История Иерусалима – это в определенном смысле история всего мира, но одновременно это и хроника провинциального городка, затерянного среди холмов Иудеи и не раз на протяжении веков терпевшего лишения и невзгоды. Иерусалим издавна считался центром мироздания, и сегодня это определение кажется едва ли не более уместным, чем когда-либо прежде. Поле битвы трех авраамических религий, желанный трофей для набирающих силу христианских, иудейских и исламских фундаменталистов; арена столкновения цивилизаций, линия фронта, проведенная между атеизмом и верой, точка магнетического притяжения тысяч людей; излюбленный объект для конспирологических спекуляций и интернет-мифотворчества, залитая светом софитов авансцена, на которую 24 часа в сутки нацелены камеры всех новостных агентств мира, – все это Иерусалим. Религиозные и политические противоречия пересекаются и подпитывают друг друга, а медиа помогают удерживать Иерусалим в фокусе столь пристального внимания, которым он не пользовался никогда на протяжении своей истории.

Иерусалим – Святой город, но при этом он всегда был и остается гнездом суеверий, религиозного шарлатанства и фанатизма; возделенной целью империй – пусть он и не имеет никакого стратегического значения; космополитическим приютом множества общин, каждая из которых считает, что Иерусалим принадлежит лишь ей одной. Этот город носил и носит множество разных имен, но каждая религиозная традиция настолько фанатична в своем самоутверждении, что не приемлет никакую иную. Этот город настолько утончен и изощрен, что священные иудейские тексты иногда именуют его в женском роде, уподобляя Иерусалим то чувственной красавице, то бесстыдной блуднице, а иногда – уязвленной принцессе, покинутой своими возлюбленными.

Иерусалим – город Единого Бога, столица двух народов, святыня трех религий. И это единственный город, существующий одновременно в двух измерениях – на земле и в Небесах, и даже несравненная красота земного города меркнет рядом со славой и величием Града Небесного. Эта двойственная природа означает, что Иерусалим в принципе может существовать где угодно: разнообразные “Новые Иерусалимы” не раз возникали в самых разных уголках света, и каждый из них демонстрирует собственное представление о Небесном Граде. Пророки и патриархи, Авраам, царь Давид, Христос и Мухаммед ступали, как говорят, по этим камням. Здесь зародились авраамические религии, и здесь же в Судный день мир земной придет к своему концу.

Иерусалим, священный город для народов Книги, и есть город Книги: Библия во многих смыслах представляет собой семейную хронику Иерусалима, а ее читатели – от иудеев и первых христиан до мусульманских завоевателей, крестоносцев и современных американских евангелических проповедников – не раз пытались перекроить историю города, чтобы исполнились библейские пророчества. Когда Библию перевели на греческий язык, на латынь, а затем и на другие языки, она стала всемирной Книгой, а Иерусалим стал принадлежать всем. Каждый могущественный правитель стал царем Давидом, каждый великий народ мнил себя новым народом Израиля, а каждая величественная цивилизация воображала себя новым Иерусалимом – городом, который не подвластен никому (хотя каждый из нас воображает его своим личным достоянием). В этом заключена трагедия Иерусалима и одновременно магия его притяжения: каждый, кто мечтал об Иерусалиме, каждый его гость во все времена готовится увидеть город подлинно древний, самобытный и неповторимый, и испытывает горькое разочарование, увидев Иерусалим реальный – изменчивый, знавший времена расцвета и упадка, многократно разрушенный и отстроенный заново. Но коль скоро речь идет об Иерусалиме, всеобщем достоянии, то каждый считает свое видение и восприятие

единственно верным; а коль скоро реальность не отвечает нашим ожиданиям, то реальность следует изменить: наделить реальный Иерусалим чертами, существующими исключительно в нашем воображении. И многие пытались сделать это – увы, очень часто огнем и мечом.

Ибн Хальдун, арабский историк XIV века, свидетель и участник некоторых событий, описанных в этой книге, говорил о важности истории для всех без исключения: “Обычные люди стремятся познать ее, цари и правители соперничают за то, чтобы войти в нее”. Это особенно верно в случае Иерусалима. Невозможно написать биографию этого города без осознания того, что Иерусалим – место силы мировой истории, ее краеугольный камень, самая ее суть. В наш век, когда правит бал интернет-мифология, а в арсенал фундаменталиста наряду с кривой саблей входит суперсовременная компьютерная мышь, установление исторических фактов – дело еще более важное, чем во времена Ибн Хальдуна.

Писать историю Иерусалима – значит погрузиться в исследования сущности святости. Слова “Святой город” слышны всякий раз, когда произносящий их хочет подчеркнуть свое благоговейное отношение к святыне, однако у этих слов есть и более глубокий смысл: они подразумевают, что Иерусалим есть главное место на Земле для общения между Богом и человеком.

И нам предстоит ответить на вопрос: почему из всех поселений мира подобная роль досталась именно Иерусалиму? Ведь этот городок, стоящий среди негостеприимных скалистых обрывов, удален от главных торговых путей Средиземноморья и страдает от нехватки воды, летом его безжалостно палит солнце, а зимой он стынет под порывами ледяного ветра. Однако выбор Иерусалима в качестве города-Храма был и результатом сознательных личных решений, и естественным эволюционным процессом: чем дольше этот город почитался святым, тем более упрочивалась его святость. Ведь святость – это не только вопрос духовности и веры, она должна быть общепризнанна, легитимна и опираться на ту или иную традицию. Радикальный пророк, несущий в мир новую благую весть, должен истолковать значение минувших столетий и оправдать собственное откровение на понятном каждому языке и в контексте сакральной географии – мест, где прозвучали более древние пророчества, мест, которые давным-давно почитаются святыми. Ничто не заостряет святость места больше, чем оселок новой религии.

Многих атеистов, посещающих Иерусалим, его пресловутая святость отталкивает, они видят в ней лишь прилипчивое суеверие, одно из проявлений ханжеской набожности, которой болен этот город. Но думать так – значит отрицать насущную и глубокую потребность людей в религии, без которой невозможно понять Иерусалим. Религия призвана объяснить мимолетные радости и бесконечные страхи, которые смущают и сбивают с толку людей. Нам необходимо ощущать присутствие некой Силы, превосходящей нашу собственную. Мы уважаем смерть и уже давно стремимся постигнуть ее смысл. И как место встречи Бога и человека Иерусалим мыслится именно той точкой, где эти вопросы должны разрешиться, когда наступит Конец света, последняя битва между Христом и Антихристом; когда Кааба будет перенесена сюда из Мекки; когда мертвые воскреснут с приходом Мессии, который установит Царство Небесное – новый, Горний Иерусалим.

Все три авраамические религии верят в то, что наш мир конечен. Лишь детали разнятся в концепциях различных конфессий и общин. Атеисты могут считать апокалипсис древней возвышенной выдумкой, но следует признать: апокалиптические идеи сегодня более чем актуальны. В век иудейского, христианского и мусульманского фундаментализма вера в апокалипсис становится просто одним из инструментов мировой политики.

Смерть – наш постоянный спутник: многие столетия паломники приходили в Иерусалим, чтобы умереть здесь и быть похороненными у Храмовой горы или на Масличной горе, чтобы первыми восстать из могил, когда ангел протрубит конец мира. Приходят они сюда за тем же и ныне. Иерусалим окружен кладбищами и стоит на кладбищах; здесь поклоняются

мощам древних святых: иссохшая, почерневшая рука Марии Магдалины до сих пор выставлена в греческой части церкви Гроба Господня. Многие святилища, даже многие частные дома стоят среди могил. Но мрачность этого города мертвых демонстрирует не только изрядную долю некрофилии, но и своего рода некромантии: ведь мертвые здесь – почти живые, пусть они еще только ждут воскресения. Вечная борьба за Иерусалим – все эти массовые убийства, хаос, войны, террор, осады и катастрофы – превратила этот город в поле битвы, или, по словам Олдоса Хаксли, в “скотобойню религий”. Флобер уподоблял город “склепу”, Мелвилл – черепу, осажденному “армией мертвецов”, а Эдвард Саид вспоминал, что его отец ненавидел Иерусалим, потому что тот “напоминал ему о смерти”.

В истории этого святилища Небес и земли не всегда удастся усмотреть последовательную волю Провидения. Великие религии внезапно для окружающих рождались из искр, высеченных харизматическим пророком – Моисеем, Иисусом или Мухаммедом. Гигантская империя строилась в одночасье, а неприступный город бывал стерт с лица земли волей и удачливостью одного энергичного полевого командира. Решения личностей, начиная с царя Давида, и сделали Иерусалим Иерусалимом.

Вероятность того, что крошечная цитадель Давида, столица маленького царства, превратится в путеводную звезду для всего мира, была, безусловно, невелика. И по иронии истории именно разрушение Иерусалима Навуходоносором заложило почву для создания Святого города, потому что эта катастрофа побудила евреев начать записывать свою историю и воспевать лучезарную красоту Сиона. Подобные катаклизмы в древности обычно приводили к полному исчезновению побежденного народа, но поразительная жизнестойкость евреев, их неизменная преданность своему Богу, а главное – то, что они записали в Библии свою версию истории, – все это заложило основу славы Иерусалима. Библия заменила евреям и государство, и Храм и стала, по слову Генриха Гейне, “переносным отечеством” иудеев, их “переносным Иерусалимом”. Ни у какого другого города не было собственной Книги, и никакая книга не предопределила в такой степени судьбу какого-либо города.

Идея святости Иерусалима произросла из идеи об исключительности евреев как избранного народа. Иерусалим стал избранным городом, Палестина – Землей Обетованной, и эта концепция исключительности была затем унаследована христианами и мусульманами. Святость Иерусалима и Палестины скоро стала общепризнанной и отразилась в идее возвращения евреев в Израиль, поддержанной сионистским энтузиазмом Запада – одержимость этой идеей нарастала в Европе со времен Реформации и вплоть до 1970-х годов. После этого трагический поворот истории палестинцев, для которых Иерусалим занял место их Потерянного рая, изменил восприятие Израиля в мире. И западная фиксация на том, что этот город принадлежит всем одновременно, оборачивается для него и благословением, и проклятием. Сегодня эта одержимость выражается в небывало пристальном внимании к Иерусалиму и палестино-израильскому конфликту: он вызывает гораздо большее эмоциональное напряжение, чем любой другой конфликт на земле.

Но не все так просто, как кажется. История часто видится как поступательное движение, в котором периоды прогресса сменяются временами жестокой реакции. А я хотел бы показать, что Иерусалим – это город преемственности и сосуществования, гибридная столица, в которой среди разномастной архитектуры живут перемешавшиеся между собой народы, которые трудно распределить по жестким категориям, что бы ни говорили тут древние религиозные предания и националистические нарративы более поздних времен. Потому я и пытаюсь, когда это возможно, проследить историю Иерусалима через историю династий, родов, семейств и кланов: от Дома Давида до Маккавеев и Иродиадов; от Омейядов к династиям крестоносцев и дому Саладина, к семействам Хусейни, Халиди, Спаффордов, Ротшильдов и Монтефиоре.

Такой подход позволяет органически отобразить течение обычной жизни, которая не любит резкого деления на периоды, скучает без ярких деталей и редко бывает беспристрастна. Но Иерусалим – это вовсе не противостояние двух разных культур; это множество культур, наложившихся одна на другую и сплетенных воедино: тут и православные арабы, и арабы-мусульмане, и евреи-сефарды, и ашкеназы, и харедим (религиозные евреи), принадлежащие, в свою очередь, к великому множеству разных “дворов”. Тут и светские евреи, и армяне-монофизиты, и православные греки, русские, грузины и сербы, а также копты, эфиопы, протестанты, католики... Один и тот же человек тут вполне может иметь несколько самоидентификаций и хранить верность сразу нескольким традициям – словно человеческий аналог перемежающимся слоям иерусалимских камней и праха в мостовых и стенах города.

Вот что существенно для нашей истории: важность города в окружающем мире то умирала, то усиливалась, но всегда была изменчива, текуча, находилась в процессе трансформации, подобно растению, что меняет свою форму, размер, даже цвет – но при этом всегда остается укорененным на одном и том же месте. Сейчас мы, похоже, находимся в “апогее важности”, сегодня Иерусалим – это медийный Святой город, сакральный центр трех мировых религий, подмостки круглосуточного новостного шоу. Но проходили целые столетия, когда Иерусалим, казалось, утрачивал всякое религиозное и политическое значение. И во многих случаях вовсе не божественное откровение, а прозаическая политическая необходимость вновь вызывала к жизни очередной приступ религиозного исступления.

Однако всякий раз, когда Иерусалим, казалось, предавали забвению и он становился “городом из старинной книжки”, никому не важным и не интересным, – находились люди в отдаленных землях, будь то Мекка, Москва или Массачусетс, которые проецировали свою искреннюю веру на Иерусалим. Любой город – это окно, которое позволяет хотя бы бегло заглянуть в чужой менталитет и образ мышления, но Иерусалим – это не окно, а двустороннее зеркало: он выставляет напоказ собственную жизнь, отражая в то же время в себе все проблемы внешнего мира. И в любую эпоху – идет ли речь о временах всеобщего богопочитания или о строительстве империй, о днях евангельского Откровения или эпохе светского национализма – Иерусалим становился символом этой эпохи и ее вождленным трофеем. И, как это бывает в кривых зеркалах, отражения часто получались искаженными, а иногда и уродливыми.

Иерусалим способен разочаровать и разозлить и завоевателя, и простого гостя. Контраст между реальным городом и Небесным Иерусалимом настолько разителен, что психиатры города принимают в год сотни пациентов, страдающих “иерусалимским синдромом” – временным умопомешательством, возникающим из-за несбывшихся ожиданий и разбитых вдребезги иллюзий.

Правда, у “иерусалимского синдрома” есть и неожиданный политический аспект, который часто проявляется в процессе мирных переговоров: Иерусалим отрицает здравый смысл, логику практической политики и разумных стратегий, предпочитая язык страстей и эмоций, с которыми разум неспособен совладать. Тактическая победа лишь раззадоривает победителя. Здесь правит закон непредвиденных последствий.

Никакое другое место не пробуждает такого страстного желания владеть им полностью. Но в этом ревностном рвении заключена большая ирония истории, поскольку большинство иерусалимских святынь (и преданий, связанных с ними) заимствованы либо просто украдены адептами одной религии у приверженцев другой, которой эти святыни принадлежали прежде. Многие в прошлом города – очень часто лишь продукт воображения. Буквально каждый камень некогда был частью давно позабытого храма иной веры. Большинство завоеваний (но не все они) сопровождалось инстинктивным стремлением стереть с лица земли следы других религий, одновременно узурпировав их обычаи, предания и святыни.

Конечно, бывало так, что учинялись страшные разрушения, но гораздо чаще завоеватели не разрушали то, что было создано до них, а переосмысливали трофейное наследие и добавляли к нему что-то свое. Такие важные места, как Храмовая гора, Цитадель, Город Давида, гора Сион и храм Гроба Господня не демонстрируют разные слои истории в их отдельности, а более напоминают неоднократно переписанный палимпсест или вышивку, в которой шелковые нити настолько плотно переплетены, что расплести их сегодня невозможно.

Соперничество за обладание столь заразной святостью приводило к тому, что некоторые места становились священными для всех трех религий, сначала последовательно, а потом и одновременно. Цари отдавали приказы, и рабы покорно умирали, выполняя эти приказы, но ныне и те, и другие почти забыты. Гора Сион была величайшей святыней и для евреев, и для христиан, и для мусульман, однако сегодня там редко встретишь мусульманских или еврейских паломников – она вновь преимущественно христианская.

В Иерусалиме истина часто менее важна, чем миф. “Если речь об Иерусалиме, то умоляю, не спрашивайте меня о фактах, – говорит известный палестинский историк Назми аль-Джубех. – Уберите вымысел – и от истории Иерусалима вообще ничего не останется”. История здесь обладает такой мощью именно потому, что она постоянно искажается. Археология сама по себе представляет здесь одну из сил истории, и археологи не раз выступали как солдаты, перед которыми была поставлена боевая задача: раскопать именно такое прошлое, которое необходимо политикам именно в данный текущий момент. Археологию, дисциплину, претендующую на объективность и научность, можно, оказывается, использовать для “объективного” обоснования религиозно-этнических предрассудков и оправдания имперских амбиций. Израильтяне, палестинцы и империалисты-евангелисты XIX века – все они самым противоположным образом истолковывали одни и те же находки, пытаясь представить свои интерпретации как несомненные факты. Посему история Иерусалима просто вынуждена была стать сплетением правды и вымысла. Но исторические факты все же существуют на самом деле, и цель этой книги – честно рассказать о них, какими бы неприятными они ни были для той или другой стороны.

Я задался целью написать общую историю Иерусалима для широкого круга читателей – атеистов и верующих, христиан, мусульман, иудеев, – избегая всякой политической повестки, – даже при том, насколько она сегодня раскалена.

В изложении событий я придерживаюсь хронологического принципа, рассказывая историю через жизнь людей – мужчин и женщин, воинов и пророков, поэтов и царей, крестьян и музыкантов, – а также кланов и семейств, которые создали Иерусалим. На мой взгляд, это лучший способ показать город как можно более живо и продемонстрировать, что самые, казалось бы, неожиданные извивы его истории суть следствия скрытых, но важных причин.

Смысл хронологической последовательности в том, что она помогает избежать соблазна оценить прошлое сквозь призму пристрастности настоящего. Я также старался избегать телеологического подхода – то есть представления об истории как предопределенном процессе, в котором каждое событие будто бы было неизбежным. А поскольку каждое изменение есть следствие какой-то причины, то хронология – лучший способ осмыслить эту эволюцию, ответить на вопрос “почему именно Иерусалим?” и показать, почему люди действовали именно так, а не иначе. К тому же мне думается, что это и самый увлекательный способ изложения истории. Да и кто я такой, в конце концов, чтобы портить – как сказали бы в Голливуде – “величайшую из когда-либо рассказанных историй”? Четыре эпохи – Давид, Иисус, крестоносцы и арабо-израильский конфликт – вроде бы должны быть достаточно хорошо знакомы читателям и зрителям, благодаря Библии, кинофильмам, романам и выпускам новостей, но и они зачастую остаются недопонятыми. Что касается остального,

я искренне надеюсь, что расскажу много полузабытых, а то и вовсе не известных читателю вещей.

Эта книга – история Иерусалима как центра мировой истории. Но она не претендует на то, чтобы быть энциклопедией всех сторон жизни города, равно как и путеводителем по каждой нише, капители или портику в каждом здании. Я также не задавался целью написать подробную историю православных, католиков или армян, исламских правовых школ ханафитов или шафиитов, историю хасидов или караимов либо рассказать о ком-то из них с какой-нибудь специальной точки зрения.

Жизнью мусульманского города от мамлюков до Мандата историки часто пренебрегают. Иерусалимские кланы подробно изучены палестинскими учеными, но популярные западные историки о них пишут редко. Хотя судьбы этих семейств были и остаются чрезвычайно важными, переводов некоторых ключевых источников на английский до сих пор не существует. Но я частично перевел их сам и лично беседовал с представителями всех этих кланов, чтобы услышать их голоса и их истории. Однако все это лишь часть мозаики.

Эта книга также – не история иудаизма, христианства или ислама, не исследование природы Бога в Иерусалиме: подобные темы блистательно раскрыты другими авторами, например, Карен Армстронг в ее недавно вышедшей замечательной книге “Иерусалим. Один город, три религии”. Эта книга также – не детальная история израильско-палестинского конфликта: ни одна другая тема сегодня не изучается столь дотошно.

Но я поставил перед собой поистине пугающую цель – рассказать обо всем об этом. Надеюсь, что я сделал это в правильной пропорции. Моя задача – следовать фактам, а не разгадывать тайны разных верований. И я совершенно точно не претендую на то, чтобы судить о том, насколько “достоверны” божественные чудеса или священные тексты трех великих религий. Каждому, кто изучает Библию или Иерусалим, приходилось замечать, что существует как бы несколько уровней истины. Догматы чужих религий и чужих эпох кажутся нам странными, в то время как привычные обычаи нашей современности воспринимаются по большей части как в высшей степени разумные и обоснованные. Даже XXI век, который многие считают веком победы Разума и здравого смысла, имеет свои бытовые суеверия и квазирелигиозные догмы, которые, скорее всего, будут казаться совершенно абсурдными нашим правнукам. Однако влияние религий и чудес на историю Иерусалима, безусловно, совершенно реально, и невозможно понять Иерусалим, не испытывая хотя бы в какой-то степени уважения к религии.

В истории Иерусалима есть века, о которых известно крайне мало, а все, что известно, крайне противоречиво. Споры ученых и археологов всегда полны колкостей, ядовитых выпадов, а порой столь ожесточенны, что в результате приводят иногда к весьма враждебным личным отношениям. А уж что касается событий последних пятидесяти лет...

Если говорить о раннем периоде в истории Иерусалима, то историки, археологи и писатели в равной степени стеснены почти полным отсутствием источников и одинаково вольно обращаются с немногими имеющимися в их распоряжении – лишь бы обосновать собственную теорию, которую они затем отстаивают как абсолютно достоверную. Я во всех случаях изучал оригинальные источники и ознакомился с множеством теорий, прежде чем сделать выводы. Если бы я хотел наверняка оградить себя от любой критики, то самыми частыми словами в этой книге были бы “возможно”, “вероятно”, “скорее всего”, “по-видимому” и “может быть”. Я не использовал их при каждом удобном случае, но прошу читателя поверить, что за каждой моей фразой, за каждым суждением стоит колоссальный объем изученной литературы. Все разделы этой книги были прочитаны и выверены специалистами. И я счастлив, что в работе над ней мне помогали многие из самых известных профессоров нашего времени.

Самые непримиримые из всех противоречий древней истории связаны с фигурой царя Давида, потому что они имеют политический подтекст, который сегодня чрезвычайно актуален и вызывает большое напряжение. Даже на академическом уровне полемика о Давиде отличается драматизмом и ведется с большей резкостью, чем споры по любым иным темам и предметам, за исключением разве что вопросов о природе Христа или Мухаммеда. Источником сведений о Давиде является Библия. Его историческое существование нам долгое время приходилось принимать на веру. В XIX веке интерес империалистических христианских империй к Святой земле вдохновил археологические поиски города Давида.

С образованием в 1948 году государства Израиль христианская направленность этих поисков изменилась, поскольку они получили чрезвычайную религиозно-политическую значимость из-за роли Давида как основателя еврейского Иерусалима. Поскольку, повторюсь, источников X в. до н. э. крайне мало, некоторые израильские историки-ревизионисты сильно преуменьшили размер и значение Города Давида. Иные из них даже задавались вопросом, а существовал ли вообще Давид как историческая фигура, – к праведному гневу иудейских традиционалистов и ликование палестинских политиков, поскольку эти сомнения явно подрывали притязания евреев на город. Однако обнаружение в 1993 году стелы Тель-Дана доказало, что царь Давид действительно существовал. Библия хоть и не замышлялась в первую очередь как историческая хроника, но, тем не менее, является историческим источником, которым пользовался в своем повествовании и автор этих строк. Площадь Города Давида и надежность Библии в качестве исторического источника обсуждаются в основном тексте книги, а о нынешнем конфликте из-за Города Давида мы поговорим в эпилоге.

Обращаясь к гораздо более поздним временам, работая над историей Иерусалима XIX столетия, постоянно вспоминаешь книгу Эдварда Саида «Ориентализм». Эдвард Саид, палестинец-христианин, родившийся в Иерусалиме и ставший профессором литературы в Колумбийском университете Нью-Йорка и оригинальным политическим голосом в мире палестинского национализма, считает, что «утонченная и упорная евроцентристская предубежденность против арабо-исламских народов и их культуры», особенно у таких путешественников XIX века как Шатобриан, Мелвилл и Марк Твен, «принижает арабскую культуру и оправдывает империализм».

Однако труд самого Саида подвигнул некоторых его последователей попытаться исключить западных «гостей» из истории Ближнего Востока. Абсурдность таких попыток очевидна. Да, эти гости мало что видели и плохо разбирались в реалиях арабского и еврейского Иерусалима, и, как я уже писал выше, мне пришлось потрудиться, чтобы, насколько возможно, воссоздать современную им реальную жизнь местного населения. Но цель моей книги – не полемика с Саидом: просто любой историк Иерусалима должен увидеть и признать доминирующее влияние романтически-империалистической культуры Запада на город, поскольку именно это влияние объясняет, почему Ближний Восток приобрел такое значение для великих держав.

Точно так же я подробно остановился на развитии британского просионизма, светского и евангелического – от Пальмерстона и Шафтсбери до Ллойд Джорджа, Бальфура, Черчилля и их друга Вейцмана, – по той простой причине, что именно эти просионисты оказали самое большое влияние на судьбу Иерусалима и Палестины в XIX–XX веках.

Я заканчиваю основную часть моей книги 1967 годом, ведь именно Шестидневная война создала ситуацию, которая существует и по сей день, и мне показалось правильным на этом остановиться. В эпилоге я даю беглый очерк политических событий последующих десятилетий и заканчиваю книгу картиной типичного иерусалимского утра у трех святынь города.

Но ситуация постоянно меняется. И если бы я решил довести историческое повествование до сегодняшнего дня, то у книги не могло бы получиться логичного и ясного финала – либо его пришлось бы переписывать едва ли не ежечасно. Я же хотел всего лишь показать, почему Иерусалим продолжает оставаться и главной целью, и основным препятствием на мирных переговорах.

Эта книга, в сущности, – обобщение, построенное на обширном чтении оригинальных источников (как древних, так и современных), на консультациях автора со специалистами, личных встречах с профессорами, археологами, членами иерусалимских семей и государственными деятелями, а также на бесчисленных поездках в Иерусалим, посещениях его святынь и мест археологических раскопок. В процессе работы мне посчастливилось найти несколько новых или редко используемых источников. Моя работа принесла мне три особенно счастливых переживания: во-первых, я проводил много времени в Иерусалиме; во-вторых, я прочитал захватывающие сочинения таких литераторов, как Усама ибн Мункыз, Ибн Хальдун, Эвлия Челеби, Вазиф Джавгарийе, Вильгельм Тирский, Иосиф Флавий и Томас Эдвард Лоуренс; а в-третьих, мне довелось познать дружбу, щедрость и сердечность – особенно ценные во времена суровых политических кризисов – буквально всех помогавших мне людей: палестинцев, израильтян, армян, мусульман, иудеев и христиан. Многие из них стали моими друзьями.

У меня и сейчас чувство, что я готовился к написанию этой книги всю свою жизнь. Я интересовался Иерусалимом с детства. Благодаря родственным связям, которых я тоже касаюсь в книге, «Иерусалим» – это девиз моей семьи. Но независимо от этих личных связей, я хотел воссоздать прежде всего прошлое Иерусалима – как разворачивались события и во что верили люди. И если вернуться к тому, с чего мы начали, то повторю еще раз: всегда существовали два Иерусалима: один – земной и тленный, второй – горный и вечный. И обоими правили скорее вера и эмоции, нежели разум и факты. И в результате Иерусалим как был, так и остается центром мира.

Не каждому, наверное, придется по душе мой подход – в конце концов, может ли быть иначе, если речь идет об Иерусалиме. Но, работая над книгой, я всегда помнил ответ британского премьер-министра Ллойд Джорджа на жалобы губернатора Иерусалима Рональда Сторрза, которого беспощадно критиковали и евреи, и арабы: «Что ж, в ту же минуту, когда какая-либо из сторон вдруг перестанет выражать недовольство, вы будете уволены».

Благодарности

В работе над этим масштабным проектом мне помогали многие ученые, и каждый – блистательный специалист в своей области. Я глубоко признателен всем им за помощь и советы либо прочтение и редактирование моего варианта текста.

Я благодарю за прочтение и внесение поправок в раздел, посвященный библейскому периоду и библейской археологии, прежде всего: профессора Ронни Рейха; профессора Дана Бахата, бывшего главного археолога Иерусалима, который, помимо этого, организовал для меня подробные экскурсии; д-ра Рафаэля Гринберга, также сопровождавшего меня при осмотрах достопримечательностей города; и Розмари Эшель. Я выражаю свою признательность за помощь и консультирование Ирвингу Финкелю, куратору отдела западно-азиатских древностей в Британском музее, а также д-ру Элеоноре Робсон, рецензенту кафедры науки Древнего Ближнего Востока на факультете истории и философии науки в Кембриджском университете, за внесение поправок в главы, посвященные Ассирии, Вавилону, Персии; д-ру Николь Шрайбер – за ее консультацию по вопросу датировки ворот Мегиддо на основании гончарных артефактов; д-ру Гидеону Авни, руководителю отдела раскопок израильского Института древностей; д-ру Эли Шукрону – за ознакомление с ходом раскопок в Городе Давида; д-ру Шимону Гибсону и д-ру Рене Сивану, сотруднику Музея истории Израиля (Цитадели Давида). Особую благодарность я выражаю д-ру Юсуфу аль-Натшеху, руководителю отдела исламской археологии Харам аш-Шариф (Храмовой горы), за его помощь на протяжении всей моей работы над книгой, предоставленный доступ к закрытым святыням Храма и экскурсии с Кадиром аль-Шихаби. Я также безмерно благодарен профессору Мартину Гудману из Оксфордского университета и д-ру Адриану Голдсуорси за прочтение и редактирование моего текста, касающегося иродиадо-римско-византийского периода.

Я весьма обязан за советы, руководство и скрупулезную выверку разделов по раннему исламскому периоду, арабам, тюркам и мамлюкам Хью Кеннеди, профессору арабистики в Школе восточных и африканских исследований (SOAS), равно как и д-ру Назми аль-Джуба, д-ру Юсуфу аль-Натше и Кадиру аль-Шихаби. Я также признателен Тауфику Деаделю за консультацию по истории кладбища Мамилла.

Я благодарю Джонатана Райли-Смита, профессора духовной истории из Кембриджского университета, и профессора Дэвида Абулафию, специалиста по истории Средиземноморья, также из Кембриджа, за прочтение и редактирование текста, касающегося крестоносцев.

Иудейская история со времен Фатимидов до Османов: свою искреннюю благодарность я выражаю профессору Абулафии, предоставившему мне рукописные материалы своей книги “Великое море: история средиземноморских народов”, профессору Минне Розен из Хайфского университета и сэру Мартину Гилберту, любезно позволившему мне ознакомиться с его рукописью “В доме Исмаиловом”.

Османский период и палестинские иерусалимские кланы: я благодарен профессору Аделю Манне за прочтение и внесение поправок в главы книги, посвященные XVI–XVIII векам.

XIX век, империализм и ранний сионизм: свою признательность я выражаю Иешуа Бен-Ареху, сэру Мартину Гилберту, профессору Тюдору Парфитту, Кэролайн Финкель, д-ру Абигайль Грин, любезно предоставившей мне свою рукопись “Мозес Монтефиоре – еврейский освободитель, имперский герой”, и Баширу Баракату – за его частное исследование истории иерусалимских семейств. Кирстен Эллис любезно предоставила мне неизданные главы своего романа “Утренняя звезда”. Много ценных советов и материалов предоставила мне также д-р Клэр Мурадян. Профессор Минна Розен поделилась своими исследованиями

о Дизраэли. Сведениями о России я обязан профессору Саймону Диксону и Галине Бабковой из Москвы; об армянах – Джорджу Хинтляну и д-ру Игорю Дорфману-Лазареву.

Сионистский период, XX век и эпилог: выражаю огромную благодарность д-ру Надиму Шехади, эксперту по Ближнему Востоку британского Королевского института международных отношений, и профессору Колину Шиндлеру (из SOAS) за прочтение и редактирование этих разделов. Я благодарен также за поправки Дэвиду и Джеки Ландау из *The Economist* и *Haaretz*. Выражаю также признательность д-ру Жаку Готье, д-ру Альберту Агазаряну, Джамалю аль-Нусейбе – за идеи и контакты, Худе Имам – за ее экскурсию по Стене, Якову Лупо – за его исследование ультраортодоксии.

Я весьма обязан д-ру Джону Кейси из кембриджского колледжа Гонвилль-энд-Киз, который тщательно и скрупулезно выверил весь текст, как и Джордж Хинтлян – специалист по османскому периоду, секретарь Армянского патриархата в 1975–1995 годах. Особую благодарность я выражаю Марал Амин Кутине за ее перевод на английский язык арабских источников.

Свою благодарность за советы и сведения из семейной истории я выражаю следующим представителям иерусалимских семейств, у которых я брал интервью или консультировался: Мухаммеду аль-Алами, Насредину аль-Нашашиби, Джамалю аль-Нусейбе, Заки аль-Нусейбе, Ваджиху аль-Нусейбе, Саиду аль-Нусейбе, Махмуду аль-Джаралле, Худе Имам из Иерусалимского института, Хайфе аль-Халиди, Кадиру аль-Шихаби, Саиду аль-Хусейни, Ибрагиму аль-Хусейни, Омару аль-Даджани, Адиду аль-Джуди, Марал Амин Кутине, д-ру Раджаю М. аль-Даджани, Рану аль-Даджани, Адибу аль-Ансари, Наджи Казазу, Ясиру Шуки Тоха – владельцу моего любимого ресторана “Абу Шукри”, – профессору Рашиду Халиди из Колумбийского университета.

Я благодарю Шмуэля Рабиновича, раввина Западной стены и Святых мест; отца Атанасия Макору, католического священника; отца Самуила Агояна, армянского смотрителя церкви Гроба Господня; коптского священника отца Эфраима Элорашамили; сирийского епископа Северия, сирийского священника отца Малке Мората.

Я выражаю свою благодарность Шимону Пересу, президенту Израиля, и лорду Вейденфельду, поделившимся со мной своими воспоминаниями и идеями; а также иорданской принцессе Фирьял – за воспоминания об иорданском Иерусалиме; принцу и принцессе Иордании Талал бин Мухаммед.

А познакомил меня с Иерусалимом Ицхак Якоби: переживший Освенцим, участник Войны за независимость 1948 года, литератор и ученый, помощник Бен-Гуриона, он долгое время был главой Компании по развитию Восточного Иерусалима при мэре Тедди Коллеке.

Большую помощь оказали мне дипломатические представители как государства Израиль, так и палестинских властей, нашедшие время для встреч и бесед, в ходе которых они делились со мной и своими замечательными идеями, и интересными сведениями. Я благодарю Рона Просора, израильского посла в Лондоне, Рани Гидора, Шарона Ханоя и Ронит Бен Дор из посольства Израиля, а также профессора Мануэля Хасасяна – палестинского посла в Лондоне.

Уильям Далримпл и Чарльз Гласс были необыкновенно любезны, делясь со мной на протяжении всей работы над книгой своими идеями, материалами и рекомендательными списками литературы. Большую помощь оказал мне Иерусалимский Фонд; мои благодарности – Рут Чесин, Нурит Гордон, Алану Фриману и Ури Дроми, директору Мишкенот Шаан-ним. Неоценимую помощь в установлении контактов оказали мне Джон Леви из образовательного фонда “Друзья Израиля” и телевизионный продюсер Рэй Брюс.

Я глубоко признателен Питеру Себагу Монтефиоре и его дочери Луизе Эспиналл за предоставленные в мое распоряжение бумаги Джеффри Себага Монтефиоре, а также Кейт Себаг Монтефиоре – за исследование жизни и деятельности Уильяма Себага Монтефиоре.

Свою помощь советами и моральную поддержку мне оказывали: Амос и Нили Оз, Пол Вестер, председатель правления отеля “Американская колония”, Рашель Лев из Архива американской колонии, Паоло Фец, генеральный директор, и Диана Ахо, “Американская колония”, Музер Фахми из книжного магазина “Американская колония”, Филипп Уиндзор-Обри, Дэвид Хэар, Дэвид Кроянкер, Ханна Кедар, Фред Айсман, Ли Карпентер Брокау, Дана Харман, Дороти и Дэвид Харман, Кэролайн Финкель, Лоренца Смит, профессор Бенджамин Кедар, профессор Реувен Амитай, Яов Фархи, Диала Хлат, Зияд Клот, Юзеф Хлат, Раня Джубран, Ребекка Абрам, сэр Рокко и леди Форте, профессор Селим Тамари, Одд Карстен Твейт, Кеннет Роуз, Доррит Мусайефф и ее отец Шломо Мусайефф, сэр Рональд и леди Коэн, Давид Халили, Ричард Форман, Райан Принц, Том Холланд, Тарик Абу Заяд, профессор Исраэль Финкельштейн, профессор Авигдор Шинан, профессор Яир Закович, Джонатан Форман, Муса Клебникофф, Арлен Ласкона, Кери Астон, преп. Робин Гриффит-Джонс, настоятель церкви Темпл (Лондон), Хани Абу Диаб, Мириам Овитс, Джоана Шлиман, Сара Хельм, профессор Саймон Голдхилл, д-р Дороти Кинг, д-р Филипп Мэнсел, Сэм Кили, Джон Миклетвейт, редактор журнала “Экономист”, Гидеон Личфилд, раввин Марк Вайнер, Морис Биттон, куратор синагоги Бевис Маркс, раввин Авраам Леви, профессор Гарри Зейтлин, профессор Ф. М. аль-Элойсчари, Мелани Фолл, раввин Давид Голдберг, Мелани Гибсон, Аннабель Вайденфельд, Адам, Гилл, Дэвид и Рэчел Монтефиоре, д-р Габриель Барки, Марек Тамм, Этан Броннер из “Нью-Йорк Таймс”, Генри Хемминг, Уильям Загхарт. Я искренне благодарен всем. Я также благодарю Тома Моргана за помощь в исследованиях.

Свою искреннюю признательность я выражаю своему агенту Джорджине Кейпел, моим агентам по защите авторских прав за рубежом Аби Гилберту и Ромили Маст, моим британским издателям Алану Сэмсону, Иону Тревину и Сьюзан Лэмб, моему замечательному редактору Беа Хемминг в *Weidenfeld*, а также блистательному литературному редактору Питеру Джеймсу; моим издателям: Сони Мехте в *Knopf*, в Бразилии – Луису Шварцу и Ане Пауле Хисаяме в *Companhia das Letras*, во Франции – Мирей Паолони в *Calmann Levy*, в Германии – Петеру Зиллему в *Fischer*, в Израиле – Зиву Левису в *Kinneret*, в Голландии – Хенку тер Боргу в *Nieuw Amsterdam*, в Норвегии – Иде Бернстен и Герду Джонсену в *Cappelens*, в Польше – Иоланте Воложанской в *Magnum*, в Португалии – Александре Лоуро в *Aletheia Editores*, в Испании – Кармен Эстебан в *Critica*, в Эстонии – Кристе Каэр из *Varrak* и в Швеции – Перу Фаустино и Стефану Хилдингу в *Norstedts*.

Прекрасными редакторами всех моих книг были и остаются мои родители – д-р Стивен и Эйприл Себаг Монтефиоре. И я несказанно благодарен жене Санте – моей терпеливой, вдохновляющей и любящей музе. Санта и наши дети Лили и Саша, так же как и я, испытали на себе все последствия “иерусалимского синдрома”. И возможно, они теперь знают о Скале, Стене и Гробе Господнем больше, чем многие священники, раввины или муллы.

Об именах и названиях и об их транслитерации

В этой книге множество имен собственных, в связи с чем неминуемо встает вопрос о транслитерации. Поскольку книга рассчитана на массового читателя, я принял решение использовать самые доступные и знакомые широкой публике звучания имен и названий. А потому сразу приношу извинения пуристам, которых такое решение, возможно, обидит.

При описании иудейского периода я отдавал предпочтение греческим (а не латинским и не еврейским) именам царей из династии Хасмонеев. Тем не менее, некоторые второстепенные персонажи появляются на страницах этой книги под своими еврейскими именами. Так, шурина Ирода я называю его иудейским именем Ионафан (а не греческим именем Аристобул), чтобы избежать путаницы со многими другими историческими тезками. Рассказывая о наиболее известных персонажах, я использую традиционные, знакомые большинству читателей версии имен: Ирод, Помпей, Марк Антоний, Тамерлан, Саладин. Того же принципа я придерживаюсь и в случае с персидскими именами, отдавая предпочтение их привычным звучаниям (например, Кир). Маккавеи правили в Иудее как династия Хасмонеев, но для большей ясности я называл их на протяжении всего повествования Маккавеями.

С арабским периодом все сложнее, и я даже не пытался последовательно придерживаться каких-либо твердых правил в именовании. В большинстве случаев я употребляю традиционные для европейского уха формы (например, Дамаск, а не Димаск). Арабский артикль “аль” я привожу при первом упоминании имени или топонима, а в дальнейшем опускаю его; также я употребляю артикль в составных именах и названиях. Я не использую диакритические знаки. Большинство аббасидских и фатимидских халифов, а также султаны династии Айюбидов получали при воцарении особое почетное прозвище, так называемый лакаб – например, аль-Мансур. Для облегчения восприятия текста я во всех случаях опускаю определенный артикль. В хорошо известных именах я заменяю “бин” на “ибн”. В таких именах, как Абу Суфьян, я – опять же, для облегчения чтения – не употребляю арабский генитив (иначе следовало бы писать, к примеру, Муавия ибн Абу Суфьян). И в большинстве случаев я называю Айюбидов домом Саладина.

В европейской исторической традиции отсутствует последовательность в употреблении арабских имен. Так, например, халифов династии Аббасидов обычно называют их царственными именами, за исключением Гаруна аль-Рашида, поскольку он известен по арабским сказкам “Тысячи и одной ночи”. Все историки называют известного султана XII века Саладином, а его брата именуют аль-Адилем. Оба они носили почетные имена (*лакабы*) – Салах ад-Дин и Саиф ад-Дин. И оба позднее приняли царственные имена: аль-Насир (“победитель”) и аль-Адиль (“справедливый”).

Специалисты по мамлюкскому периоду обычно называют султана Бейбарса I по имени (а не по лакабу аль-Захир), хотя других мамлюкских правителей чаще именуют их царственными именами. Исключением является лишь Мухаммед I аль-Насир, которого называют и так, и этак. Этой противоречивой традиции следую и я.

При описании османского периода я отдаю предпочтение турецким, а не арабским версиям имен менее известных персонажей. Во многих случаях я просто использую наиболее употребительную версию имени: Джемаль-паша вместо иногда встречающегося Кемаль (турецкое “с” читается именно как “дж”).

Ханаан, Иудея, Израиль, Палестина, Билад аль-Шам, Великая Сирия, Келесирия, Святая земля – это лишь некоторые названия, которые использовались для описания нескольких стран и территорий с нечеткими границами. Некоторые исследователи утверждают, что у Иерусалима было за всю его историю 70 названий. Святыни в черте самого города также именовались и именуются по-разному. Иудейский Храм называют также Обителью Бога и

Святым домом. Купол, Куббат ас-Сахра, храм Господень, Темплум Домини – все эти названия соотносятся с Куполом Скалы. Мечеть аль-Акса также именовалась Храмом Соломоновым. Хар а-Баит – иудейское, а Харам аш-Шариф – арабское название для Храмовой горы, которую я также называю Священной площадкой (Эспланадой). Святилищем звалась Святая Святых, а позднее и вся Храмовая гора, которую мусульмане называют Харам (Святое место). Для мусульман двумя Святилищами являются Иерусалим и Хеврон с Пещерой Патриархов. С храмом Гроба Господня также соотносятся названия: Анастасис, Гроб Господень, Дейр ас-Султан. Скала по-арабски – Сахра; Краеугольный камень, или Камень Основания, на иврите – Эвен ха-Штия, а Святая Святых – Кодеш ха-Кодешим. Стена, ха-Котель а-Маарави, Западная стена, Стена Плача и аль-Бурак – названия священных мест молитвы иудеев. Цитаделью и Башней Давида называют Иродову крепость рядом с Яффскими воротами. Гробница Пресвятой Богородицы находится в долине Иосафатовой, она же – Кедронская долина. Гробница Давида, Наби Дауд, Сенакль, Сионская горница – так называют святыню на горе Сион. Все ворота в Иерусалиме имеют так много названий и эти названия так часто менялись, что перечислять их все было бы бессмысленно. Каждая улица в городе имеет по меньшей мере три названия: главная улица Старого города по-арабски называется Эль-Вад, на иврите – ха-Гай, по-английски – *Valley* (“Долина”).

Восточную Римскую империю традиционно называют Византией, а ее столицу – Константинополем. После 1453 года я именую город Стамбулом. Приверженцев западного христианства называю латинянами и католиками. Взаимозаменяемы также названия Иран и Персия.

О титулах: во времена Римской республики словом “принцепс” называли сенаторов, значившихся первыми в списке; в период империи, начиная с Августа, “принцепс Сената” означал носителя монархической власти – императора. Византийские императоры стали со временем именоваться базилевсами (греческий титул монарха с наследственной властью). В эпоху раннего ислама преемники Мухаммеда звались повелителями правоверных и халифами. Султан, падишах и халиф – титулы османских правителей. В Германии император назывался кайзером; российские самодержцы, начиная с Петра Великого, короновались императорами, но назывались по традиции царями.

Пролог

В восьмой день иудейского месяца ава, то есть в конце июля 70 года от Рождества Христова, полководец Тит, сын римского императора Веспасиана, уже четыре месяца осаждавший Иерусалим, приказал своим воинам готовиться к решающему штурму Храма. Штурм был назначен на следующее утро на заре – в годовщину того самого дня 500 лет назад, когда старый Храм Соломонов, стоявший на этом же месте, был сожжен вавилонянами. Под командованием Тита находилось четыре легиона – в общей сложности 60 тысяч римских солдат и их союзников из воинства окрестных князьков, жаждавших нанести последний удар сломленному, но все еще не желавшему сдаться городу. За его стенами в нечеловеческих условиях боролись за жизнь около полумиллиона умирающих от голода евреев: частью – религиозные фанатики-зелоты, частью – отпетые головорезы, но большинство – мирные горожане со своими семьями, у которых не было никакой возможности бежать и спастись из города, ставшего для них смертельной западней. Среди них было много людей диаспоры – евреев, которые постоянно проживали за пределами Иудеи, в самых разных регионах Средиземноморья и Ближнего Востока, и которые пришли в Иерусалим отпраздновать Пасху. Этой последней, отчаянной в своей безнадежности битве суждено было решить не только судьбу города и его жителей, но также будущее иудаизма, будущее едва пустившего ростки христианства, а если заглянуть на шесть столетий вперед – то и предопределить возникновение ислама.

Римляне подвели к стенам насыпи для осадных орудий, но все их приступы были отбиты. На рассвете в день решительного штурма Тит заявил своим офицерам, что “пощада чужих святынь”¹ до сих пор стояла слишком много римских жизней, и приказал поджечь ворота Храма. Серебро, которым были обиты ворота, расплавилось, и пламя перекинулось на деревянные наличники и окна, а затем, бушуя с удвоенной силой, охватило и балки галерей, окружавших двор Храма. Тогда Тит повелел затушить огонь. Римлянам, заявил он, “не следует вымещать злобу против людей на безжизненных предметах”. Затем он приказал командирам дать отдых войску и удалился на ночлег в свою ставку в полуразрушенной крепости Антония, смотревшей прямо на величественный храмовый комплекс.

Происходившее подле стен иерусалимских было столь ужасным, будто на земле воцарился ад. Тысячи трупов разлагались на солнце. Смерд стоял невыносимый. Стаи собак и шакалов терзали мертвую человеческую плоть. В ходе осады Тит приказал распинать всех пленных и перебежчиков, и каждый день римляне вешали на кресты по 500 евреев. Масличная гора и утесистые высоты окрест города были сплошь усеяны этими крестами.

“Солдаты Тита в своем ожесточении и ненависти пригвождали пленных для насмешки в самых различных местах и разнообразных позах. Число распятых настолько возросло, что не хватало места для крестов и недоставало крестов для тел”: ради строительства осадных валов римляне вырубали все деревья, так что кресты не из чего было сделать. Многие жители Иерусалима так отчаянно хотели вырваться из города, что сами перебежали к неприятелю. Перед тем как покинуть город, они проглатывали свои деньги, чтобы затем, избавившись от надзора римлян, извлечь их. Из-за долгой голодовки перебежчики являлись к римлянам “распухшие и словно одержимые водянкой”. Но, набросившись на еду, они “лопались”, и в вылезших наружу внутренностях один сирийский солдат обнаружил проглоченные монеты.

¹ Здесь и далее автор приводит в кавычках цитаты из “Иудейской войны” Иосифа Флавия. По-русски цитаты даны в переводе Я. Л. Чертока. – Прим. ред.

По лагерю быстро разнесся слух, что перебежчики набиты золотом. Солдаты стали впаривать животы всем подряд и потрошить внутренности еще живых пленников в жажде наживы. Узнав об этом, Тит пришел в негодование и попытался воспретить это анатомическое мародерство. Но тщетно: союзники Тита, кровожадные сирийцы, которые ненавидели евреев и были ненавидимы последними со всем ожесточением, присущим соседям, продолжали свои зверские игры. Бесчинства, которые творили в Иерусалиме и римляне, и повстанцы, вполне сравнимы с худшими из злодеяний XX века.

Восстание евреев началось, когда глупость и алчность римских прокураторов восставили против римлян даже иудейскую знать, прежде лояльную Риму. Ради общего дела аристократы примкнули к повстанцам, среди которых были как глубоко верующие иудеи, так и отчаянные головорезы. Воспользовавшись падением императора Нерона и неясностью в вопросе о том, кто следующим взойдет на престол империи, повстанцы вознамерились изгнать римлян и восстановить независимое иудейское государство, твердыней которого должен был снова стать Храм. Однако еврейское восстание, едва начавшись, захлебнулось в кровавых междоусобицах различных группировок.

Гибель Нерона создала вакуум власти, в котором стремительно сменили друг друга три императора. К тому моменту, когда власть оказалась в руках Веспасиана, который поручил своему сыну Титу покорить мятежный Иерусалим, Святой город уже успели поделить между собой три предводителя мятежников, обратившие оружие друг против друга. Эти иудейские полевые командиры сначала развязали побоища во дворах Храма, заливая их кровью, а затем начали грабить город. Солдатня рыскала в богатых кварталах. Жадность их “сделалась ненасытной: дома богатых обыскивали; убийства мужчин и осквернение женщин служили им утехой”. Опыленные безнаказанностью, запахом крови и, вероятно, вином из разгромленных погребов, они “бесстыдно предавались женским страстям, завивая себе волосы, надевая женское платье, натирая себя пахучим маслом и для красоты подводя себе глаза”. Явившиеся из провинции головорезы, прятавшие под пестрым платьем кинжалы, не раздумывая, убивали каждого, становившегося на их пути. В бесчинствах они не забывали потворствовать и своей “противоестественной похоти”. Иерусалим, оскверненный их злодеяниями, превратился в “дом непотребства”, в камеру пыток.

И все же город оставался святыней. Так или иначе, в Храме продолжались жертвоприношения. В апреле, на Пасху, как раз перед тем, как римляне осадили город, в Иерусалим, как обычно, прибыло множество паломников. В городе и в обычное время проживали десятки тысяч. Теперь же, когда римляне лишили паломников возможности покинуть Иерусалим, в нем теснились сотни тысяч человек. И лишь после того, как Тит приказал окружить город осадным валом, главари мятежников прекратили междоусобицы и решились объединить двадцать одну тысячу своих воинов, чтобы сообща дать отпор римлянам.

Город, который Тит рассматривал с горы Скопус, получившей свое название от греческого *skopos* – “наблюдатель”, являл собой, по словам Плиния Старшего, “самый прославленный город среди городов Востока”. Богатая, процветающая столица, возникшая вокруг одного из самых величественных храмов Древнего мира, уникального, грандиозного в своем масштабе произведения архитектурного искусства. Иерусалим существовал уже много сотен лет, но никогда прежде этот город, раскинувшийся на двух холмах среди бесплодных, унылых скал Иудеи и окруженный тройной стеной с множеством массивных башен, не был таким многолюдным и не казался таким грозным, как в I веке новой эры. И вплоть до XX столетия он не сможет вернуть себе былой мощи.

Величие Иерусалима того времени – дело рук царя Ирода Великого, блестящего правителя, но при этом жестокого психопата, который возвел в городе дворцы и крепости столь монументальные и столь роскошные, что иудейский историк Иосиф Флавий вынужден был признать: у него нет “возможности по достоинству описать” их.

Храм затмевал своим величием все прочие строения в городе. “Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листьями, он сверкал на утреннем солнце огненным блеском, ослепляя глаза, словно солнечные лучи”. Чужестранцам вроде Тита и его легионеров, видевшим Храм впервые, “он издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел”. Благочестивые иудеи знали, что в глубине дворов этого “города в городе”, раскинувшегося на вершине Храмовой горы, скрыто совсем небольшое помещение, наполненное высшей степенью святости – Святая Святых, обитель Самого Господа.

Храм был святилищем, но он также представлял собой почти неприступную крепость, внутренний оплот в центре обнесенного стенами города. Евреи, воодушевленные тем, что железная хватка империи в “год четырех императоров” явно ослабла, и решившие, что они в безопасности среди своих скал и обрывов, под защитой городских стен и укреплений самого Храма, в котором любой чужак заблудился бы, словно в лабиринте, решили оказать сопротивление Титу. Возможно, это было слишком самонадеянно, но, в конце концов, они оказывали открытое неповиновение Риму уже почти пять лет. Однако у Тита были полномочия, амбиции, ресурсы и талант полководца – то есть все необходимое для выполнения стоявшей перед ним задачи. Он решил принудить Иерусалим к сдаче систематической бомбардировкой и демонстрацией собственных превосходящих сил. Каменные ядра для баллист, найденные в туннелях у Западной стены Храма, были, по всей видимости, выпущены по приказу Тита и наглядно свидетельствуют об интенсивности, с которой римляне обстреливали город. Евреи сражались за каждую пядь своей земли с почти самоубийственной самоотверженностью. И все же Тит, в распоряжении которого был полный арсенал осадных приспособлений, метательных орудий и вся изобретательность гениальных римских военных инженеров, на 15-й день осады смог преодолеть внешнюю стену. Он повел тысячу своих легионеров в лабиринт иерусалимских уличных рынков и приступил к штурму второй стены. Однако иудеи предприняли вылазку и отбили приступ. Римлянам придется штурмовать ее еще раз.

Затем Тит попытался запугать горожан демонстрацией силы: все его войско прошло под стенами в полном парадном обмундировании – в панцирях, шлемах, со щитами, штандартами и сверкающими орлами – знаками легионов; “кони под всадниками также были во всем убранстве”. Тысячи жителей Иерусалима собрались на стенах, чтобы увидеть римскую армию, “вся древняя стена и северная сторона Храма были переполнены зрителями”. Иудеи вполне оценили “пышность оружия и отличный порядок среди солдат”, однако не испугались и решили продолжать сопротивление. А может быть, они просто слишком боялись собственных командиров, отдавших решительный приказ: не сдаваться.

В конце концов Тит решил полностью блокировать Иерусалим кольцевым осадным валом. На исходе июня римляне взяли штурмом огромную крепость Антония, господствовавшую над Храмовой горой, и разрушили ее до основания, сохранив только одну, центральную башню, на которой Тит устроил свой командный пункт.

К середине лета, когда ноздреватые склоны окрестных холмов покрылись лесом крестов с лопавшимися на жаре трупами распятых, жители Иерусалима уже изнемогали от предчувствия неминуемой гибели, а город продолжал корчиться в тисках непримиримого фанатизма, изощренного садизма и все более жуткого голода. Повсюду в поисках еды бродили вооруженные банды: “Мятежники вторгались в частные дома и обыскивали их... Жены вырывали пищу у своих мужей, дети – у своих родителей, но самыми бесчеловечными были матери, съедавшие пищу у своих бессловесных детей: любимые детища у них на руках умирали от голода, а они, не смущаясь, отнимали у них последнюю каплю молока”. Запертый дом служил мятежникам признаком того, что обитатели прячут провизию: они “вторгались внутрь и вырывали куски почти из глоток”. Даже если грабители были сыты, они пытались и убивали жителей просто по привычке, чтобы, так сказать, не утратить навыка.

Город раздирали настоящая охота на ведьм, ибо каждый в каждом подозревал изменника и заговорщика. Ни один город, свидетельствует очевидец этих событий Иосиф Флавий, “не переносил чего-либо подобного и ни одно поколение, с тех пор как существует мир, не сотворило большего зла”.

Люди “блуждали, как призраки, на площадях города и падали на землю там, где их настигала голодная смерть”. Жители умирали от потери сил, пытаясь похоронить своих близких. Хоронили без разбору, иные еще дышали. Голод “похищал у народа целые дома и семейства”, лишал людей всяких эмоций: “с высохшими глазами и широко раскрытыми ртами смотрели медленно угасавшие на тех, кто уже обрел покой. Вязкая тишина, как страшная могильная ночь, нависла над городом”. И все же те, кто умирал, делали это, устремив “потухшие глаза к Храму”.

Улицы были завалены горами трупов. Вскоре, несмотря на еврейский обычай, никто уже не хоронил мертвецов, и величественный некогда город превратился в гигантскую свалку мертвых тел. Возможно, Иисус Христос говорил именно об этом, предрекая грядущий апокалипсис: “Пусть мертвые хоронят своих мертвецов”. Иногда повстанцы попросту сбрасывали трупы со стен. Римляне складывали их в гигантские разлагающиеся кучи. И все же горожане продолжали сопротивление.

Сам Тит – лишенный сантиментов римский воин, лично убивший в первой же стычке 12 мятежников, – ужасался, содрогался и призывал богов в свидетели, “что он невиновен во всем этом”. “Любовь и отрада рода человеческого”, Тит был известен своим великодушием. “Друзья, я потерял день”, – говорил он, вспомнив во время застолья, что “за целый день никому не сделал хорошего”. Сильный и крепкий, с раздвоенным подбородком, мягкой линией рта и пухлым лицом, Тит уже проявил себя талантливым полководцем и завоевал популярность в народе. Судьба новой, еще не утвердившейся династии во многом зависела от того, удастся ли Титу одержать победу над иудейскими мятежниками.

В окружении Тита было множество перебежчиков-евреев, в том числе трое жителей Иерусалима – историк, царь и сестра царя, ныне ставшая любовницей римского полководца. Историк по имени Иосиф Флавий был прежде одним из командиров еврейских мятежников, затем перешел на сторону римлян, стал советником Тита и оставил нам единственное описание Иудейской войны глазами очевидца. Царя звали Ирод Агриппа II – это был в высшей степени романизированный еврей, воспитанный при дворе императора Клавдия; он был почитателем иерусалимского Храма, построенного его знаменитым прадедом, Иродом Великим. Ирод Агриппа много времени проводил в своем иерусалимском дворце, хотя владел также обширными землями на севере современного Израиля, в Сирии и Ливане.

Агриппу почти всегда сопровождала его родная сестра Береника. Она трижды побывала замужем (в том числе дважды становилась царицей), а недавно вступила в любовную связь с Титом. Впоследствии ее недруги в Риме окрестили ее “еврейской Клеопатрой”. Беренике было около сорока лет, однако она находилась “в расцвете своей красоты”, отмечает Иосиф. В начале иудейского восстания Береника и ее брат, жившие вместе (и находившиеся в кровосмесительной связи, как утверждали их враги), пытались увещевать мятежников, взывая к их благоразумию. Теперь же эти три еврея беспомощно наблюдали за “смертельной агонией славного города”, причем Береника делала это непосредственно из постели его разрушителя.

Пленники и перебежчики приносили из города вести, приводившие в ужас Иосифа, чьи родители все еще оставались в стенах осажденного Иерусалима. Даже у воинов на стенах закончились запасы пищи, и они также начали преследовать, обыскивать и расчленять совсем немощных и мертвых в поисках золота или еды, блуждая повсюду “с широко разинутыми ртами, как бешеные собаки”. Они ели навоз домашних животных, кожу, которую срывали со своих щитов, варили кожаные пояса, башмаки, набивали рты сухим сеном. Некая

богатая женщина по имени Мария, потеряв все свои деньги и лишившись съестных припасов, настолько обезумела от голода и злобы, что умертвила собственного сына, “изжарила его и съела одну половину, другую половину прикрыла” и оставила про запас. Запах жареного мяса распространился по городу, мятежники почуяли его и вторглись в дом. Но даже эти отъявленные головорезы ужаснулись при виде наполовину съеденного детского тела и удалились “в страхе и трепете”.

Шпиономания и безумие завладели Священным городом – так он именовался на иудейских монетах. Сумасшедшие шарлатаны и призывавшие к непрестанной молитве проповедники бродили по улицам, суля освобождение и спасение. Иерусалим был, по словам Иосифа, подобен дикому зверю, обезумевшему от голода и готовому пожрать собственную плоть.

В восьмую ночь месяца ава Тит удалился в свою палатку, приказав легионерам затушить огонь, вспыхивавший повсюду, куда достигало расплавленное серебро обшивки ворот. Но защитники города напали на римских пожарных. Римляне, поначалу отступившие под их натиском, затем все же оттеснили евреев во внутренний двор Храма. Один из легионеров, “точно по внушению свыше, схватил пылающую головню и, приподнятый товарищем вверх, бросил ее через золотое окно, которое вело в окружающие храм помещения с северной стороны”. Иудеи, завидев, как пламя пожирает Святая святых, “подняли вопль, достойный столь рокового момента, и ринулись на помощь Храму, не щадя сил” и своих жизней. Но было слишком поздно. Повстанцы вновь забаррикадировались во внутреннем дворе и оттуда взирали на огонь в молчаливом ужасе.

Тит находился всего в нескольких метрах от пожара, в руинах крепости Антония. Когда ему доложили о происходящем, он сразу вскочил с ложа и “бросился к Храму, чтобы прекратить пожар”. Его сопровождали Иосиф и, возможно, Агриппа с Береникой. А следом спешили тысячи римских солдат – все “переполошенные происшедшим”. Пламя неистовствовало. Иосиф утверждает, будто Тит снова приказал тушить пожар, но у этого историка-коллаборациониста были все основания оправдывать своего покровителя. Как бы там ни было, к небу возносились вопли, пожар бушевал, а римские солдаты помнили, что по законам войны город, столь долго и упорно сопротивлявшийся, должен быть отдан им на разграбление.

Они делали вид, что не слышат приказов Тита, и кричали своим товарищам, стоявшим в передних рядах, чтобы те бросали еще больше огня в Храм. Солдаты были настолько увлечены происходящим, что многих из них затоптали свои же или они задохнулись среди дымящихся развалин, жажда мщения и золота (которого римляне в результате награбили столько, что после падения Иерусалима оно вдвое упало в цене в восточных провинциях империи). Тит, не в силах остановить пожар и, наверное, уже предвкушая окончательную победу, прошел по горящему Храму и вошел в Святая Святых. Даже первосвященнику дозволялось вступать сюда только раз в год, и ни один чужестранец не осквернял святости этого места с того момента, как в 63 году до н. э. сюда вошел Помпей, покоритель Иерусалима.

Теперь и Тит “вступил в Святая Святых и обозрел его внутренность. Он нашел все гораздо более возвышенным, – пишет Иосиф, – чем та слава, которой это место пользовалось у чужестранцев, и нисколько не уступающим восхвалениям и высоким отзывам туземцев”. Тогда Тит приказал своим центурионам наказывать солдат, продолжавших поджигать Храм, но их “гнев и ненависть к иудеям и пыл сражения превозмогли даже уважение к цезарю”. И когда адское пламя взметнулось уже в Святая Святых, сопровождавшие Тита настояли, чтобы он удалился в безопасное место. “И никто уже не препятствовал стоящим снаружи солдатам поджигать”.

Побоище продолжалось и в огне. Ошеломленные, изголодавшиеся, потерянные и отчаявшиеся жители Иерусалима бродили по горящим галереям. Тысячи людей – и мирных жителей, и вооруженных повстанцев – собрались на ступенях жертвенника, готовые дать

последний безнадежный бой или просто умереть. Хмельные от ярости и близкой победы легионеры перерезали всех, и учиненная бойня напоминала массовое жертвоприношение: вокруг алтаря грудой лежали тела мертвых, и кровь текла рекой по его ступеням. Десять тысяч евреев погибли в пылающем Храме.

Трескавшиеся камни и горевшие деревянные балки производили звук, напоминавший протяжные раскаты грома. Иосиф описывает гибель Храма:

“Треск пылавшего повсюду огня сливался со стонами падавших. Высота холма и величина горевшего здания заставляли думать, что весь город объят пламенем. И ужаснее и оглушительнее того крика нельзя себе представить. Все смешалось в один общий гул: и победные клики дружно подвигавшихся вперед римских легионов, и крики окруженных огнем и мечом мятежников, и смятение покинутой наверху толпы, которая в страхе, вопя о своем несчастье, бежала навстречу врагу; со стенаниями на холме соединялся еще плач из города, где многие, беспомощно лежавшие, изнуренные голодом и с закрытыми ртами, при виде пожара собрали остаток своих сил и громко взвыли. Наконец, эхо, приносившееся с Переи и окрест лежащих гор, делало нападение еще более страшным. Но ужаснее самого гула была действительная участь побежденных. Храмовая гора словно пылала от самого основания, так как она со всех сторон была залита огнем, но шире огненных потоков казались лившиеся потоки крови, а число убитых больше убийц”.

Храмовая гора – одна из двух гор иерусалимских, та, на которой царь Давид в свое время поместил Ковчег Завета, а его сын Соломон построил Первый Храм, – была со всех сторон охвачена огнем; под мертвыми телами не было видно земли. Солдаты ступали прямо “по грудам мертвецов”. Священники еще пытались сопротивляться, а некоторые бросились в огонь и сгорели вместе с Храмом. Римляне, видя, что внутренний храм уже разрушен, рыскали в поисках золота и драгоценной утвари и, вне себя от возбуждения, спешили вынести добычу, пока огонь окончательно не поглотил здание.

Когда внутренний двор выгорел и начал заниматься рассвет нового дня, уцелевшие повстанцы все же прорвались через римские укрепления в лабиринт внешних дворов, которым даже удалось укрыться в городе. Римляне в ответ пустили конницу, “убивая иудеев на пути несметными массами”, а затем подожгли сокровищницу Храма, где хранилось бесчисленное множество серебряных монет – храмовый налог, который обязаны были платить все евреи, проживавшие на огромном пространстве от Александрии до Вавилона. Сокровищница находилась в женском дворе Храма, где собрались шесть тысяч женщин и детей: их привел сюда некий лжепророк, велевший им ждать в Храме “знамений вашего спасения”. Легионеры подожгли галерею, окружавшую двор, и все эти несчастные сгорели заживо.

Римляне водрузили своих орлов на Храмовой горе и в присутствии Тита совершили благодарственные жертвоприношения своим богам, приветствуя своего военачальника почетным титулом *imperator* – “властитель”.

Несколько священников все еще скрывались подле Святая Святых. Двое из них бросились в огонь и сгорели заживо, а один вымолил себе помилование, выдав римлянам храмовые сокровища – два золотых светильника и “много другой утвари, употреблявшейся при богослужении... облачения и пояса священников, массу пурпура и шарлаха... много корицы, кассии и других благовонных веществ, из которых каждый день составлялась смесь для воскурения Богу”. Когда же, изнуренные голодом, сдались и остальные священники, Тит приказал их казнить со словами: “Жрецам подобает погибнуть вместе со своим храмом!”

Иерусалим был (и до сих пор остается) городом подземных туннелей. И уцелевшие повстанцы растворились в подземельях, сохраняя при этом контроль над Сионской крепостью (Нижним Городом) и Верхним городом на западном холме. Титу потребовался еще месяц, чтобы окончательно покорить Иерусалим. Когда же город наконец пал, римляне со своими сирийскими и греческими союзниками “устремились с обнаженными мечами по

улицам, убивая беспощадно всех попадавшихся им на пути и сжигая дома вместе с бежавшими туда людьми”. С наступлением вечера кровавое побоище прекратилось, “огонь же продолжал свирепствовать и ночью”.

Тит провел переговоры с двумя предводителями повстанцев на мосту, перекинутом через долину, разделявшую Верхний город и Храмовую гору. Римский полководец обещал мятежникам жизнь, но те снова отказались сдаться. Тогда Тит приказал жечь и грабить Нижний город, в котором едва ли не каждый дом и так был наполнен мертвыми телами. Когда мятежники отступили во дворец и Цитадель Ирода, Тит построил осадный вал у стен Верхнего города, чтобы под его прикрытием сделать подкопы под стены. В седьмой день месяца элула, то есть в середине августа, римляне пошли на штурм. В конце концов евреи, сражавшиеся в подземных туннелях города под началом одного из своих вождей, Иоанна из Гисхалы, сложили оружие (самого вождя римляне пощадили, хотя и обрекли на вечное заточение). Другой вождь иудеев, по имени Шимон Бар-Гиора, вышел в белой тунике из подземного убежища под Храмом и был тут же закован в цепи; Тит “приказал сохранить его для триумфа, который имел в виду праздновать в Риме”.

Разграбив город, римляне начали методично разрушать его. Иерусалим исчез с лица земли, и время сохранило для нас леденящие свидетельства гибели города и горожан. Римляне не щадили ни старых, ни немощных: скелет женской кисти, найденный на пороге сгоревшего дома, свидетельствует о панике и ужасе, царивших в погибающем городе; пепел домов в Еврейском квартале дает представление об огненном аде, бушевавшем здесь. Две сотни бронзовых монет были обнаружены в лавке на улице под монументальной лестницей, ведущей к Храму: видимо, кто-то пытался в последние минуты перед гибелью спрятать свои сбережения.

Вскоре и сами римляне устали убивать. Уцелевших жителей Иерусалима согнали в женский двор Храма, и там римляне каждому определили его участь: тех, кто был схвачен с оружием в руках, убили на месте, крепких телом отправили в египетские рудники, молодых и красивых продали в рабство, иных отобрали на растерзание львам в цирковых зрелищах или предназначили для триумфального шествия в Риме.

Иосиф Флавий обнаружил среди несчастных пленников собственного брата и полсотни друзей, которых Тит по его просьбе освободил. Родители Иосифа, вероятно, погибли. Еще троих своих друзей Иосиф узнал среди распятых, но еще живых. Пораженный в самое сердце, он сказал об этом Титу, и тот приказал снять казненных с крестов и привести к ним врача. Но из троих выжил только один.

Тит решил, как когда-то Навуходоносор, сровнять город с землей, однако ответственность за гибель Иерусалима Иосиф возлагает прежде всего на мятежников: “Междоусобная война уничтожила город, а римляне уничтожили междоусобицу”. Разрушение Храма, самого внушительного и монументального сооружения Ирода Великого, было, вероятно, непростой инженерной задачей. Огромные тесаные камни Царского портика рухнули вниз на недавно вымощенную площадь; эта гигантская каменная груда была найдена спустя две тысячи лет на том же месте под многовековой толщей культурного слоя. Каменные обломки заполнили долину – ныне почти незаметную – между Храмовой горой и Западным холмом. *Спошли*, архитектурные детали и фрагменты Иродова Храма и разрушенного города I века, можно и сегодня увидеть в самых разных городских кварталах: эти камни снова и снова использовались всеми завоевателями и строителями Иерусалима – от римлян и арабов до крестоносцев и турок-османов – на протяжении более чем десяти столетий после Тита.

Никто не знает точно, сколько людей погибло при падении Иерусалима; древние авторы довольно беззаботно обращаются с цифрами. Тацит считает, что в осажденном городе было заперто 600 тысяч человек, а Иосиф Флавий утверждает, что их было больше

миллиона. Но каково бы ни было точное число жителей и защитников Иерусалима, оно огромно, и все эти люди либо умерли от голода, либо были убиты или проданы в рабство.

Из Иерусалима Тит отправился в гости к Беренике и Агриппе в их столицу – Кесарию Филиппову (этот город находился на горном плато, которое сейчас называется Голанскими высотами). Там он “устраивал всякого рода зрелища, где множество пленников нашли свою смерть, частью в борьбе с дикими животными, большей же частью в поединках друг с другом, к которым их принуждали” победители. Затем покорителя Иерусалима чествовали на празднествах в цирке Кесарии Приморской, которые стоили жизни еще 2,5 тысячи пленных, убитых в ходе цирковых зрелищ. Еще больше евреев были преданы мученической смерти на потеху победителям в Бейруте. И наконец, Тит отправился в Рим, чтобы справить там триумф.

Тем временем его легионеры разрушили практически весь Иерусалим. Тит приказал оставить только часть обводной стены, чтобы разместить там гарнизон Десятого легиона, и три башни Цитадели Ирода, которые должны были “служить свидетельством для потомства, как величественен и сильно укреплен был город, павший перед мужеством римлян”. “Таков был конец этого великолепного, всемирно известного города”, – заключает Иосиф Флавий.

За пять столетий до этих событий вавилонский царь Навуходоносор полностью разрушил Иерусалим. Множество пленных было угнано в Месопотамию, и все же через 70 лет после этого евреи вернулись в город, а Храм был отстроен заново. Однако после погрома, учиненного римлянами, Храм так никогда и не будет восстановлен, а евреям, если не считать нескольких кратких периодов, не суждено было снова стать хозяевами Иерусалима еще без малого две тысячи лет. И все же в пепел этой ужасной катастрофы легли семена, из которых пророс современный иудаизм: именно этот погром превратил Иерусалим в святыню для христианства, а позже – для ислама.

Согласно одной из возникших гораздо позже раввинистических легенд, в самом начале осады иерусалимский раввин Иоханан бен Заккай приказал своим ученикам вынести себя из обреченного города в гробу – метафора рождения нового иудаизма, больше не опирающегося на культ жертвоприношений в Храме.

Иудеи, выжившие в Иудее и Галилее, а также большие еврейские общины, рассеянные в землях Римской и Персидской империй, оплакивали потерю Иерусалима и благословляли разрушенный город. Библия и устное предание заняли в иудаизме место Храма, но, согласно одному из преданий, Божественное присутствие (*Шхина*) на три с половиной года почilo на Масличной горе, ожидая, не будет ли восстановлен Храм, прежде чем отлететь на небеса.

Разрушение Иерусалима имело решающие последствия и для христиан. Маленькая христианская община Иерусалима, возглавляемая Симоном, сводным братом Иисуса, покинула город еще до того, как римляне осадили его. Хотя в римском мире к тому времени было уже немало крещеных язычников, члены иерусалимской общины считали себя соблюдающими Закон иудеями и молились в Храме. Теперь же, когда Храм был разрушен, христиане во всех концах империи решили, что избранный народ лишился благоволения Божьего: последователи Христа провозгласили самих себя “избранным народом”, единственными правомочными наследниками ветхозаветного иудаизма. Христиане рисовали в своем воображении новый, Небесный Иерусалим, а не разрушенный еврейский город. Самые ранние из Евангелий, написанные, вероятно, вскоре после падения Иерусалима, содержат пророчества Иисуса о гибели города (“когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его”) и о разрушении Храма (“...из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено”). Разрушенное святилище и гибель иудеев стали для христиан еще одним доказательством истинности нового Откровения.

В 620-х годах, когда пророк Мухаммед начал проповедь своей религии, он позаимствовал для нового культа некоторые иудейские традиции: например, обычай обращаться лицом к Иерусалиму во время молитвы и почитание иудейских пророков. Он также считал, что разрушение Храма стало доказательством того, что Бог лишил своей милости евреев, перенеся ее на сынов ислама.

Есть большая ирония истории в том, что решение Тита разрушить еврейский город сделало Иерусалим воплощением святости для двух других “народов Книги”. Однако образ Святого Города не возник сам собой; этот образ ковался сознательными усилиями нескольких великих людей. Около 1000 года до н. э., за тысячу с лишним лет до Тита, первый из этих людей захватил Иерусалим.

Это был царь Давид.

Часть первая. Иудаизм

...И назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева... Восстань, восстань, облекись в силу твою, Сион! Облекись в одежды величия твоего, Иерусалим, город Святый!
Исайя, 60:14, 52:1

Я... родился в Иерусалиме, где стоит верховный Храм Всевышнего, Великого Бога... Святой город, метрополия не только Иудеи, но многих других земель, ибо когда-то еврейские переселенцы обосновались как в сопредельных странах – в Египте, Финикии и Сирии, – так и в далеких – в Памфилии, Киликии и в Азии вплоть до Вифинии и самых отдаленных заливов Понта; и точно так же в Европе – в Фессалии, Беотии, Македонии, Этолии, Аттике, Аргосе, Коринфе – в большинстве лучших земель Пелопоннеса...

Не говорю о землях за Евфратом.

Иудейский царь Агриппа I.

Цитируется у Филона Александрийского

Тот, кто не видел Иерусалима в его красе, никогда в жизни не видел желанного города. Тот, кто не видел Храма Ирода, никогда в жизни не видел красивого здания.

Вавилонский Талмуд

Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня, десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего.

Псалом 137

Иерусалим – самый знаменитый из всех городов Востока.

Плиний Старший. Естественная история, 5:15

1. Мир Давида

Первый царь и хананеи

Когда Давид завоевал крепость Сион, Иерусалим уже был древним поселением. Но едва ли его можно было назвать городом: это было всего лишь небольшое укрепление на вершине горы, в краю, носившем в разные времена разные имена – Ханаан, Земля Иудина, Иудея, Израиль, Палестина...

Земля Обетованная евреев, Святая земля христиан – это совсем небольшая территория, зажата между юго-восточным углом средиземноморского побережья и рекой Иордан и имеющая площадь всего 150 × 240 км². Покрытая пышной растительностью прибрежная равнина представляла собой удобный коридор, по которому торговцы и завоеватели перемещались из Египта в великие империи Передней Азии и обратно. Но городок Иерусалим стоял вдалеке от торного пути, в 50 км от ближайшей точки морского побережья, в уедине-

² Для удобства читателя все меры, которые автор дает в английской системе, переведены в метрическую. – Прим. ред.

нии суровых скал и каменистых отрогов Иудейских гор, открытый морозным, иногда даже снежным зимами и изнуряющему, знойному летнему солнцу. Впрочем, обрывы суровых холмов обеспечивали хорошую защиту от врага, а внизу в долине бил источник, воды в котором жителям вполне хватало.

Романтический образ города Давида гораздо ярче реальной картины, которую мы можем сложить из немногих достоверных исторических свидетельств. Черепки, жутковатые скальные гробницы, остатки древних стен, надписи на камнях из кладки давно разрушенных царских дворцов и отдельные строки Священного Писания, словно мимолетные всполохи, время от времени озаряют туман доисторического прошлого, и одно такое свидетельство от другого отделяют сотни лет. Очередная находка, словно блуждающий огонек, вдруг озаряет дрожащим светом какую-нибудь случайную деталь исчезнувшей цивилизации, а затем снова наступают годы и столетия мрака, о которых нам совсем ничего неизвестно, и мы можем только фантазировать по поводу того, что же тогда происходило, пока новая случайная вспышка вдруг не высветит новый случайный эпизод. Лишь русла рек и ручьев, горы и долины сохранились с тех пор, но и они изменили свои направления и очертания под действием воды и ветра, геологических процессов и упорного человеческого труда. Но одно нам сегодня более или менее ясно: ко времени царя Давида три фактора – репутация святыни, хорошая защищенность и особенности природного окружения – превратили древний Иерусалим в твердыню, считавшуюся неприступной.

Люди уже жили в этом краю по меньшей мере за пять тысячелетий до новой эры. В самом начале бронзового века, около 3200 года до н. э., когда в месопотамском Уруке уже проживало 40 тыс. человек, а сосед Иерусалима, хорошо укрепленный ханаанский Иерихон считался весьма старинным городом, древние люди, погребавшие своих мертвых в гробницах, вырубленных в склонах иерусалимских холмов, начали строить на одном из них – как раз на том, у подножия которого струился источник, – небольшие квадратные в плане жилища, вероятно, обнесенные стеной. Это поселение было потом заброшено на многие годы, и едва ли Иерусалим вообще был обитаем в эпоху, когда фараоны египетского Древнего царства возводили свои пирамиды и вырубали из глыбы песчаника Великого Сфинкса. Зато в XX веке до н. э., когда на Крите расцветала минойская цивилизация, царь Хаммурапи составлял в Вавилоне свод законов, а бритты отправляли свой культ в Стоунхендже, городок под названием Урсалим был уже хорошо известен. Это название содержится в так называемых “текстах проклятий”³, обнаруженных при раскопках в Египте, недалеко от Луксора, и, возможно, означает “основанный Салимом” (или Шалемом) – так звали ханаанское божество вечерней звезды.

Поселение на территории Иерусалима развивалось вокруг источника Гихон: жившие здесь хананеи прорубили в скале отверстие, через которое вода из источника поступала в колодец, находившийся в черте крепостных стен. Хорошо укрепленный подземный ход обеспечивал безопасный доступ к воде. Раскопки последнего времени свидетельствуют, что источник был защищен башней в семь метров толщиной и стеной из каменных блоков весом в три тонны каждый. Возможно, башня одновременно служила и святилищем, в котором почитался обожествленный источник. Известно, что в других частях Ханаана цари-жрецы возводили такие же башнеобразные храмы-твердыни. Выше по склону холма археологи обнаружили остатки городской стены – самой древней в Иерусалиме. По-видимому, хананеи

³ Египетские фараоны Среднего царства претендовали на власть в Ханаане, но неясно, насколько они в самом деле преуспели в этом. Возможно символы, начертанные на глиняных сосудах или антропоморфных фигурках, содержали проклятия или угрозы в адрес правителей враждебных народов. Разбив сосуд или статуэтку с названием города или именем врага, можно было навлечь на него несчастье. Теории по поводу этих артефактов менялись многократно, лишний раз доказывая, что археология – это не только материальные находки, но и их интерпретации (здесь и далее – прим. автора, если не оговорено иное).

так и оставались самыми умелыми строителями в древнейшей истории Иерусалима, пока через две тысячи лет не пробил час Ирода Великого.

Со временем Иерусалим оказался под властью египетских фараонов, захвативших Ханаан в 1485 году до н. э. Египетские гарнизоны стояли в Яффо и Газе. В 1350 году один из правителей Иерусалима в панике умолял своего владыку Эхнатона, египетского фараона Нового царства, прислать ему “хотя бы пятьдесят лучников”, чтобы он мог защитить свои крошечные владения от агрессивных князей-соседей и разбойничьих банд кочевников-хабиру⁴, терроризировавших округу. Царек по имени Абди-Хеба называет свой город “столицей земли Иерусалимской, имя которой Бейт-Шульмани” (то есть “дом Благоденствия”).

Абди-Хеба был совершенно ничтожной политической фигуркой в мире, в котором соперничали египтяне (к югу от Ханаана), хетты (к северу от него, на землях современной Турции) и ахейские греки. Первая часть имени царя – западно-семитская. Семиты – это группа народов Ближнего Востока, говоривших на различных, но родственных языках. Родословную семитов возводили к Симу, сыну Ноя. Абди-Хеба мог быть уроженцем любой области на северо-востоке Средиземноморья. Его послание Эхнатону, найденное в архиве фараона⁵, выражает панический страх и преисполнено подобострастия. Тем не менее, это первые дошедшие до нас подлинные слова жителя Иерусалима:

“Семь и семь раз припадаю к стопам царя, господина моего. И вот что сотворили Милкиилу и Шувардату против страны господина моего: они взяли воинов от Гезера и пришли... нарушив закон царя. И вот, земли царя оказались в руках хабиру. И вот, город земли Иерусалимской по имени Бет-Ниниб, город царя, господина моего, стал владением людей Киилу. Да послушает царь раба своего Абди-Хебу и да пришлет лучников...”

Нам неизвестно, как отреагировал фараон на это послание. Но чем бы ни закончилась трагическая история осажденного врагами царя, всего столетием позже жители Иерусалима возвели на холме Офель, выше источника Гихон, крутые ступенчатые террасы, сохранившиеся до наших дней, – основание цитадели, или храма Салима. Эти мощные стены, башни и террасы были частью хананейской цитадели, которая известна нам под названием Сион и которую со временем предстояло завоевать Давиду.

Где-то в XIII веке до н. э. Иерусалим перешел под власть иевусеев, еще одной из ханаанских народностей, но в этот период мир древнего Средиземноморья уже захлестывали волны новых захватчиков – загадочных “народов моря”, явившихся, вероятно, с эгейских островов. В буре набегов и миграций тонули целые империи. Пало хеттское царство, в результате неких загадочных событий рухнули Микены, непрерывным потрясениям подвергался Египет – тут-то на исторической сцене и появился народ, называвший себя евреями.

Авраам в Иерусалиме: израильтяне

Над восточным Средиземноморьем сгустились “темные века”, продлившиеся три столетия, и за это время евреи, они же сыны Израиля, – загадочный народ, поклонявшийся Единому Богу, – сумели найти себе место для расселения в тесном Ханаане и впоследствии

⁴ Одна из теорий отождествляет хабиру с первыми евреями, однако это слово широко использовалось в те времена на всем Ближнем Востоке для названия разбойников – на вавилонском (аккадском) языке оно означает нечто вроде “бродяги”. Возможно, евреи были потомками одной из небольших групп хабиру.

⁵ В этом архиве содержится около 380 глиняных табличек с клинописными посланиями различных местных властителей в канцелярию царя Аменхотепа IV (1352-1336) – фараона-“еретика”, пытавшегося заменить традиционный политеизм единобожием – культом солнечного бога Атона. Аменхотеп взял новое имя Эхнатон (“полезный для Атона”) и основал новую столицу – Ахетатон (“горизонт Атона”), ныне это городище Амарна к югу от Каира. Царский архив (“Дом Переписки”) был обнаружен в Амарне в 1887 г.

основали здесь свое царство. История евреев озарена преданиями о сотворении мира, их собственном происхождении и их отношениях с Богом. Эти предания постепенно записывались в священных текстах, которые со временем сложились в Пятикнижие Моисеево – первую часть Танаха, Священного Писания иудеев. Библия стала книгой книг, но это было не какое-то цельное произведение, а пестрое собрание мистических текстов, созданных неизвестными авторами, которые писали и редактировали их в разное время и с разными устремлениями.

Эти священные тексты, творение стольких эпох и стольких умов, иногда описывают исторические факты, достоверность которых подтверждена другими источниками, но также содержат явно неправдоподобные мифы, возвышенную эпическую поэзию, не говоря уже о множестве загадочных, не до конца объяснимых деталей – возможно, это какой-то шифр, а может быть, эти фрагменты просто неправильно поняты, переданы и переведены. Большая часть библейских текстов написана не ради точного изложения событий, а ради передачи высшей истины: описания взаимоотношений народа и его Бога. Для человека верующего Библия является плодом Божественного Откровения. Для историка это противоречивый, ненадежный, содержащий повторы и неясности⁶, но при всем том бесценный источник, – зачастую единственное имеющееся в нашем распоряжении описание тех или иных событий. И, наконец, это первая и самая важная биография Иерусалима.

Согласно Книге Бытие, первой книге Библии, родоначальником еврейского народа был Аврам – кочевник родом из месопотамского города Ур, переселившийся в ханаанский город Хеврон, в землю, завещанную ему Господом. Бог дал Авраму новое имя Авраам, что значит “отец множества народов”, и во время своих странствий по Ханаану еврейский праотец получил также благословение Мелхиседека, царя Салима и “священника Бога Всевышнего”. Это первое упоминание Иерусалима в Библии позволяет предположить, что город уже в ту пору был святилищем хананеев и в нем правили цари-священники. Позднее Бог пожелал испытать веру Авраама, повелев тому принести сына, Исаака, в жертву на горе в “земле Мориа”; гора Мориа впоследствии стала называться Храмовой горой.

Хитроумный Иаков, внук Авраама, обманом выманил у своего престарелого слепого отца Исаака благословение первородства в ущерб своему брату Исаву. Но в борьбе с неким таинственным странником искупил свой проступок и получил новое имя, Израиль – “соперник Бога”, “боровшийся с Богом”. Этот момент знаменует собой рождение еврейского народа, последующие отношения которого с Богом были драматичны и мучительны. Двенадцать сыновей Израиля стали прародителями двенадцати колен – двенадцати еврейских племен, со временем переселившихся в Египет.

В преданиях о праотцах так много противоречий и неувязок, что эти истории не поддаются точной исторической датировке, однако через 430 лет, в книге Исход, израильтяне предстают перед нами уже как угнетенные рабы египтян, занятые на строительстве городов фараона. А затем чудесным образом, с Божьей помощью, уходят из Египта (евреи до сих пор отмечают свое избавление от рабства праздником Пасхи), ведомые пророком по имени Моисей. Во время странствий по Синайскому полуострову Бог вручает Моисею Скрижали Завета с десятью заповедями, пообещав евреям Ханаан, Землю обетованную, при условии, что они будут жить, почитая и соблюдая эти заповеди. Но когда Моисей попытался узнать имя Бога, то получил таинственный ответ, исключающий даже возможность дальней-

⁶ Акт Творения описан в Книге Бытие дважды (1:1–2:3 и 2:4–25). В ней приводятся две генеалогии Адама, две истории потопа, две версии завоевания Иерусалима и так далее. Налицо также множество анахронизмов: например, филистимляне и арамеи упоминаются в контексте более древней эпохи, когда они еще не пришли в Ханаан, выючные верблюды появляются в Библии задолго до того, как они на самом деле были одомашнены. Многие ученые считают, что самые ранние библейские книги представляют собой компиляцию из писаний двух разных авторов (или групп авторов): один из них называет Бога Элохим, другой – Яхве.

ших расспросов: “Аз есмь Суший”. По-древнееврейски это выражение передается буквами YHWH – Яхве, или, в более позднем искаженном варианте, Иегова⁷.

Многим семитам случалось поселиться в Египте; одним из тех фараонов, которые заставляли евреев строить египетские города, был, по-видимому, Рамсес II Великий. Имя Моисей – египетского происхождения, и это позволяет предположить, что еврейский пророк, по меньшей мере, родился в Египте. И нет никаких оснований сомневаться в том, что первый харизматический вождь любой монотеистической религии, будь то Моисей или кто-либо иной, верил в то, что сподобился Божественного Откровения – потому что именно так начинаются все подобные религии. Так что предания семитского народа о спасении от угнетения представляются вполне правдоподобными, пусть даже они плохо поддаются точной датировке.

Моисей успел бросить взгляд на Землю обетованную с горы Нево, но умер прежде, чем смог вступить в Ханаан. Сынов Израиля повел туда его преемник Иисус Навин. Библия рисует еврейское завоевание Ханаана одновременно и как цепь кровавых побоищ, и как мирный процесс постепенного расселения и освоения новых земель. Археологических свидетельств завоевания Ханаана не найдено, однако пастухи-кочевники исстари основывали на иудейских нагорьях множество неукрепленных поселений⁸. Вполне вероятно, что в числе этих поселенцев была и небольшая группа израильтян, вышедших из Египта. Их объединяла вера в общего Бога, Яхве, которому они поклонялись с помощью переносной святыни – скинии, где хранился священный деревянный ларец, Ковчег Завета. Собственную идентичность они определяли рассказами о своих праотцах и патриархах. Многие из этих преданий – от легенды о сотворении Адама до жизнеописания Авраама – впоследствии станут частью священной истории не только иудеев, но также христиан и мусульман, а местом действия этих рассказов или их смысловым центром будет Иерусалим.

Никогда раньше сыны Израиля не подходили так близко к этому городу.

⁷ Во времена Храма лишь первосвященник и только раз в год мог произносить тетраграмму YHWH. Евреям и сегодня воспрещается проговаривать имя Бога вслух, и оно заменяется словами “Адонай” (“Господь мой”) или “ха-Шем” (досл. “Имя”).

⁸ Вторжение евреев в Ханаан – исторический сюжет, породивший сложные и, как правило, недоказуемые и взаимоисключающие теории. Например, похоже, что взятие Иерихона, стены которого якобы рухнули от звуков труб Иисуса Навина, – не более чем легенда. Иерихон гораздо старше Иерусалима – в 2010 г. палестинские власти отмечали 10 тысяч лет со дня его основания (дата, разумеется, была выбрана произвольно). Но, несмотря на то, что Иерихон действительно какое-то время был заброшен и пустовал, нет никаких археологических свидетельств внезапного обрушения его стен. Гипотезу о массированном вторжении трудно принять буквально, поскольку небольшие стычки (подобные описанным в Книге Иисуса Навина) неминуемо происходят в любых тесных зонах расселения, где соперничают несколько народов. Тем не менее, Вефиль близ Иерусалима (один из немногих городов, разрушение и сожжение которого описано в Библии) был и в самом деле разрушен в XIII в. до н. э. Возможно, израильтяне были гораздо более миролюбивыми и терпимыми, чем хотели показаться в своих писаниях.

2. Возвышение Давида

Юный Давид

Иисус Навин встал лагерем к северу от Иерусалима, в Силоме, и воздвиг там жертвенник Яхве. В Иерусалиме тогда жили иевусеи, которыми правил Адониседек, – судя по имени, царь-священник. Адониседек оказал Иисусу сопротивление, но был разгромлен. “Но иевусеев, жителей Иерусалима, не могли изгнать сыны Иудины, и потому иевусеи живут с сынами Иуды в Иерусалиме даже до сего дня”. Около 1200 года до н. э. египетский царь Мернептах, сын Рамсеса Великого и, возможно, тот самый фараон, который был вынужден освободить евреев и отпустить их с Моисеем, пытался справиться с набегами “народов моря”, уже некоторое время испытывавших на прочность древние империи Ближнего Востока. Фараон предпринял поход в Ханаан, чтобы подавить начавшееся там брожение и восстановить имперский порядок. По возвращении домой он увековечил свой триумф на стенах храма в Фивах: высеченная на камне надпись сообщает, что царь победил народы моря, отвоевал Аскалон (Ашкелон) и истребил народ, имя которого впервые появляется в историческом источнике: “Израиль пуст, нет его семени”.

Израиль в ту пору еще не был монархией. Книга Судей рассказывает о конфедерации племен, которой управляли харизматические вожди (“судьи”) и которая теперь столкнулась с новым врагом – филистимлянами, одним из “народов моря”, пришедшим, возможно, с Эгейских островов. Филистимляне захватили побережье Ханаана и построили там пять богатых городов; они занимались ткачеством, обжигали красно-черную керамику и поклонялись многочисленным богам. Израильтяне, пастухи из небольших горных селений, не могли достойно противостоять этим опытным воинам, которые были закованы в панцири, носили поножи и шлемы, сражались весьма совершенным оружием и были даже способны остановить в ближнем бою атаку грозных египетских колесниц.

Согласно одной из версий Книги Судей (правда, эта версия считается не слишком достоверной), израильтяне в какой-то момент захватили и сожгли Иерусалим, но если так оно и было, им не удалось удержать крепость.

В битве при Авен-Езере, произошедшей около 1050 года до н. э., филистимляне сокрушили евреев, разрушили их жертвенник в Силоме, захватили Ковчег Завета, священный символ Яхве, и явно намеревались продолжить наступление в иудейские холмы, где находился Иерусалим. Под угрозой истребления и желая быть “как другие народы”, израильтяне решили взять себе царя, но хотели, чтобы его назначил непосредственно Бог. Они обратились к своему престарелому судье, пророку Самуилу. Пророк в те времена был не столько предсказателем будущего, сколько толкователем Божественной воли в настоящем. Израильтянам был нужен сильный военный вождь, и Самуил остановил свой выбор на молодом воине Сауле, помазав его на царство. Управляя страной из своей крепости Гаваон, стоявшей на вершине холма всего в нескольких милях к северо-западу от Иерусалима, новый вождь Израиля поначалу оправдывал надежды народа, последовательно разгромив моавитян, эдомитян и филистимлян. Но талантливый полководец Саул оказался, однако, плохим царем: “А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа”.

Столкнувшись с явной психической нестабильностью Саула, Самуил тайне начал подыскивать ему преемника. В одном из восьми сыновей некоего Иессея из Вифлеема пророк различил черты гениальности. Давид, самый младший из братьев, “был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом”. И сказал Господь Саулу: “Встань, помажь его, ибо это он”. Давид был также “искусен в игре на гуслях”, был “человеком храбрым и воинственным

и разумным в речах”. Он один из самых замечательных персонажей Ветхого Завета, хотя и довольно противоречивый. Человек, превративший Иерусалим в Святой город, был поэтом и завоевателем, убийцей и прелюбодеем, а набожность и ум государственного мужа сочетались в нем с пороками авантюриста.

Самуил привел Давида ко двору Саула, и царь назначил его одним из своих оруженосцев. А когда царем овладевало безумие, Давид проявлял первый из своих даров: он брал гусли и играл на них, “и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него”. Талант музыканта – важная составляющая харизмы Давида: многие из приписываемых Давиду псалмов, очевидно, действительно были сочинены им.

Филистимляне вторглись в Иудею, и Саул с войском вышел им навстречу. В стане филистимлян был могучий великан по имени Голиаф, закованный в медные чешуйчатые латы, столь не похожие на легкие и ненадежные доспехи израильтян. Саул хотел избежать генерального сражения и, вероятно, испытал облегчение, пусть и смешанное с изрядной долей скепсиса, когда Давид потребовал, чтобы ему дали сразиться с великаном. Юноша отказался от одежды и доспехов царя, он лишь “выбрал себе пять гладких камней из ручья” и взял пращу. Выступив навстречу Голиафу, Давид метнул камень⁹ и “поразил филистимлянина в лоб, так что камень вонзился в лоб его, и он упал лицом на землю”. Подбежав к поверженному противнику, Давид вытащил у того из ножен меч и отсек ему голову. “Филистимляне, увидев, что силач их умер, побежали”, а израильтяне преследовали их до самого города Аккарон.

Эта история, вероятно, совершенно легендарна и должна лишь показать, что уже в юности Давид проявил себя как бесстрашный и ловкий воин¹⁰. Саул возвысил Давида за храбрость, и женщины, выходившие встречать победителей, пели: “Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч”. Сын Саула Ионафан подружился с Давидом, а дочь Саула Мелхола полюбила его. Саул разрешил им пожениться, но с муками зависти совладать не мог и дважды пытался убить своего зятя копьем. Царская дочь спасла жизнь мужа: она помогла Давиду бежать, спустив его из окна дворца, и он нашел убежище у священников в Навафе. Саул продолжал преследовать бывшего любимца, но Давиду вновь удалось скрыться, а тем временем к нему стали стекаться “все притесненные... и огорченные душой”, и скоро под началом Давида собрался отряд в 600 человек. Дважды Давид прокрадывался в шатер к спящему царю, но каждый раз щадил его, и в конце концов Саул с плачем признал: “Ты правее меня, ибо ты воздал мне добром, а я воздавал тебе злом”.

Наконец Давид со своим отрядом поступил на службу к филистимскому царю Анхусу из Гефа, который пожаловал ему город Секелаг. Филистимляне вновь вторглись в Иудею и разгромили войско Саула на горе Гильбоа. Сын царя Ионафан был убит, а Саул покончил с собой, “пав на меч”.

⁹ Праща в те времена считалась серьезным оружием: пращники запечатлены на рельефах Бени-Хасана в Египте, где они участвуют в битве наравне с лучниками. Из царских надписей Египта и Ассирии явствует, что отряды пращников были регулярными боевыми соединениями царских армий. Опытный пращник, метнув специально отполированный камень размером с теннисный мяч, мог поразить цель на расстоянии 100–150 м.

¹⁰ Как на самом деле звали Давида? В Библии история о Голиафе рассказывается дважды, и во второй версии израильский юноша-герой назван Элханан: может быть, это и есть настоящее имя царя Давида, данное ему от рождения?

3. Царство и храм

Давид: царский город

Некий молодой человек явился в лагерь Давида из стана Саула и рассказал, что он убил царя, “помазанника Божьего”: “Я подошел к нему и убил его, ибо знал, что он не будет жив после своего падения”. Давид приказал убить вестника, а Саула и Ионафана оплакал бессмертными стихами: “Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих! Как пали сильные!.. Дочери Израильские, плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши золотые уборы... Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей; быстрее орлов, сильнее львов они были... Как пали сильные, погибло оружие бранное!”

В этот мрачный час к Давиду пришли “мужи Иудины” (то есть представители колена Иуды) и помазали его на царство, и Давид стал править южной частью страны, Иудеей, сделав своей столицей Хеврон. А уцелевший сын Саула, Иевосфей, наследовал отцу и стал царем северных племен, то есть Израиля. После семилетней усобицы Иевосфей был убит, и северные племена также признали Давида своим царем. Так Давид стал во главе объединенного царства, хотя трещину, которая пролегла между Севером (Израилем) и Югом (Иудеей), удалось загладить только благодаря его личной харизме.

Иерусалим в те годы назывался Иевус – по имени обитавших в нем иевусеев. Давид со своим войском осадил, а потом взял штурмом городскую цитадель – крепость Сион, не устранившись грозных укреплений, которые были не так давно обнаружены археологами вокруг источника Гихон¹¹. Сион считался неприступным, и как именно Давиду удалось захватить цитадель, остается загадкой. Библия рассказывает, что иевусеи выставили на стены слепых и увечных, наглядно демонстрируя осаждавшим, что их ждет в бою. Однако царь Давид каким-то образом все же проник в город, возможно, по одному из подземных водопроводных туннелей (целая сеть таких туннелей была раскрыта археологами на холме Офель). Как бы там ни было, “Давид взял крепость Сион: это – Город Давидов”.

Возможно, взятие крепости было результатом дворцового переворота. Давид не стал учинять в городе резню, пощадил иевусеев и принял их в свою разноплеменную свиту и в свое войско. Он переименовал крепость Сион в Город Давидов, укрепил стены и перенес в Иерусалим Ковчег Завета, давно возвращенный от филистимлян. Святость реликвии была столь неумолима, что человек, пытавшийся поддержать колесницу с ковчегом, накренившуюся на крутой дороге, был убит на месте. Ковчег пришлось оставить на три месяца в доме одного достойного доверия жителя Гефа, и лишь затем Давид и “весь дом Израилев” перенесли “Ковчег Господень с восклицаниями и трубными звуками” в Город Давидов, принося в жертву тельца и овна через каждые шесть шагов пути. Одетый в священнический льняной ефод, “Давид скакал изо всей силы пред Господом”. Господь же обещал Давиду, что его дом и его царство будут непоколебимы навеки. Вековая борьба была закончена, и Давид провозгласил, что Священный город навсегда стал домом Яхве.

¹¹ Вероятно, это наиболее перекопанное археологами место в мире. Раскопки, которые сейчас ведет здесь профессор Ронни Рейх, – двенадцатые по счету на этом участке (именно в ходе этих раскопок были обнаружены хананейские укрепления, описанные в первой главе). Но еще в 1867 г. английский археолог Чарльз Уоррен нашел шахту, тянувшуюся от вершины Офеля вниз к источнику. Долгое время исследователи считали, что это рукотворный колодец и что воду из источника черпали сверху с помощью корзин на длинных веревках. Но последние раскопки показали, что “шахта Уоррена” – это естественное образование, а водосборником служил огромный резервуар, высеченный в скальной породе чуть в стороне от шахты и защищенный сверху огромной башней и стенами.

Мелхола, жена Давида, укоряла мужа за то, что он, полуобнаженный, пляшущий перед Господом, выглядел “пред глазами рабов своих, как какой-нибудь пустой человек”. Если более ранние книги Библии представляют собой компиляцию древних текстов и ретроспективных историй, написанных гораздо позже, то противоречивый, “негероический” портрет Давида в первых двух Книгах Царств кажется столь ярким и выпуклым, что он, возможно, основан на воспоминаниях одного из придворных царя.

Давид выбрал Иерусалим своей столицей потому, что город не принадлежал ни северным племенам, ни его родной Иудее. Он перенес сюда золотые щиты поверженных им врагов и построил дворец из кедрового дерева, полученного от своих финикийских союзников из Тира. Согласно преданию, царство Давида простиралось от Ливана до границ Египта, а на востоке в него входили обширные территории современных Иордании и Сирии; даже в Дамаске стоял царский гарнизон. Тем не менее, единственным источником наших знаний о Давиде остается Библия: в 1200–850 годах до н. э. Египет и великие империи Передней Азии переживали период упадка и оставили крайне мало царских надписей, кроме того, на Ближнем Востоке, по-видимому, возник серьезный вакуум власти. Однако исторический Давид, безусловно, существовал: надпись, обнаруженная в 1993 году в Тель-Дане (Северный Израиль) и относящаяся в IX веку до н. э., именуется династией царей Иудеи “домом Давида”, следовательно, именно Давид был ее основателем.

Иерусалим Давида был крошечным городком. В то время Вавилон занимал площадь в тысячу гектаров; и даже город Хацор в Галилее, к северу от Иерусалима, имел площадь около 80 га. Площадь же Иерусалима едва ли превышала шесть гектаров – ровно столько, сколько и нужно было для примерно 1200 человек, живших вокруг крепости. Однако недавние раскопки укреплений над источником Гихон доказывают, что Город Давидов был гораздо более внушительным, чем считалось прежде, пусть он и не походил на имперскую столицу¹². Размеры царства Давида, завоеванного с помощью критских, филистимских и хеттских наемников, также представляются в целом правдоподобными (хотя и слегка преувеличенными авторами библейских текстов). Это царство, в сущности, было просто племенным союзом, который скрепляли авторитет и личная харизма царя. Много столетий спустя Маккавеи еще раз продемонстрируют, с какой скоростью энергичный полевой командир может завоевать Иудею в условиях вакуума царской власти.

Однажды вечером Давид отдыхал на крыше своего дворца. И “увидел с кровли купающуюся женщину, а та женщина была очень красива. И послал Давид разведать, кто эта женщина. И сказали ему: это Вирсавия...”. Вирсавия была женой иноплеменного командира наемников – Урии Хеттеянина. Давид позвал ее к себе, “и она пришла к нему, и он спал с нею”, и Вирсавия забеременела. Тогда царь приказал своему военачальнику Иоаву вернуть Урию из военного похода в земли современной Иордании. Когда Урия прибыл ко двору, Давид сказал ему: “Иди домой и омой ноги свои”, желая, чтобы Урия переспал с женой и, таким образом, ее беременность получила бы законное объяснение. Но Урия отказался идти домой в разгар военных действий, и тогда Давид приказал ему доставить письмо Иоаву, а “в письме он написал так: поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение... чтоб он был поражен и умер”. И Урия был убит.

¹² О размерах города Давида в настоящее время бурно спорят “минималисты”, считающие, что это была всего лишь маленькая крепость местного военного вожда, и “максималисты”, отстаивающие библейское представление об Иерусалиме как имперской столице. До того, как была найдена надпись в Тель-Дане, наиболее радикальные минималисты даже намекали, что и самого Давида не существовало вовсе, ссылаясь на отсутствие каких-либо археологических свидетельств. В 2005 г. доктор Эйлат Мазар объявила, что нашла дворец царя Давида. Новость была встречена с недоверием, однако в ходе раскопок было действительно обнаружено весьма внушительное здание X в. до н. э., которое наряду с хананейскими укреплениями и ступенчатыми террасами, возможно, входило в комплекс цитадели Давида.

Вирсавия стала любимой женой Давида, и тогда пророк Нафан рассказал ему историю о некоем богаче, у которого было “много мелкого и крупного скота”, но он все равно отобрал единственную овцу у бедняка. Давид был возмущен такой несправедливостью: “Достоин смерти человек, сделавший это”. “Ты – тот человек”, – сказал Нафан Давиду. Только тогда царь осознал, что совершил чудовищное преступление. Его ребенок от Вирсавии, зачатый в грехе, заболел и умер. Но второй сын Давида и Вирсавии, нареченный Соломоном, выжил.

Двор Давида был далек от идеала, и такие подробности придворной жизни выглядят вполне правдоподобными. Как и многие другие империи, выстроенные волею одного сильного человека, объединенное царство Давида на закате его жизни начало давать трещины: его сыновья повели междоусобную борьбу за власть. Старший сын Давида Амнон мог рассчитывать на престол, но любимым сыном царя был избалованный и честолюбивый Авессалом, единокровный брат Амнона, гордившийся своими прекрасными длинными волосами и красотой без единого изъяна: “Во всем Израиле не было мужчины столь красивого, как Авессалом”.

Авессалом: возвышение и гибель царевича

Амнон обманом заманил Фамарь, родную сестру Авессалома, к себе домой и изнасиловал ее. Авессалом убил брата, но, видя скорбь Давида и страшась его гнева, бежал из столицы и возвратился в Иерусалим только через три года. Давид и его любимый сын помирились: Авессалом “пришел к царю и пал лицом своим на землю пред царем, и поцеловал царь Авессалома”. И все равно царевич не мог укротить свое тщеславие. Он разъезжал по городу в колеснице, перед которой бежали 50 скороходов, и настраивал горожан против отца, так что “сердце израильтян уклонилось на сторону Авессалома”. В конце концов он поднял мятеж и сделал своей штаб-квартирой Хеврон.

Слава мятежного царевича упрочивалась: “Народ стекался и умножался около Авессалома”. Но к престарелому царю вернулась былая сила духа: он взял Ковчег Завета, символ благоволения Божия, и вместе с ним покинул столицу. И пока Авессалом утверждался в Иерусалиме, Давид собирал войско. Однако он предупредил своего военачальника Иоава: “Сберегите мне отрока Авессалома”. Когда войско Давида разгромило мятежников в лесу Ефремовом, Авессалом бежал с поля битвы верхом на муле. Но его прекрасные длинные волосы стали причиной его гибели: “Когда мул вбежал с ним под ветви большого дуба, то [Авессалом] запутался волосами своими в ветвях дуба и повис между небом и землею, а мул, бывший под ним, убежал”. Когда Иоав и его люди нашли повисшего на ветвях царевича, они убили Авессалома и бросили тело в глубокую яму, забросав камнями, хотя царевич еще при жизни воздвиг себе надгробный монумент – мраморный столб¹³. “Благополучен ли отрок Авессалом?” – спросил Иоав царь. А услышав о смерти царевича, начал горько стенать: “Сын мой Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! о, кто бы дал мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!”

Когда по стране распространились голод и моровая язва, Давид, стоя на горе Мориа, увидел Ангела Смерти, простирающего руку на Иерусалим, чтобы уничтожить его жителей. И в тот момент Давид испытал раскаяние и сказал: “Вот, я согрешил, я поступил беззаконно;

¹³ Где находился этот монумент, мы не знаем. Сегодня гробницей Авессалома называют вырубленный в скале и увенчанный коническим куполом склеп в Кедронской долине, напротив Храмовой горы. Впервые это здание упоминает в качестве гробницы Авессалома еврейский путешественник Вениамин Тудельский (1170), однако оно никак не могло быть построено во времена царя Давида и, по всей видимости, датируется I в. до н. э. В Средние века евреи, которых в те времена не подпускали к городу (в том числе и к Западной стене), молились у гробницы, обратившись лицом к Храмовой горе. С другой стороны, еще в начале XX в. проходившие мимо гробницы плевали в ее сторону или бросали в нее камни, осуждая тем самым вероломство мятежного царевича.

а эти овцы, что сделали они? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего”. Тогда Господь устами пророка Гада повелел царю поставить жертвенник на горе Мориа. Правители иевусейского Иерусалима описываются в библейских текстах как цари-священники, следовательно, уже в те времена в городе было какое-то святилище. У одного из коренных жителей Иерусалима по имени Орна Иевусеянин было гумно на горе Мориа (то есть, к тому времени город уже поднялся с холма Офель на примыкавшую к нему гору). “И купил Давид гумно и волов за пятьдесят сиклей серебра. И соорудил там Давид жертвенник Господу и принес всесожжения и мирные жертвы”. Более того, Давид решил построить на этом месте не просто алтарь, а целый храм, и даже успел заказать кедровые бревна у Авиваала, царя финикийского Тира. Это был звездный час Давида: он уже предвкушал, как соединит Бога и Его народ, примирит Израиль и Иудею, утвердит Иерусалим как священную столицу Господа. Но этому не суждено было случиться, поскольку Господь сказал Давиду: “Не строй дома имени Моему, потому что ты человек воинственный и проливал кровь”.

Теперь Давид был просто немощным стариком, и его придворные и сыновья интриговали за право наследования. Еще один сын Давидов, Адония, задумал узурпировать власть, а для отвлечения внимания отца ему в услужение взяли красивую и проворную девушку по имени Ависага. Но заговорщики недооценили Вирсавию.

Соломон: храм

Вирсавия потребовала у Давида трон для своего сына Соломона. Давид призвал священника Цадока и пророка Нафана, и те препроводили Соломона на царском муле к священному источнику Гихон. Там Соломон был помазан на царство. “И затрубили трубою, и весь народ восклицал: да живет царь Соломон!” Адония, услышав, как радуется народ, и “боясь Соломона, встал и пошел и ухватился за роги жертвенника”. Соломон обещал сохранить ему жизнь.

Прожив жизнь выдающегося государственного мужа, объединив израильтян и сделав Иерусалим городом Бога, Давид умер, завещав Соломону воздвигнуть храм на горе Мориа, “и погребен был в Городе Давидовом”¹⁴. Авторы Книги Царств, писавшие ее через четыре-ста лет после смерти Давида в назидание своим современникам, превратили далекого от совершенства человека в идеал царя. Сын же его был совсем другим. Соломону предстояло завершить священную миссию, порученную ему отцом, но в начале своего правления – это было около 970 года до н. э. – он пролил много крови.

Вирсавия попросила Соломона, чтобы он отдал в жены своему старшему единокровному брату Адонии последнюю наложницу Давида. “А зачем ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адонии? Проси ему *также* и царства”, – саркастически ответил Соломон и приказал убить Адонию, а заодно и старых боевых товарищей своего отца. Эта история – последняя из числа тех, что записаны, возможно, придворным историком Давида, но она также – первая и единственная, в которой Соломон описывается как живой человек. Затем он превращается в легендарного, неправдоподобно совершенного правителя, наделенного непостижимой для простого смертного мудростью и исключительными достоинствами. Все, чем обладал Соломон, было больше и лучше того, чем владели другие цари. Его мудрость породила три тысячи притчей и 1005 песней; его гарем насчитывал 700 жен и 300 наложниц, а в его войске было 12 тысяч всадников и 1400 колесниц. Эти драгоценные шедевры военной

¹⁴ Через несколько столетий Иоанн Гиркан, царь из династии Маккавеев, ограбил гробницу Давида, чтобы заплатить выкуп осаждавшему Иерусалим сирийскому царю. А еще два тысячелетия спустя, во времена крестоносцев, рабочие, поновлявшие Сионскую горницу, в которой, по преданию, происходила Тайная вечеря, обнаружили под ней палату, которую посчитали гробницей Давида. Это место и сегодня почитают иудеи, христиане и мусульмане, однако настоящее место захоронения царя неизвестно.

техники были размещены в городах-крепостях Мегиддо, Газер и Хацор, а флот царя стоял на якоре в Ецион-Гавере “возле Елафа, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской”.

Соломон торговал с Египтом и Киликией, покупая и продавая пряности и золото, колесницы и коней. Со своим финикийским союзником, царем Хирамом из Тира, он организовывал совместные торговые экспедиции в Офир (возможно, западное побережье Индии). Он принимал у себя в гостях царицу Савскую – правительницу легендарного Сабейского царства в южной Аравии, которая пожаловала в Иерусалим “с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями”. Золото стекалось к Соломону из Офира, медь – из его собственных копей. Богатство Соломона преобразило Иерусалим: “Сделал царь серебро в Иерусалиме равноценным с простыми камнями, а кедр, по их множеству, сделал равноценным с сикоморами”.

Самым красноречивым свидетельством международного престижа Соломона стала его женитьба на дочери фараона. Фараоны почти никогда не выдавали своих дочерей замуж за иностранцев, тем более не могла идти речь о каком-то еврейском парвеню, чьи предки еще недавно пасли коз в горах Ханаана. Однако Египет, прежде столь горделивый, раздирали в эти годы очередная внутренняя смута. Фараон Сиамон смог захватить древний хананейский город Газер неподалеку от Иерусалима, но, вероятно, осознавая, что слишком удален от дома, предложил Соломону в жены свою дочь, а покоренный город отдал в качестве приданого. Немыслимая честь для любого здешнего царька в любое иное время!

Однако высшим свершением Соломона стал Храм Иерусалимский, задуманный еще его отцом Давидом. “Дом Господень” был возведен рядом с царским дворцом Соломона на священном участке. Храмово-дворцовый комплекс подробно описан в Библии: в него входили величественные дворцы и покои, отделанные золотом и кедром, включая “дом из дерева ливанского”, “притвор из столбов длиною в пятьдесят локтей” и “притвор с престолом”, с которого царь вершил свой справедливый суд.

Этот храм, впрочем, не был произведением одних только израильтян. Финикийцы, жившие в независимых городах-государствах вдоль ливанского побережья, были в то время самыми искусными ремесленниками и самыми умелыми мореходами Средиземноморья. Они славились своей драгоценной краской – тирским пурпуром (греческое название страны *Phoinike*, возможно, и означает “земля пурпура”), они изобрели алфавит. Тирский царь Хирам не только поставлял Соломону кипарисы и кедр для постройки, но и предоставил мастеров, украсивших храм серебряным и золотым декором. Все в этом Храме было из “чистого золота”.

Первый Иерусалимский Храм не был рядовым святилищем: это был настоящий дом Бога, внушительный комплекс, состоявший из трех частей, длиной в 60 локтей, шириной в 20, обнесенный стеной. Входом в него служили ворота с двумя медными столбами, “каждый в восемнадцать локтей вышиной”, называвшимися Иахин и Воаз, украшенными лилиями и плодами граната. Эти ворота вели в большой, с колоннами, внутренний двор, открытый небу и обрамленный с трех сторон двухэтажными палатами – “боковыми комнатами”, в которых, по всей видимости, размещались царские архивы или сокровищница. Из передней части Храма открывался портик в святилище: десять золотых светильников стояли там вдоль стен. Золотой стол для “хлебов предложения” был установлен перед золотым жертвенником, там же были водоем, подставки на колесах с чашами-“умывальницами” и литой из меди пруд, известный как “море”. Из этой средней части Храма вели ступени во внутреннюю часть Храма – Святая Святых¹⁵, – небольшую комнату, которую охраняли два крылатых херувима высотой в десять локтей каждый, сделанные из масличного дерева и обложенные золотом.

¹⁵ Где находилась Святая Святых? Сегодня это политически взрывоопасный вопрос и настоящий камень преткновения в любых палестино-израильских переговорах о статусе Иерусалима. Поскольку неизвестны точные размер и очертания

И все же своему дворцу Соломон уделил еще больше внимания. Дом Бога он закончил за семь лет, а собственный дом строил тринадцать. К тому же дворец Соломона был размером больше, чем Храм. В “Доме Господнем” должна была царить тишина, поэтому “ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в Храме при строительстве его”. Мастера-финикийцы обтесывали камни, рубили кипарисовые и кедровые стволы, заготавливали украшения из золота, серебра и меди в Тире, а оттуда плотами вдоль побережья доставляли в Иерусалим. Царь Соломон укрепил и саму гору Мориа, удлинив старые подпорные стены: с тех пор название Сион, которое раньше относилось к древней цитадели Города Давида, распространилось также на гору.

Когда строительство было закончено, Соломон собрал “все общество Израилево”, чтобы люди увидели, как старейшины и начальники всех колен народа переносят ларец из белой акации – Ковчег Завета – из скинии, находившейся в Городе Давида, в новый Храм на горе Мориа. Соломон принес жертву у алтаря, и наконец “внесли священники Ковчег Завета Господня на место его... в Святая Святых, под крылья херувимов”, сверкавших золотом. В Святая Святых ничего не было, кроме херувимов и Ковчега Завета, а в Ковчеге – деревянном ящике размером 120 на 75 см – ничего не было, кроме двух каменных скрижалей с законами Моисея. Это место считалось священным в такой степени, что не было предназначено для общественной молитвы: в этой пустоте пребывала аскетическая, не имеющая зримого образа божественная сущность Яхве – уникальная особенность религии евреев.

Когда священники вышли из Святая Святых, Соломон освятил Храм на глазах у народа и обратился к Богу со словами: “Я построил Храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе вовеки”. И ответил Господь Соломону: “Я поставлю царский престол твой над Израилем вовек, как Я сказал отцу твоему Давиду”. Так было положено начало празднику, собиравшему в Иерусалиме множество паломников: “И приносил Соломон три раза в год всеожжения и мирные жертвы на жертвеннике”. Именно в этот момент священная идея иудео-христианско-исламского мира обрела свое материальное пристанище – дом Божий. Иудеи и другие “люди Писания” (то есть последователи религий, почитающих Библию) верят, что Бог никогда не оставлял Своим присутствием Храмовую гору. Иерусалиму было предначертано стать главным местом общения Бога и человека.

Соломон: закат

Библия довольно подробно описывает Храм Соломонов, и мы хорошо представляем себе многие его детали. Но иных, внебиблейских источников, подтверждающих достоверность этих сведений, мы не знаем. Не найдено и никаких материальных остатков Храма.

Это не так удивительно, как может показаться. Вести раскопки на Храмовой горе невозможно как по политическим, так и по религиозным соображениям. Но даже если такие раскопки рано или поздно будут разрешены, вряд ли мы найдем какие-либо следы Храма, ведь его разрушали по меньшей мере дважды, сравнивали с землей по меньшей мере один раз, а в промежутках между разрушениями бесконечно ремонтировали, расширяли и пере-

площадки Храмовой горы до того, как ее расширил Ирод Великий, по этому поводу существует множество теорий. Многие ученые считают, что Святая Святых находилась точно на скальном выступе, над которым сегодня водружен мусульманский монумент, известный как Купол Скалы. Другие полагают, что таинственная каверна под этим монолитом из желтоватого песчаника служила местом погребения уже в 2000 г. до н. э. В пользу этой версии говорит и фольклор: согласно преданию, евреи, вернувшиеся из вавилонского плена около 540 г. до н. э., нашли в ней череп Орны Иевусея (хозяина участка на горе Мориа, который царь Давид в свое время выкупил для постройки жертвенника). *Мишина* – первый письменный текст, зафиксировавший устную традицию иудаизма (II в. н. э.), – называет пещеру Бездонной могилой, ведущей прямоком в недра земли, мусульмане именуют ее Колодцем душ. Иудеи и мусульмане верят, что на этом камне Бог сотворил Адама, на нем же Авраам собирался принести в жертву Исаака. Иудеи считают эту скалу Камнем Основания (Краеугольным камнем) Храма.

страивали. И все же первый Храм скорее всего был и размером, и убранством примерно таким, каким его описывает Библия, пусть даже она несколько преувеличивает его величие.

Храм Соломона был типичным для своего времени. Финикийские храмы, по образцу которых он отчасти был построен, представляли собой процветающие предприятия, которыми управляли сотни чиновников. У таких храмов имелся обширный штат храмовых блудниц, чьи заработки пополняли храмовую сокровищницу, и даже цирюльники – к услугам тех, кто желал посвятить свои волосы богу. Планы сирийских храмов, раскопанных во многих местах региона, а также их утварь, в том числе чаши для омовений, очень напоминают описанное в Библии святилище Соломона.

Сообщениям об изобилии в нем золота и слоновой кости вполне можно доверять. Столетие спустя цари Израиля правили северной частью страны из своих роскошных дворцов в Самарии, и в руинах этих дворцов археологи обнаружили фрагменты убранства из слоновой кости. Согласно Библии, на отделку Храма Соломон употребил 500 золотых щитов, но и другие источники подтверждают, что недостатка в золоте в эту эпоху не было: его привозили из таинственного Офира, кроме того, оно поступало из золотых копей в Нубии. В описании похода египетского фараона Шешонка, разорившего Иерусалим через некоторое время после смерти Соломона, упоминается огромное количество золота и других ценностей, захваченных египтянами в Храме и в царском дворце. Знаменитые же копии царя Соломона долгое время считались мифом, однако затем в Иордании и в долине Тимна, на самом юге Израиля, были обнаружены медные рудники, которые разрабатывались как раз во времена правления царя. Численность войска Соломона также выглядит вполне правдоподобной: мы знаем, что и через сто лет после Соломона царь Иудеи мог выставить на поле боя две тысячи колесниц¹⁶.

Величие Соломона, возможно, несколько преувеличено в Библии, но закат его правления описан очень реалистично: мудрый царь стал непопулярным тираном, обременившим народ “тяжким игом” непомерных податей ради воплощения в жизнь своих монументальных проектов и добивавшимся послушания бичами. К разочарованию верных единобожием библейских авторов, писавших о царе два столетия спустя после его кончины, Соломон в старости “уклонил сердце свое от Господа Бога Израилева” и стал служить местным языческим богам, да к тому же, помимо дочери фараона, любил “многих чужестранных женщин”.

От Эдома на юге до Дамаска на севере во владениях Соломона вспыхивали восстания, а его собственный военачальник Иеровоам задумал поднять мятеж среди северных племен. Соломон решил убить Иеровоама, но тот успел бежать в Египет, где его взял под свое покровительство Шешонк – фараон-ливиец, задумавший возродить былую мощь египетской империи. Царство Иудейское вступало в полосу потрясений.

¹⁶ Библия говорит, что Соломон построил Мегиддо, Газер и Хацор, и называет их “городами для конницы и колесниц”. Но в последние годы развернулась оживленная дискуссия относительно их датировки. “Ревизионисты” во главе с профессором Исраэлем Финкельштейном считают, что дворцы в этих городах носят следы сирийского влияния и построены столетие спустя после Соломона. Другие археологи оспаривают эту точку зрения. Красно-черная керамика, обнаруженная при раскопках, датируется концом X в. до н. э., то есть примерно временем правления Соломона. Последние исследования зданий позволяют предположить, что это и вправду были огромные конюшни X в. – свидетельство мощи конного войска Соломона и развитого коневодства в восточном Средиземноморье того времени.

4. Цари иудейские 930–626 гг. до н. э.

Ровоам против Иеровоама: раскол

Соломон умер в 930 году до н. э., процарствовав 40 лет. Его сыну и наследнику Ровоаму пришлось совершить официальный визит на север, чтобы его признали царем десять северных колен, представители которых собрались в Сихеме. Северяне готовы были подчиниться молодому царю, но требовали отмены непосильных податей. Их старейшины призывали вернувшегося из Египта военачальника Иеровоама, чтобы он передал Ровоаму их просьбу: облегчить бремя, наложенное на них его отцом. Но Ровоам дерзко ответил: “Я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами”. Тогда десять северных колен провозгласили своим царем Иеровоама: “Отложился Израиль от дома Давидова”.

Ровоам остался царем одной лишь Иудеи – небольшой области вокруг Иерусалима и к югу от него. Но он был внуком Давида и в его владениях находился Храм, дом Яхве. Более опытный Иеровоам, сделавший своей столицей Сихем, сознавал опасность: “Если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, Ровоаму, царю Иудейскому”. Поэтому Иеровоам построил в Вефиле и Дане два собственных небольших святилища – типичные хананейские жертвенники. Северяне стали приносить жертву здесь, а не в Иерусалиме. Так политический раскол усугубился расколом религиозным. Правление Иеровоама было долгим и успешным, но затмить блеск Иерусалима ему так и не удалось.

Два еврейских царства то воевали друг с другом, то становились близкими союзниками. Почти четыре века, начиная с 900 года до н. э., династия Давида правила Иудеей, в то время как более богатый Израиль (северная часть страны) превратился в региональную военную державу: ее престол по большей части занимали военачальники, захватывавшие его в результате кровавых переворотов. Один из таких узурпаторов истребил до единого человека всех мужчин свергнутой династии, “не оставив мочащегося к стене”¹⁷. Авторы 3-й и 4-й Книги Царств и 1-й и 2-й Книг Паралипоменон, которые описывали эти события по прошествии двух веков, не слишком заботятся об индивидуальности портретов и точности хронологии и оценивают израильских правителей с точки зрения их преданности Единому Богу. К счастью, туману “темных веков” пришел конец: египетские и месопотамские надписи этого периода дополняют и нередко подтверждают свидетельства Библии.

Через девять лет после смерти Соломона мировая политика вернулась в Иерусалим. Фараон Шешонк, чьи интриги сыграли свою роль в расколе единого Иудейского царства, выступил в поход на Сирию, но внезапно повернул и подошел со своим войском к Иерусалиму. Богатства иерусалимского Храма, безусловно, стоили того. Царю Ровоаму пришлось откупиться от фараона храмовыми сокровищами – золотом Соломона. От Иерусалима египтяне двинулись на север и разорили Мегиддо, где Шешонк воздвиг монументальную стелу в ознаменование своей победы: ее фрагмент сохранился до наших дней. По возвращении домой фараон увековечил успешный поход в надписях на южной стене храма Амона в Карнаке. А иероглифический текст из Бубаста, тогдашней столицы фараонов, рассказывает, что

¹⁷ То есть перебил всех мужчин и мальчиков, не оставив ни одного, способного самостоятельно, “как взрослый”, справиться нужду. – Прим. ред.

наследник Шешонка Осоркон пожаловал своим храмам 383 тонны золота, возможно, награбленного в Иерусалиме. Вторжение Шешонка в Иудею – первое событие библейской истории, подтвержденное археологами.

По прошествии 50 лет борьбы два еврейских царства заключили меж собой мир. Но израильский царь Ахав взял в жены финикийскую царевну-язычницу, которую Библия описывает как развращенное, тираническое и жестокое чудовище. К тому же она поклонялась Ваалу и другим финикийским богам. Ее звали Иезавель, и ее роду суждено было властвовать и над Израилем, и над Иерусалимом и принести городу и стране много крови и разрушений.

Иезавель и ее дочь, царица иерусалимская

У Иезавели и Ахава была дочь по имени Гофолия, которую они выдали замуж за иудейского царя Иорама. Город, в который прибыла Гофолия, процветал: в особом квартале торговали сирийские купцы, еврейский флот бороздил воды Красного моря, а хананейские идолы были выброшены из Храма. Но дочь Иезавели не принесла Иерусалиму ни счастья, ни удачи.

Маленькие еврейские царства могли процветать лишь в такие времена, когда великие империи Ближнего Востока переживали упадок. Но сейчас, в 854 году до н. э., Ассирия, столицей которой теперь была Ниневия (на территории современного Ирака), вновь набрала силу. Когда ассирийский царь Салманасар III начал завоевание разрозненных царств Ближнего Востока, Иудея, Израиль и Сирия заключили союз для отпора агрессору. В битве при Каркаре царь Ахав, под началом которого было две тысячи колесниц и 10 000 пехотинцев, при поддержке иудеев и сирийских царей разгромил ассирийцев. Однако впоследствии коалиция распалась. Иудеи и израильтяне сообща предприняли поход против Сирии, но в это время восстали подвластные евреям народы¹⁸. Царь Ахав был убит во время боя стрелой, выпущенной наугад одним из сирийцев, и “псы лизали... кровь его”. Военачальник по имени Ииуй (Иегу) поднял восстание в Израиле и истребил весь род Ахава: по его приказу были заколоты все 70 сыновей царя, а головы их сложены грудой у ворот Самарии. Ииуй убил не только нового израильского царя Иорама, сына Ахава, но и царя иудейского Охозию. Что до Иезавели, то мятежники выбросили ее из окна дворца и раздавили колесницами¹⁹.

Тело Иезавели сожрали псы, и ничего не осталось от нее, кроме черепа, ног и кистей рук. Но в 841 году до н. э. дочь Иезавели, царица Гофолия, узнав о смерти сына, захватила

¹⁸ Цари Иудеи и Израиля совместно выступили против Меша (Месы), мятежного царя моавитян. До нас дошла памятная стела Меша, в надписи на которой царь похваляется, что принес в жертву собственного сына и успешно отразил нападение. Черная базальтовая стела, получившая в науке название “Моавитский камень”, была обнаружена в 1868 г., когда некий бедуин показал ее немецкому миссионеру. Надпись Меша отчасти подтверждает, отчасти опровергает Библию: царь признает, что Израиль покорил Моав, но заявляет, что затем он восстал против царя Ахава и одержал победу над Израилем и Иудеей, причем последнюю он (согласно одной из версий перевода) именует “дом Давида”. Далее Меш хвалится, что вывез из захваченного израильского города “сосуды Яхве”. Это первое упоминание иудейского Бога во внебиблейском источнике. Из-за этого артефакта началась настоящая “война археологов” Пруссии, Франции и Англии, которые не гнушались никакими средствами, чтобы завладеть ценной реликвией. Победительницей в этой схватке вышла Франция, сейчас Моавитский камень находится в Лувре.

¹⁹ Библия рисует израильского царя Ииуя реставратором культа Яхве и сокрушителем идолов Ваала. Но автора этого портрета больше интересуют отношения царя с Богом, а не его политическая деятельность, о которой мы теперь кое-что знаем благодаря археологам. Ииуй, вероятно, действовал при поддержке Дамаска; сирийский царь Азаил оставил в Тель-Дане (Северный Израиль) стелу, прославляющую его победу над предыдущими царями дома Израиля и дома Давида. Это можно считать археологическим доказательством того, что царь Давид существовал. Но, похоже, Ииуй также был вассалом ассирийского царя Салманасара III. На Черном обелиске, найденном в Нимруде и ныне хранящемся в Британском музее, Ииуй преклоняет колени перед восседающим на троне Салманасаром, который изображен с заплетенной в косички бородой, в диадеме, расшитых одеждах и с мечом в руке на фоне крылатого гения – символа ассирийского могущества. Придворный держит над ним опахало. “Я получил от него, – гласит царская надпись Салманасара, – серебро, золото, золотые вазы, золотые кубки, золотые чаши, золотые кувшины, скипетры для царя и бальзамовое дерево”. Этот коленапреклоненный Ииуй, приносящий дань Салманасару III, – первое историческое изображение израильтянина.

власть в Иерусалиме, истребив “все царское племя” потомков Давида, каких смогла найти (то есть своих же собственных родственников). Из всех царевичей дома Давидова спасся один только младенец Иоас, которого спрятали в Храме. Четвертая книга Царств наряду с некоторыми археологическими находками проливает луч света на жизнь в Иерусалиме в те времена.

Иоас был “скрывается в доме Господнем шесть лет, между тем как Гофолия царствовала над землею”. Дочь Иезавели – наполовину финикийка, наполовину еврейка – превратила свою небольшую столицу в центр международной торговли и поклонения культу Ваала. Во время раскопок в Иерусалиме была найдена изящная фигурка голубя, сидящего на гранатовой ветви; высотой менее дюйма, он сделан из слоновой кости. По всей видимости, он служил украшением какого-нибудь предмета мебели в богатом иерусалимском доме. А возле выбитого в скале бассейна ниже Города Давидова были обнаружены глиняные финикийские печати – так называемые буллы, на которых изображены корабли финикийцев и их священные символы (например, крылатый солнечный диск над троном). Здесь же нашли около 10 тысяч рыбных костей: вероятно, рыбу в Иерусалим привозили из разных регионов Средиземноморья именно мореплаватели-финикийцы.

Но Гофолию в Иерусалиме вскоре возненавидели так же, как ненавидели ее мать Иезавель. Ведь ее жрецы-идолопоклонники утвердили в Храме статую Ваала и других языческих богов. Через шесть лет после ее воцарения первосвященник Иодай собрал на тайное совещание всех знатных жителей города и “сделал с ними договор, и взял с них клятву в доме Господнем, и показал им царского сына”, которому те немедленно присягнули на верность. Тогда священник роздал сотникам копья и щиты царя Давида, хранившиеся в Храме, а затем при всем народе помазал семилетнего Иоаса на царство под звуки труб и восклицания: “Да живет царь!”

Царица Гофолия услышала “голос бегущего народа” и бросилась из дворца в стоявший по соседству Храм, заполненный людьми. “Заговор, заговор!” – кричала она, но сотники схватили ее, увели со священной горы и “умертвили мечом в царском доме”. Над служителями Ваала был учинен самосуд, а их идолов сокрушили.

Царь Иоас правил в Иерусалиме 40 лет; около 801 года до н. э. он потерпел поражение в битве с сирийским царем, пошедшим войной на Иерусалим, и принужден был уплатить ему в дань “все золото, найденное в сокровищницах Дома Господня”, чтобы тот отступил от города. Иоаса убили заговорщики, а через 30 лет один из царей Израиля захватил Иерусалим и снова разграбил Храм. Постоянно умножавшееся богатство Храма не раз делало его желанной добычей врагов.

И даже в периоды наибольшего могущества и процветания Иерусалим не смог бы тягаться с Ассирией, которая вновь набирала силу под рукой нового царя: эта хищническая империя опять вышла на тропу войны. Цари Израиля и Арама (древней Сирии) попытались создать коалицию для совместной борьбы с ассирийцами. И когда царь Иудеи Ахаз отказался вступить в эту коалицию, союзники осадили Иерусалим. Они не могли проникнуть в город, укрепления которого недавно вновь были перестроены и усилены, но все же царь Ахаз был вынужден обратиться за помощью к ассирийскому царю Тиглатпаласару III и отправить ему в дар сокровища Храма. В 732 году ассирийцы захватили Сирию и опустошили Израиль. А тем временем царь Ахаз в Иерусалиме никак не мог решить, как быть дальше: подчиниться ассирийцам или сражаться с ними.

Исайя: Иерусалим – красавица и блудница

Советником царя был Исайя, выходец из знатной священнической семьи. Он рекомендовал Ахазу выждать: Яхве защитит Иерусалим. Исайя предсказал царю рождение сына,

которого следует назвать Эммануил (это имя в переводе означает “с нами Бог”): “Ибо младенец родился нам, Сын дан нам, владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира”.

У Книги Исайи было по меньшей мере два автора, причем один из них писал на двести лет позже другого (этого более позднего автора называют Второисаией). Первый Исайя был не только пророком, но и поэтом-визионером, который накануне вторжения алчных ассирийцев первым сумел разглядеть мистический Иерусалим, который грянет после разрушения Храма: “...видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь Храм... вся земля полна славы Его!.. и дом наполнился курениями”.

Исайя любил “Святую гору” – “гору дочери Сиона”, “гору Сион, холм Иерусалимский”, а сам город он уподобляет красавице-“чародейке” – иногда праведнице, иногда блуднице. “Народ грешный, народ, обремененный беззакониями”, не сможет удержать Иерусалим в своем владении: “оставившие Господа истребятся”. Но когда прежний, прогневавший Бога Иерусалим будет опустошен, Господь сотворит новый Иерусалим “над всяким местом горы Сион”: “жилище мирное” для тех, кто хранит в сердце своем любовь и вершит добрые дела. Устами Исайи Господь призывает: “Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову”. Исайя предвидит необыкновенное явление: “Тора Дома Господня будет поставлена во главу гор... и потекут к ней все народы”. Законы, нравственные ценности и история этого глухого и повергнутого города на вершине горы утвердятся вновь: “И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям... ибо от Сиона выйдет закон и слово Господне – из Иерусалима. И будет Он судить народы”. Исайя предсказывает Судный день – “день посещения”, когда явится в мир истинный царь – Мессия. И тогда все народы “перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать”. Мертвые воскреснут, и “волк будет жить вместе с ягненокм, и барс будет лежать вместе с козленком”.

В этом пламенном поэтическом пророчестве впервые звучат апокалиптические ноты, которые будут сопровождать всю историю Иерусалима вплоть до наших дней. Исайя способствовал окончательному оформлению не только учения иудаизма, но и христианства. Иисус Христос читал Исайю, и многие его идеи – от пророчества о разрушении Храма и речей об Иерусалиме как универсальном духовном центре до учения о Царстве Правды – перекликаются с Книгой Исайи. А самого Иисуса отождествляют с Эммануилом из пророчества Исайи.

Но царь Ахаз не послушал Исайю. Он отправился в Дамаск на поклон к царю Тиглатпаласару и вернулся оттуда с ассирийским жертвенником, который надлежало поставить в Храме. Когда грозный завоеватель умер в 727 году, Израиль восстал, однако новый ассирийский царь Саргон II после трехлетней осады взял штурмом столицу северян Самарию, а затем покорил все Израильское царство и угнал в Ассирию 27 000 пленных. С тех пор судьба десяти колен израилевых, населявших Северное царство, неизвестна²⁰. Современные израильтяне ведут свое происхождение от двух южных колен – Иуды и Вениамина, – уцелевших в Иудейском царстве.

Сына Ахаза, которого Исайя называл Эммануилом, на самом деле звали Езекия. Он не был Мессией, но, тем не менее, обладал самым ценным из всех качеств политика – везением. И следы его Иерусалима сохранились по сей день.

²⁰ Древние еврейские общины Ирана и Ирака считали себя потомками десяти колен Израилевых, увезенных в плен ассирийцами, а также жителей Иудеи, переселенных в Вавилонию. Последние генетические изыскания доказывают, что эти общины и в самом деле были отделены от соотечественников примерно 2,5 тыс. лет назад. И все же поиски исчезнувших колен породили массу фантастических предположений и теорий: потомков этих колен “находили” в самых неожиданных местах; ими считали и индейцев Северной Америки, и даже англичан!

Синаххериб: царь обитаемого мира

Езекия двадцать лет выжидал подходящего случая, чтобы взбунтоваться против Ассирии: сначала он сокрушил идолов и сломал бронзового змия, стоявшего в Храме, “восстановил служение в Доме Господнем” и призвал народы “по всей земле Израильской и Иудее” “совершать Пасху во второй месяц”. Первый праздник еврейской Пасхи, отмечавшийся на западной горе²¹, длился семь дней. Иерусалим наводнили беженцы из павшего Северного царства. И по всей вероятности кто-то из них принес с собой древние свитки, на которых были записаны хроники ранней истории евреев и их предания. Иерусалимские ученые мужи начали объединять летописные традиции Иудеи с традициями северных племен; в конечном итоге эти тексты, составленные в то самое время, когда греки записывали эпическую поэму Гомера “Илиада”, оформились в библейские книги.

В 705 году Саргон II погиб в битве, и все жители Иерусалима – в том числе Исайя – воспылали надеждой, что смерть ассирийского царя означает начало конца его империи. Египет обещал евреям поддержку; восставший народ Вавилона отправил к Езекии своих посланников. И царь Иудеи почувствовал: долгожданный час пробил. Он присоединился к новой коалиции против Ассирии и приготовился к войне. Увы, к несчастью для иудеев, новый царь Ассирии по имени Синаххериб был человеком энергичным и весьма уверенным в себе.

Синаххериб назван в царских надписях “царем обитаемого мира, царем Ассирии”. В то время это были почти синонимы. Под властью Ассирии находились земли от Персидского залива до Кипра. Историческое ядро империи (современный северный Ирак) с севера было защищено горами, а на западе – Евфратом, но с юга и востока подбрюшье страны было открыто любому врагу. Ассирия напоминала акулу, которая может жить, только постоянно заглатывая все новые и новые куски. Кроме того, для ассирийцев война была религиозным долгом. Каждый новый царь клятвенно обещал при восшествии на престол расширить “землю бога Ашшура”. Ассирийский царь был в едином лице и верховным жрецом, и полководцем, самолично водившим в походы 200-тысячную армию. И подобно современным диктаторам, ассирийские цари железной рукой держали в узде своих подданных, прибегая в случае необходимости не только к террору, но и к массовой депортации и к переселениям завоеванных народов с одного края обширной империи на другой.

Тело Саргона, отца Синаххериба так и не нашли на поле битвы, и многие узрели в том грозный знак божественного гнева: бог Ашшур, вероятно, отвернулся от своего народа, и ассирийская империя была на грани распада.

Однако Синаххериб подавил смуту, взял штурмом мятежный Вавилон и разрушил древний город до основания. Как только порядок был восстановлен, он занялся укреплением своей личной власти, а также мощи империи, начав масштабную перестройку Ниневии – города Иштар, богини войны, плодородия и плотской любви. Синаххериб сделал Ниневию своей новой столицей, для снабжения города и его пышных садов водой были прорыты каналы, а для себя царь возвел грандиозный дворец. Ассирийские властители умело пропагандировали свои достижения. Барельефы, украшавшие стены их дворцов, прославляли

²¹ За пределами обнесенного стеной Города Давида выросли новые поселения: Мактеш (Мортар) – в Тиропеонской долине, лежавшей между Храмовой горой и Западным холмом, и Мишнех – на склонах Западного холма (нынешний Еврейский квартал). Высших сановников принято было хоронить в гробницах, вытесанных в скалах в окрестностях города. „Это гробница... яху, который над Домом, – гласит погребальная надпись из пещерного захоронения в селении Шилоах (Силуан). – Нет здесь серебра и золота, лишь кости его и его рабынь. Проклят тот, кто откроет ее”. Проклятие не подействовало: гробница была разграблена, и ныне в ней устроен курятник. Но этот древний начальник двора, возможно, был тем самым придворным Езекии – Шувнаяху, которого Исайя осуждал за строительство грандиозной гробницы.

победы Ассирии и должны были утратить ее врагов: ужасные изображения пленников с заживо содранной кожей, посаженных на кол или обезглавленных и сегодня повергают в трепет. Жителей завоеванных ими городов ассирийцы проводили в составе триумфальной процессии по Ниневии, надев на них отвратительные ошейники, к которым были подвешены отрубленные головы их царей. Впрочем, другие завоеватели того времени были столь же жестокими: у египтян, к примеру, в обычае было коллекционировать отрезанные головы и половые органы своих врагов. К тому же Синаххериб все чаще предпочитал битве переговоры.

Свидетельства дипломатических и военных успехов ассирийских царей были во множестве обнаружены в руинах их дворцов. В Ираке раскопаны несколько ассирийских городов – памятников могущества Ассирии времен ее наивысшего расцвета. Богатство этих городов прирастало не только военной добычей, но и трудом земледельцев, а их историю сохранили для грядущих поколений писцы, оставившие ценные документы в царских архивах. В библиотеках ассирийских царей найдены целые собрания глиняных табличек с клинописными текстами гаданий, призванными облегчить царю принятие решений, с заклинаниями, гимнами и описаниями ритуалов, которые должны были обеспечить помощь богов, а также с литературными текстами, среди которых – классическое “Сказание о Гильгамеше”. Ассирийцы, почитавшие множество богов, верившие в колдовские формулы, в помощь магических статуэток, в духов и предсказания будущего, в то же время весьма преуспели в медицине. Многочисленные таблички с текстами, посвященными искусству врачевания, содержат примерно такие формулы: “Если человек страдает от таких-то и таких-то симптомов... то причина этого в том-то и том-то... И тогда надлежит принять такое-то лекарство...”

Еврей-северяне, уведенные в плен из Израильского царства и оказавшиеся в рабстве вдали от дома, в блиставшей роскошью столице Ассирии, среди ступенчатых пирамид-зиккуратов (одно из таких сооружений позднее станет основой для легенды о Вавилонской башне), называли Ниневию “городом кровей”. “Весь он полон обмана и убийства; не прекращается в нем грабительство, – говорит пророк Наум. – Слышны хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржание коня и грохот скачущей колесницы”. И вот теперь эти колесницы на колесах о восьми спицах, эти несметные полчища во главе с самим Синаххерибом двигались на Иерусалим, спеша налететь на выбранный ими в жертву народ “как орлы”, словами Книги Второзакония.

Туннель Езекии

Езекия знал, какие ужасы пережил разоренный ассирийцами Вавилон; он спешно сооружал укрепления вокруг новых иерусалимских кварталов. Фрагменты его “Широкой стены”, толщиной почти в восемь метров, сохранились до наших дней; наиболее впечатляющий из них находится в Еврейском квартале. Готовясь к обороне, Езекия приказал двум группам строителей прорубить в скале туннель длиной почти 600 метров, который соединил бы источник Гихон за чертой города с Силоамской купелью (этот водоем, находящийся к югу от Храмовой горы, ниже Города Давида, теперь оказался под защитой новой стены Езекии). Когда две группы рабочих, пробивавшихся навстречу друг другу с противоположных концов скалы, наконец счастливо встретились в ее недрах, они высекли в туннеле надпись:

“...И это было так: туннель, когда [...] кирка, друг навстречу другу. И когда три локтя оставалось про [бить, и возопи] л глас каждого, и воз [зв] ал к другому, ибо сделалась пробоина в толще камня справа и [...]. И в день [пробития] туннеля ударили каменоломы друг

навстречу другу, кирка навстречу [к] ирке, и пошли воды из источника к водоему в двухста [х и] тысяче локтей. И с [т] о локтей возвышалось над головами каменолом [ов]^{22,23}.

К северу от Храмовой горы, в долине, Езекия соорудил плотину, благодаря которой образовался пруд Вифезда (Овчая купель) – дополнительный источник воды для жителей Иерусалима. И, по всей видимости, он раздавал оливковое масло, вино и зерно своим воинам, которые готовились к обороне города. В разных местах Иудеи археологи находят ручки кувшинов с надписью *lmlk* (“для царя”) и эмблемой Езекии – четырехкрылым скарабеем.

“Налетел ассириец – как волк на овец”, – напишет через много столетий Байрон. Синаххериб и его огромная армия уже совсем близко подошли к Иерусалиму. Великий царь ехал, как и большинство других ассирийских царей, на громадной колеснице, запряженной тремя лошадьми, под особым навесом. Оголовья его коней ярко сверкали на солнце, а их спины были покрыты красивыми попонами. Сам царь был облачен в длинное расшитое одеяние; плоский шлем, украшенный золотыми розетками, символизировавшими солнце, заканчивался островерхим шишаком; длинная густая борода была заплетена в косички, а на руках царя звенели браслеты. Он всегда имел при себе лук и меч в ножнах, украшенных изображениями львов.

Он считал себя скорее львом, нежели библейским стервятником или байроническим волком. Ассирийские цари накидывали на себя львиные шкуры в дни празднования своих побед в храме Иштар, украшали дворцы статуями сфинксов с львиными головами и любили охоту на львов, считая ее развлечением, достойным великих царей.

Синаххериб обошел Иерусалим, чтобы сначала осадить еще один город Езекии – находившийся к югу от Иерусалима и хорошо укрепленный Лахиш (Лахис). Барельефы, украшающие дворец царя в Ниневии, дают представление о том, как выглядели ассирийские воины (и их противники-евреи). Колесничие, копьеносцы, лучники и пращники многоязычной имперской армии носили туники и кольчуги, а их головы были защищены островерхими шлемами, иногда украшенными перьями. Ассирийцы соорудили валы вокруг города и повели подкопы под стены, а тем временем их тараны пытались пробить городские ворота. Лучники и пращники непрерывно обстреливали Лахиш, пока воины Синаххериба карабкались на стены по осадным лестницам. Археологи обнаружили в Лахише массовое захоронение полутора тысяч человек – мужчин, женщин и детей; некоторые из них были посажены на кол, с иных была содрана кожа – совсем как на сценах с ассирийских барельефов. Тысячи уцелевших жителей Лахиша спасались бегством от страшной смерти. Жители Иерусалима знали, чего можно ждать от ассирийцев.

Синаххериб быстро разгромил египетское войско, подошедшее на помощь Езекии, опустошил Иудею и затем подступил к Иерусалиму, встав лагерем к северу от города – на том самом месте, которое спустя пять столетий выберет для своей ставки Тит.

²² Пер. Руслана Хазарзара.

²³ В 1880 г. 16-летний Иаков Элияху, сын перешедших в протестантизм евреев, предложил своему школьному товарищу пройти по Силоамскому туннелю. На обоих мальчиков произвели большое впечатление слова из 4-й книги Царств: “Прочее об Езекии и о всех подвигах его, и о том, что он сделал пруд и водопровод и провел воду в город, написано в летописи царей Иудейских” (не дошедшей до нас). Иаков пошел в туннель с одного конца, нащупывая пальцами зарубки, оставленные древними рабочими; его товарищ двинулся с другого конца. Когда направление зарубок вдруг изменилось, Иаков понял, что находится на том самом месте, где встретились две группы камнеломов. Именно здесь он и нашел оставленную строителями надпись. Иаков прошел туннель до конца и обнаружил, что его друг давно оставил опасную затею и решил вернуться. Выбравшись наружу, Иаков до смерти перепугал местных арабов, убежденных, что в древней пещере обитают джинны или даже драконы. Иаков рассказал о своей находке директору школы, слухи об этом быстро дошли до некоего грека, торговца древностями, тот пробрался в туннель и грубо вырубил из стены кусок камня с надписью, при этом разбив его. Затем находку конфисковали у грека турецкие полицейские, и ныне надпись хранится в Стамбуле. А Иаков Элияху впоследствии присоединился к американским колонистам-„оверкомерам” и был усыновлен семьей Спаффордов, основателей колонии. Иаков Спаффорд стал школьным учителем и часто рассказывал своим ученикам, детям колонистов, о туннеле Езекии, никогда, впрочем, не упоминая о том, что он и есть тот самый мальчик, который нашел надпись.

Езекия приказал отравить все источники в окрестностях Иерусалима. Его воины, занявшие позиции на крепостных стенах, носили спускающиеся до плеч головные платки, перехваченные лентой, короткие туники, поножи и сандалии. С началом осады в городе, скорее всего, началась паника. Синаххериб послал своих военачальников на переговоры: убедить осажденных, что сопротивление бесполезно. Пророк Михей предрекал разрушение Иерусалима. Но престарелый Исая советовал терпеливо ждать: Яхве защитит город.

Езекия молился в Храме. Синаххериб похвалялся, что запер иудейского царя в Иерусалиме, “подобно птице в клетке”. Но прав оказался Исая: Господь вмешался.

Манассия: детское жертвоприношение в долине Геенны

“...Пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые”. Внезапно ассирийцы сняли осаду и ушли: подлинной причиной, вероятно, было очередное восстание где-то на востоке империи. “И отступил, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский”. Ибо Яхве “изрек о нем: ... покачает вслед тебя головою дочь Иерусалима”. Такова библейская версия событий, однако в анналах Синаххериба сказано, что Езекия откупился от ассирийцев, выплатив им огромную по тем временам дань, в том числе 30 талантов золота и 800 серебра. Синаххериб оставил от независимой Иудеи клочок земли, практически только ближние окрестности Иерусалима, и утверждал, что переселил в другие части империи 200 150 иудеев.

Вскоре Езекия умер, его сын Манассия стал верным вассалом сирийских царей. Он жестоко расправился со своими политическими противниками в Иерусалиме, взял в жены арабскую принцессу, отменил реформы отца, вновь поставил в Храме статуи Ваала и Ашеры (Астарты) и устроил “дома блудилищные... при Храме Господнем”. Хуже того: он совершал воскурения на “Тофете, что в долине сыновей Еннома”²⁴, южнее города, и приносил в жертву детей, побуждая и других делать то же. “И даже сына своего провел через огонь...” Когда детей приводили на сожжение, жрецы били в барабаны, чтобы отчаянных криков жертв не слышали их родители.

Из-за Манассии Енном не только превратился в место смерти; искаженное название долины – Геенна – стало символом Судного дня и преисподней и для иудеев, и для христиан, и, позднее, для мусульман. И если Храмовая гора была собственным раем Иерусалима, то долина Енном стала его адом, “геенной огненной”.

В 626 году халдейский военачальник Набопаласар захватил власть в Вавилоне и начал последовательное разрушение Ассирийской империи; его деяния описаны в Вавилонских хрониках. В 609 году, по смерти Манассии, на престол Иудеи взошел его восьмилетний внук Иосия, которому, казалось, суждено было возвестить золотой век царства Мессии.

²⁴ Намеки на детские жертвоприношения есть в книгах Бытие и Исход; в частности, можно упомянуть о готовности Авраама принести в жертву Исаака. Вообще человеческие жертвоприношения с самых древних времен ассоциировались с хананейскими и финикийскими культами. Гораздо позднее римские и греческие историки приписывали эту отвратительную практику карфагенянам – потомкам финикийцев, однако это не подтверждалось археологическими свидетельствами вплоть до 1920-х гг., когда два офицера французской колониальной армии обнаружили в руинах Карфагена (ныне в Тунисе) *тофет* – святилище под открытым небом, а также место ритуального захоронения погребальных урн. В урнах из Карфагена были обнаружены детские кости и пепел, а также глиняные таблички с красноречивыми посланиями: “Ваалу принес Бомилькар в жертву этого сына, плоть от плоти его. Благослови его!” Эти находки, по времени, возможно, совпадающие с эпохой Манассии, доказывают правдоподобность библейских рассказов о ханаанском боге Молохе, культ которого был связан с человеческими – в том числе и детскими – жертвоприношениями. Впоследствии в западноевропейской литературе, в частности в “Потерянном рае” Мильтона, Молох предстает уже как один из падших ангелов в услужении у Сатаны.

5. Блудница вавилонская 586–539 гг. до н. э.

Иосия: революционер-спаситель

Это было настоящее чудо: Ассирийская империя рухнула под ударами вавилонян, Иудея обрела независимость, и царь Иосия даже сумел присоединить к ней большую часть бывшего Израильского царства на севере, а также распространить свою власть на юг и на восток – до побережья Красного и Средиземного морей. А затем, в 18-й год его правления, первосвященник Хелкия нашел в Храме некий забытый свиток.

По-видимому, это был один из тех свитков, что оказались в Иерусалиме после падения Северного царства и были спрятаны в Храме в годы гонений Манассии. Иосия осознал важность найденного документа – это была одна из книг Закона, которую большинство исследователей отождествляют ныне с ранней версией Книги Второзакония. Собрав народ в Храме, царь “встал на возвышенное место” и “заключил пред лицом Господним завет: последовать Господу и соблюдать заповеди Его”.

Царь повелел своим мудрецам пересказать заново историю народа Израиля, связав в единую последовательность рассказы о древних патриархах, деяния Давида и Соломона и славное прошлое Иерусалима, которое должно было бросить отблеск на настоящее. Это был еще один шаг к созданию единой Библии. И в самом деле, хотя Закон считался древним и его установление приписывалось Моисею, сквозь библейское описание Храма Соломона явно просвечивает гораздо более поздний Иерусалим Иосии, “нового Давида”. С этого времени священная гора Мориа стала именоваться на иврите *ha-Makom* – просто “Место”.

Иосия вынес из Храма статуи чужих богов, сжег их в Кедронской долине и “разрушил дома блудилищные, которые были при Храме Господнем”. Он сокрушил Тофет в долине Еннома, разрушил все языческие капища, убил всех жрецов-идолопоклонников, а их кости сжег на их же жертвенниках²⁵. Пуританская “революция” Иосии совершалась с неуклонной жестокостью. Покончив с сокрушением идолов, царь отпраздновал в Иерусалиме Пасху. “Подобного ему не было царя прежде”.

Но Иосия вел опасную игру. Египетский фараон Нехо решил протянуть руку помощи своим бывшим врагам ассирийцам, не желая допустить полного уничтожения Ассирии вавилонянами, и двинул войска в Палестину на соединение с ассирийской армией. Иосия, только что избавившийся от ассирийского владычества и не желавший стать теперь вассалом Египта, выступил навстречу фараону. В битве при Мегиддо в 609 году до н. э. евреи потерпели поражение, а сам Иосия погиб, однако его оптимистическое, реформаторское царствование оказало большее влияние на историю Иерусалима, чем любое другое царствование от царя Давида до времен Иисуса Христа. Тем не менее мечта о независимости была разбита вдребезги под Мегиддо, и само название этого города, превратившееся со временем в Армагеддон, стало синонимом катастрофы.

Фараон двинулся на Иерусалим, низложил Иохазу (сына Иосии) и посадил на престол Иудеи его брата Иоакима. Однако Египет не смог помешать возвышению новой ближнево-

²⁵ Реформы Иосии стали критически важным шагом в развитии иудаизма. В гробнице в долине Еннома, датируемой тем периодом, были найдены два миниатюрных свитка из серебра: на их внутренней стороне вырезана священническая молитва из Книги Чисел (6:24–6), которая остается частью иудейского богослужения и сегодня: “Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!”

сточной империи: в 605 году до н. э. сын вавилонского царя Навуходоносор разбил египтян при Кархемише. Ассирия перестала существовать, а Иудея сделалась вассальным царством Вавилона. Однако в 597 году царь Иоаким решил, что противостояние Вавилона и Египта – самый подходящий момент для освобождения Иудеи. Царь призвал народ поститься, чтобы заслужить защиту у Господа. Его советник, пророк Иеремия, в своей первой горестной проповеди предупреждал, что Господь разрушит Иерусалим, если тот выступит против Вавилона. Но Иоаким публично сжег свиток Иеремии²⁶ и призвал в союзники Египет; увы, не союзника обрел в нем Иерусалим, а врага.

Навуходоносор

“В 7-м году [598 год до н. э.] в месяце кислиму, – записано на глиняных табличках Вавилонской хроники, – царь Аккада созвал свое войско, направился в страну Хатти и осадил город Иуды [Иерусалим] и на 2-й день месяца аддару [начало 597 года] захватил город и взял в плен царя”. Навуходоносор разграбил Храм и увел в Вавилон царя Иехонию и еще 10 тысяч знатных иудеев, ремесленников и просто сильных молодых людей, положив начало “великому вавилонскому пленению”. Там Иехония 37 лет томился в тюрьме, после чего наследник Навуходоносора освободил его, определил ему почетное место при своем дворе и назначил пенсию.

Навуходоносор был сыном узурпатора и энергичным строителем империи. Он объявил себя наместником Мардука – бога-покровителя Вавилона – и воплощением благочестия и добродетели (хотя и позаимствовал у ассирийских царей их репрессивный стиль правления). “Сильные обычно обирают слабых, – говорит Вавилонская хроника, – однако Навуходоносор не искал покоя ни ночью, ни днем, но внимая советам и по зрелом размышлении неутомимо вершил правосудие”. Впрочем, уведенные в Вавилон евреи вряд ли считали его воплощением справедливости.

Пленные иудеи оказались в городе, по сравнению с которым их Сион выглядел сущей деревней. В Иерусалиме той эпохи проживало всего несколько тысяч человек, а население Вавилона, возможно, составляло четверть миллиона. Эта мировая столица была столь величественна и так любила наслаждения, что туда украдкой спускалась с небес сама богиня любви Иштар: ходили слухи, что богиню не раз видели в укромных переулках и на постоянных дворах в объятиях ее избранников.

Навуходоносор обустроил Вавилон в соответствии со своим вкусом: грандиозные монументы, облицованные небесно-голубым глазурированным кирпичом (любимый цвет царя), отражались в водах могучего Евфрата и бесчисленных каналов. Увенчанные четырьмя башнями гигантские ворота Иштар – парадный въезд в город – также были выложены яркосиней глазурью, на фоне которой эффектно выделялись желтые и охристые изразцовые барельефы, изображавшие быков и грифонов. Ворота выводили на главную улицу города – триумфальную Дорогу процессий.

О своем дворце сам Навуходоносор так рассказывает в одной из царских надписей: “В Вавилоне, который я ставлю выше всего, который я люблю, [я заложил] дворец – удивление людей, здесь живущих”. Вход в жилище царского величества охраняли изваяния могучих львов, а его летний дворец украшали “висячие” (то есть расположенные на нескольких ярусах) сады, впоследствии причисленные к чудесам света. В честь верховного бога вави-

²⁶ Царские придворные и чиновники жили и работали в верхней части Города Давида. Там в одном из домов был обнаружен архив из 45 булл – глиняных оттисков печатей, сохранившихся благодаря огню пожара, который обжег глину. В “Доме булл”, как называли это здание археологи, по-видимому, размещалась царская канцелярия; на одной из булл видны слова “Гемария, сын Сафанов”, это имя писца царя Иоакима, известное из Книги пророка Иеремии. Иоаким либо умер еще до прихода вавилонян, либо погиб во время осады Иерусалима. Наследовал ему его сын Иехония.

лонян Мардука Навуходоносор воздвиг гигантский зиккурат – огромную семьюрусную ступенчатую пирамиду, на плоской вершине которой стоял Храм Краеугольного камня Неба и Земли, – ту самую Вавилонскую башню, строительство которой, по преданию, завершилось смешением языков. Согласно предположениям некоторых ученых, в этой легенде отразилось многоязычие тогдашней космополитической столицы Ближнего Востока.

В Иерусалиме Навуходоносор посадил на престол Седекию, дядю уведенного в плен Езекии. В 594 году Седекия посетил Вавилон, чтобы засвидетельствовать вассальную верность Навуходоносору. Но на обратном пути он поднял восстание, пренебрегши пророчествами Иеремии, предрекавшего разрушение Иерусалима вавилонянами. Навуходоносор выступил в поход на юг. Седекия обратился за помощью к египетскому фараону, но малочисленный отряд египтян был тут же разбит. Иеремия, свидетель паники и паранойи, охвативших Иерусалим, пытался скрыться из города, но был схвачен у городских ворот. Царь, который никак не мог решить, испросить ли у пророка нового совета или казнить его за измену, заточил пока Иеремию в “дом темничный” под царским дворцом. За 18 месяцев осады Навуходоносор опустошил Иудею²⁷, и ему оставалось сокрушить только ее столицу – Иерусалим.

В 587 году вавилонский царь окружил Иерусалим осадным валом. “Голод, – писал Иеремия, – в городе усилился”. Пророк оплакивал детей, “издыхающих от голода на углах всех улиц”. Находим мы у него и намеки на случаи каннибализма: “Дщерь народа моего стала жестока... Руки мягкосердых женщин варили детей своих, чтобы они были для них пищею во время гибели дщери моего народа”. Даже знатные и богатые жители Иерусалима вскоре впали в отчаяние, пишет автор “Плача Иеремии”, оттого что “воспитанные на багрянице” теперь были вынуждены искать пищу в навозе. Подавленные горожане “бродили как слепые по улицам”. Археологи нашли сточную трубу, которая относится к периоду вавилонской осады. Основными сельскохозяйственными культурами у евреев того времени были чечевица, пшеница и ячмень, но анализ содержимого трубы показал, что осажденные ели дикие растения и травы и многие были заражены солитерами и другими паразитами.

В девятый день иудейского месяца ав, в августе 586 года, после восемнадцатимесячной осады воины Навуходоносора наконец ворвались в город, который уже пожирала языки пламени, такого же безжалостного, как захватчики. Пожары занялись, вероятно, от факелов и горящих стрел, которыми вавилоняне забрасывали город (наконечники этих стрел были обнаружены археологами при раскопках в Еврейском квартале в слое сажи, пепла и головешек). Но тот же огонь, не пощадивший домов, прокалил буллы – оттиски печатей городских чиновников на глине, да так прочно, что эти оттиски сохранились до наших дней. Иерусалим пережил все ужасы ада – обычная участь любого взятого штурмом города того времени. “Умерщвляемые мечом” оказались счастливее “умерщвляемых голодом”. “Кожа наша почернела от жгучего голода. Жен бесчестят на Сионе, девиц – в городах иудейских. Князья повешены руками их”, – горестно восклицал пророк. Тем временем с юга к городу подошли идумеи, готовые при любом удобном случае мстить евреям за то, что те в свое время лишили их благодатных земель Ханаана. Радуюсь краху Иерусалима, они грабили и оскверняли все на своем пути: “Радуйся и веселись, дочь Едома... И до тебя дойдет чаша; напьешься допьяна и обнажишься”. В Библии можно найти также намеки на то, что идумеи подстрекали вавилонян, подталкивая их ко все большему бесчинству. Согласно 136 псалму,

²⁷ В слоях пепла у городских ворот крепости Лахиш археологами были найдены *остраконы* – черепки с нацарапанными на них надписями. Эти надписи проливают свет на обстановку в Иудее во время неудержимого наступления вавилонян. Лахиш и еще одна крепость под названием Азeka сопротивлялись дольше других; между ними и Иерусалимом была налажена система оповещения с помощью сигнальных огней. Судя по записям на остраконах, военачальник осажденного Лахиша по имени Яуш поначалу регулярно получал донесения со своих аванпостов, которые постепенно один за другим были захвачены врагом. Скоро один из его офицеров по имени Хошяху доложил Яушу, что Азeka также прекратила подавать сигналы. Затем в тяжелых боях пал и сам Лахиш.

сыны Едомовы (эдомитяне, идумеи) говорили: “Разрушайте, разрушайте до основания его... Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!” Вавилоняне полностью разрушили Иерусалим, но Иеремия, оставшийся “во дворе темничном”, уцелел.

Навуходоносор: мерзость запустения

Седекия пытался тайно выйти из города и бежать в Иерихон, но вавилоняне схватили его у Средних ворот (стоявших, возможно, рядом с Силоамской купелью), привели к Навуходоносор, “и заколол царь Вавилонский сыновей Седекии... перед глазами его... а Седекии выколол глаза и заковал его в оковы, чтобы отвести его в Вавилон”. Вавилоняне нашли и Иеремию: они освободили его и также отвели к своему царю. Тот после беседы с пророком приказал начальнику своей стражи Навузардану: “Возьми его и имей его во внимании, и не делай ему ничего худого, но поступай с ним так, как он скажет тебе”. Навузардан переселил 20 тыс. иудеев в Вавилон, однако бедняков, по свидетельству Иеремии, оставил “в Иудейской земле и дал им тогда же виноградники и поля” (Иеремия также “остался жить среди народа”).

Через месяц Навуходоносор приказал своему военачальнику стереть город с лица земли. И Навузардан “сжег Дом Господень и дом царя, и все дома в Иерусалиме... и стены вокруг Иерусалима разрушило войско халдейское”.

Храм был разрушен, его золотая и серебряная утварь разграблена, а Ковчег Завета навсегда исчез. “Предали огню святилище Твое”, – сокрушался автор 73 псалма. Все священники Храма были убиты по повелению Навуходоносора. Стены первого Храма и дворца, вероятно, рухнули в лежавшую внизу долину: “Как потускло золото, изменилось золото наилучшее! Камни святилища раскиданы по всем перекресткам”²⁸.

Улицы опустели: “Как одиноко сидит город, некогда многолюдный”. Богатые обеднели: “Евшие сладкое истаивают на улицах”. Лисицы бегали по голой горе Сион. Все иудеи скорбели по городу, истекавшему кровью: “Иерусалим сделался мерзостью среди них”: “... горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его”.

Разрушение Храма воспринималось, должно быть, как гибель всего народа. “Пути Сиона сетуют, потому что нет идущих на праздник; все ворота его опустели, священники его вздыхают... И отошло от дочери Сиона все ее великолепие... Упал венец с головы нашей”. Казалось, наступил конец света, или, словами Книги пророка Даниила, “поставление мерзости запустения”. Иудеям грозило исчезновение – как и любому народу, от которого отвернулись его боги. Но евреи каким-то образом обратили и эту разрушительную катастрофу в созидательный опыт, который, с одной стороны, еще более увеличил святость Иерусалима, а с другой – сформировал наглядный прообраз будущего Страшного суда. Для всех трех “религий Книги” Иерусалим отныне стал площадкой, на которой разыграется трагедия Последних дней и воздвигнется царство Мессии – то есть произойдет тот самый апокалипсис (греч. “откровение”), о котором впоследствии проповедовал Иисус. Для христиан напряженное ожидание конца времен стало одним из краеугольных камней веры, однако пророк Мухаммед усмотрел в разрушении Храма и города Навуходоносором лишь свидетельство того, что

²⁸ До сих пор не найдено никаких остатков Первого Храма. Однако Иеремия на удивление точен: военачальники Навуходоносора действительно расположили свою ставку у Средних ворот, поскольку отсюда было удобнее контролировать Иудею, а их имена, перечисленные в Книге Иеремии, подтверждает один из текстов, найденных в Вавилоне. Навуходоносор назначил царского министра Годолию марионеточным правителем Иудеи. Но поскольку Иерусалим лежал в руинах, Годолия сделал своей резиденцией город Мицпу к северу от разрушенной столицы. Вскоре иудеи восстали и убили Годолию, и Иеремия, которому тот покровительствовал, был вынужден бежать в Египет. С тех пор о нем ничего не известно.

евреи лишились божественного благоволения, а это, в свою очередь, открывало путь его собственному кораническому откровению.

В Вавилонском плену часть иудеев сохранила свою приверженность единому Богу и Сиону. В те же самые годы, когда поэмы Гомера утверждались в архаической Греции в качестве общенационального эпоса, евреи начали идентифицировать себя через библейские тексты и память о своем покинутом городе: “При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы”. И даже вавилоняне, согласно 136 псалму, ценили по достоинству иудейские песни: “Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: «пропойте нам из песней Сионских». Как нам петь песнь Господню на земле чужой?”

Да, Вавилония была чужой землей, но именно там начала формироваться и кристаллизоваться единая Библия. И если юные выходцы из Иерусалима, такие как пророк Даниил, обучались при царском дворе, а более прагматичные пленники отвергали Сион и становились настоящими вавилонянами, то верные единому Богу евреи стали формулировать новые законы, призванные подчеркнуть их отличия и особость. Они чтили субботу, обрезали своих мальчиков, придерживались строгих канонов в пище и нарекали детей еврейскими именами, ведь падение Иерусалима показало, что происходит, когда не уважают законов Божьих. Вдали от родины жители Иудеи становились просто евреями²⁹.

Изгнанники навечно заклеили Вавилон как “мать блудниц и мерзостей земных”, однако империя в то время процветала, а их заклятый враг Навуходоносор процарствовал 40 лет. Впрочем, по свидетельству Даниила, в конце жизни царь вавилонский сошел с ума, “отлучен он был от людей, ел траву, как вол, волосы у него выросли, как у льва, и ногти у него – как у птицы”. Поистине, судьба, достойная преступлений царя (и прекрасный источник вдохновения для кисти Уильяма Блейка). И словно этого было недостаточно для удовлетворения их жажды мщения, еврейские пленники могли еще раз подивиться иронии истории: сын Навуходоносора Эвильмеродах (Амель-Мардук) настолько разочаровал своего отца, что тот бросил его в темницу, где принц познакомился и подружился с Иехонией, царем иудейским.

Валтасаров пир

Став царем Вавилона, Эвильмеродах освободил своего царственного товарища-еврея из темницы. Но в 556 году до н. э. он был свергнут; новый царь Набонид повел себя эксцентрично: он отказался почитать Мардука, бога-покровителя Вавилона, и стал насаждать культ лунного бога Сина, а затем удалился из Вавилона в оазис Тема (ныне Тейма), расположенный далеко от имперской столицы – в Аравийской пустыне. Со временем Набонида поразила таинственная болезнь, и, скорее всего, это именно он (а не Навуходоносор, как сообщает Даниил) обезумел и “ел траву, как вол”.

В отсутствие царя страной правил его сын (или брат), царевич Валтасар (Бел-шар-уцур). Библия рассказывает, как он устроил для своих вельмож большое пиршество, где настольными чашами служили золотые и серебряные сосуды, вывезенные Навуходоносором

²⁹ В 586–400 гг. до н. э. таинственные авторы Библии, писцы и священники, жившие в изгнании в Вавилоне, обработали и собрали воедино тексты Пятикнижия Моисеева (еврейской Торы), соединив обе традиции – Яхвиста и Элогиста. Так называемые второзаконники пересказали священную историю, сделав акцент на слабости царей и могуществе Господа. Они также включили в текст Писания эпизоды, вдохновленные мифологией Вавилона – в частности, историю о Вавилонской башне и рассказ о всемирном потопе, столь похожий на описание катастрофы в “Сказании о Гильгамеше”. Книга Даниила создавалась на протяжении многих лет: некоторые ее части наверняка были написаны в начале вавилонского пленения, другие позднее. Нам неизвестно, действительно ли существовал человек по имени Даниил или это собирательный образ. Так или иначе, в этой книге есть множество исторических ошибок – это было установлено с помощью археологических находок, сделанных в Вавилоне в XIX в.

из иерусалимского Храма. Во время пира Валтасар увидел, как таинственная рука чертит на стене загадочные письмена: “Мене, мене, текел, упарсин”. Растолковать их смог только иудейский мудрец Даниил – надпись означает: “Исчислено, исчислено, взвешено, разделено” и предупреждает, что дни империи сочтены, а самому царевичу предрекает скорую гибель (в ту же ночь Валтасар был убит).

В 539 году до н. э. Вавилоном овладели персы. Иудейская история полна примеров чудесных избавлений. Это было одним из наиболее драматических. Через 47 лет пребывания “при реках Вавилона” решением одного человека – не менее эффектным, чем решение Давида, – Сион был восстановлен.

6. Персы 539–336 гг. до н. э.

Кир Великий

Астиагу, царю государства Мидия в западном Иране, привиделся странный сон: дочь его испустила такое огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю Азию. Царские маги, халдейские жрецы, истолковали это сновидение как предупреждение о возможной узурпации трона Астиага его будущим внуком. И царь предусмотрительно выдал дочь замуж за слабого, не представлявшего никакой угрозы восточного соседа – царя Камбиса, владыки области Аншан. Их сыну Курушу судьба определила войти в историю под именем Кира Великого. Астиагу же после рождения внука был новый сон: будто из чрева его дочери проросла виноградная лоза, да такая большая, что затенила его полностью. Астиаг приказал своему министру Гарпагу убить маленького Куруша, но тот не решился сделать это сам, а поручил пастуху. Пастух же пожалел мальчика и отдал Гарпагу тело своего только что умершего сына, а царского внука взял на воспитание. Так будущий Кир Великий остался жив. Прознавший про то царь Астиаг жестоко отомстил ослушавшемуся вельможе: он приказал умертвить сына Гарпага и на пиру накормил отца мясом убитого. Этого угощения Гарпаг не забыл Астиагу.

После смерти своего отца (ок. 559 года до н. э.) Кир вернулся и захватил его царство. Затейливые сны Астиага, дошедшие до нас в пересказе греческого историка Геродота, склонного верить, что персы руководствовались в своих решениях и действиях предзнаменованиями, сбылись: Кир при поддержке Гарпага одержал победу над дедом и объединил Мидию и Персию. А затем принялся расширять свои владения. Не покушаясь поначалу на лежащий южнее Вавилон Валтасара, он повел войско против другого могущественного владыки – сказочно богатого Крёза, царя государства Лидия на западе Малой Азии. Посадив свое войско на верблюдов и совершив несколько стремительных переходов, Кир внезапно появился под стенами столицы Крёза. Лидийские кони начинали нести, едва почуяв запах боевых персидских верблюдов, лидийская пехота тоже не смогла устоять под натиском неприятеля. Покопив Лидию, Кир обратил свои взоры на Вавилон.

Сверкавшая лазурью голубых изразцов столица Набонида сдалась без боя – вавилоняне не любили своего последнего царя и сами распахнули ворота города перед Киром. Тот повел себя мудро и великодушно: оказал знаки почтения опальному богу Мардуку и провозгласил себя защитником прав народа. Падение Вавилона вызвало ликование у пленных иудеев: “Торжествуйте, небеса, ибо Господь соделал это... шумите от радости горы, лес и все деревья в нем, ибо искупил Господь Иакова и прославится в Израиле”. Ставший вавилонским царем Кир унаследовал всю империю поверженного противника, включая Иерусалим. “Когда я мирно вошел в Вавилон и... занял царское жилище... все цари, сидящие во дворцах всех стран света... принесли свою тяжелую дань и целовали в Вавилоне мои ноги”, – горделиво заявлял он.

У Кира было свое, новаторское для того времени представление о власти. Если ассирийцы и вавилоняне расширяли свои державы и подавляли мятежи путем грабежей и депортаций, то Кир обещал своим новым подданным религиозную терпимость в обмен на признание за царем верховной власти и права “объединить народы в единую империю”³⁰.

³⁰ Благодаря одной из надписей Кира, в которой содержится, в том числе, обещание веротерпимости в отношении поко-

Вскоре после завоевания Вавилона Кир разослал по всем своим владениям указ, который, должно быть, сильно изумил евреев: “Все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, – да будет Бог его с ним, – и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа Бога Израилева”.

То есть Кир не только отпустил пленных иудеев и гарантировал им уважение их прав и законов – первый правитель за все времена, совершивший такое, – но и вернул им Иерусалим и сам предложил отстроить заново их Храм. Наместником Иудеи Кир назначил Зоровавеля (Шешбацара), “князя Иудина”, возможно, сына последнего иудейского царя. Более того, он возвратил ему все храмовые сосуды, вывезенные в Вавилон Навуходоносором. Неудивительно, что некий пророк в Иудее приветствовал в Кире Мессию, о котором Господь говорил: “...пастырь Мой, и он исполнит всю волю Мою и скажет Иерусалиму: «Ты будешь построен!» и Храму: «Ты будешь вновь основан»”.

Согласно Библии, Зороваель привел с собой в Иерусалим – теперь главный город персидской провинции Йехуд – 42 360 евреев³¹. Глазам изгнанников предстала печальная картина. Не блеском и роскошью, как Вавилон, но запустением и разорением встретил их иудейский город. “Восстань, восстань, оденься в силу твою, Сион! – призывал Исайя. – Облечись в одежды величия твоего, Иерусалим, город святой!.. Отряси с себя прах... сними цепи с шеи своей, пленная дочь Сиона!” А на иудейских землях за это время расселились иные, подчас враждебные племена, которые вовсе не желали возвращения изгнанников.

Всего через девять лет после возвращения иудеев из плена Кир, все еще находившийся на вершине могущества, был убит в сражении с кочевниками в Средней Азии. Согласно преданию, их предводительница, мстя Киру за смерть сына, окунула его голову в бурдюк с кровью, предлагая ему таким образом утолить жажду завоеваний. Камбиз, сын и наследник Кира, разыскал тело отца и похоронил в золотом саркофаге в Пасаргадах – древней персидской столице. Гробница великого царя сохранилась и поныне. “Он затмил всех прочих монархов, царствовавших до него и после”, – так оценивал деятельность Кира греческий историк Ксенофонт. Со смертью “отца персов” Иерусалим лишился своего защитника.

Дарий и Зороваель: новый храм

Судьба огромной – на тот момент самой большой в истории – империи Кира оказалась тесно переплетена с судьбой Иерусалима. Трон великого отца унаследовал его сын – Камбис II. В 525 году до н. э. войско Камбиса двинулось через Газу и Синай на Египет, а

ренных народов, основатель персидской державы заслужил репутацию “отца прав человека”. Копия глиняного “цилиндра Кира”, на котором был записан этот текст, ныне стоит у входа в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке. Однако в реальности Кир вовсе не был либералом в современном понимании. К примеру, когда в Сардах, столице Лидии, вспыхнуло восстание, он перебил тысячи повстанцев. Сам Кир поклонялся Ахура Мазде – персидскому богу жизни, мудрости и света, чье имя провозгласил пророк арийских персов Заратуштра, проповедовавший, что жизнь есть битва между истиной и ложью, огнем и тьмой. Но государственной религии у персов не было – только эта доктрина о свете и тьме, отчасти совместимая с представлениями иудаизма (а позднее и христианства). Недаром же персидское слово *paradaeza* (“рай”) превратилось в наш “парадиз”, а из слова *maguš* („жрец”) родился “маг” и множество других слов во многих европейских языках.

³¹ Это библейское преувеличение. Многие тысячи евреев предпочли, сохранив свою веру, навсегда остаться в Вавилонии и Персии. Вавилонская община была многочисленной и богатой и сохраняла влияние и при Селевкидах, и при парфиянах, и во времена персидской сасанидской династии, и позже, в эпоху ислама. Вавилон был не менее важным, чем Иерусалим, центром иудейской учености вплоть до нашествия монголов (1258). Затем еврейская община Ирака возродилась при Османах и продолжала процветать до 1880-х гг., когда в Багдаде (население которого, как говорят, было тогда на треть еврейским) начались гонения на евреев, которые еще усилились с утверждением монархии Хашимитов (1921). В 1948 г. (когда было создано государство Израиль) в Ираке проживало 120 тыс. евреев. Иранская община в 1979 г. (когда был свергнут шах) составляла 100 тыс. человек. Большинство иракских и иранских евреев впоследствии репатриировались в Израиль. В настоящее время (2015 г.) в Иране проживают, согласно разным оценкам, 25–40 тыс. евреев, иракская община практически прекратила свое существование.

тем временем в Персии захватил престол самозванец, объявивший себя братом царя. Камбис спешно направился домой, но по пути погиб при весьма загадочных обстоятельствах близ Газы. Между тем в Персии семеро знатных вельмож составили заговор против узурпатора. Убив его, они стали решать, кому из них царствовать. Уступать никто не хотел, и тогда претенденты решили положиться на волю богов: чей конь заржет первым, когда они на рассвете выедут за городские ворота, тот и будет царем. Первым заржал конь Дария, юного отпрыска одного из влиятельных персидских кланов и личного оруженосца Камбиса. Геродот утверждает, что победу Дария обеспечил его хитроумный конюх Эбар: он якобы “сунул руку в половые части кобылицы и затем спрятал руку в одежды. Когда с восходом солнца кони готовы были устремиться вперед, Эбар поднес руку к ноздрям Дариева жеребца, а тот, почуяв кобылицу, зафыркал и заржал”. Так Геродот насмешливо объясняет победу восточного деспота ловкостью рук и малоприличной уловкой.

При поддержке остальных шести заговорщиков Дарий подчинил себе всю Персидскую империю. При этом ему пришлось подавлять восстания едва ли не в каждой ее провинции. В результате этой смуты, говорит Библия, “остановились работы при доме Божиим, который в Иерусалиме, и остановка продолжалась до второго года царствования Дария”. Около 520 года до н. э. из Вавилонии в Иерусалим с еще одной группой изгнанников возвратились князь Зоровавель, внук последнего иудейского царя Иехонии, и священник Иешуа (Иисус), сын последнего первосвященника разрушенного Храма. Дарий разрешил им спасти Иерусалим.

По прибытии в город Зоровавель установил жертвенник на Храмовой горе и начал нанимать каменотесов и плотников для строительства Храма; о покупке кедрового дерева для нового сооружения он по традиции договорился с финикийцами. Воодушевленные началом строительства и возлагавшие большие ожидания на смуту, которая начиналась в империи персов, евреи просто не могли не поддаться мессианским мечтам о новом царстве.

“В тот день, говорит Господь Саваоф, Я возьму тебя, Зоровавель, сын Салафиилев, раб Мой... и буду держать тебя как печать”, — записал пророк Аггей, намекая на перстень-печатку Давида, потерянный дедом Зоровавеля. Иудейские князья прибыли из Вавилона с золотом и серебром старого Храма, и разве не мог Зоровавель (это имя в переводе означает “семя вавилонское”) казаться иудеям “побегом”, который “обретет величие и власть на своем престоле”?

Жители окрестностей города и лежавшей к северу Самарии теперь также захотели поучаствовать в богоугодном деле и предложили Зоровавелю помощь, однако возвратившиеся из Вавилона изгнанники исповедовали уже иной, новый извод иудаизма. Они смотрели на местных жителей с презрением, чуть ли не как на язычников, дикарей; прозвище амхаарец — “местные” (буквально “люди земли”), которым вернувшиеся изгнанники называли жителей Иудеи, довольно скоро приобрело новое значение: “неучи”, “невежды, не знающие Писания”. Тем временем опасавшийся возрождения былой славы Иерусалима (а возможно, и подкупленный “местными”) персидский наместник снова приостановил строительство.

За первые три года царствования Дарий обуздал всех своих противников и показал себя одним из самых выдающихся правителей Древнего мира, создав мировую империю, впервые охватившую земли сразу трех континентов³² — от Фракии и Египта до Гиндукуша — и

³² Дарий совершал походы в Среднюю Азию, на восток от Каспия, и прорубывал возможности экспансии в Индии и Европе: он завоевал северо-западную часть Индостана, предпринял поход против скифов в Причерноморье и захватил Фракию. Дарий построил роскошный дворец в Персеполе (Южный Иран), куда он перенес столицу из Пасаргад. Он утверждал учение Заратуштры, упрочил культ Ахура Мазды и создал военный флот, в котором служили греки, египтяне и финикийцы. Персидский дарик был, в сущности, первой мировой валютой, а царская почта была первой настоящей почтовой службой в истории, с почтовыми станциями, стоявшими через каждые 24 км вдоль Царской дороги, что вела из Суз в Сарды (более 2500 км). Достижения его 35-летнего царствования сделали его настоящим “Августом” Персидской империи. Но даже могущество Дария было не беспредельно: незадолго до своей смерти в 490 г. до н. э. Дарий предпринял попытку вторгнуться в Грецию, но был разгромлен в битве при Марфоне.

объединившую десятки стран и народов. Новый Великий царь являл собой редкий для того времени тип правителя, сочетавшего таланты полководца-завоевателя и управленца-администратора. О том, как выглядел этот царь, мы можем судить по наскальной Бехистунской надписи, созданной по его приказу и увековечившей его победы. Дарий воплощал собой классический арийский тип: высокий лоб, прямой нос, рост почти 180 см. На барельефе он запечатлен в боевой золотой короне, усеянной овальными драгоценными камнями, его волосы завиты и собраны в пучок, усы подкручены, а четыре ряда завитков в окладистой квадратной бороде перемежаются прямыми прядями. Облачение царя приличествует триумфатору: длинная мантия ниспадает до самых пят.

Этому-то властному и внушавшему многим страх и трепет властителю Зоровавель напомнил об указе Кира. Дарий повелел просмотреть все царские свитки в вавилонском книгохранилище и, найдя указ, распорядился не останавливать строительство нового дома Божьего на месте разрушенного Храма: “Пусть иудейский областеначальник и иудейские старейшины строят сей дом Божий на месте его... Я, Дарий, дал это повеление; да будет оно в точности исполняемо!” В 518 году Дарий предпринял поход на запад, чтобы восстановить порядок в восставшем Египте. Скорее всего, путь его лежал через Иудею: возможно, царю пришлось не по душе чрезмерное рвение иудеев в восстановлении Иерусалима. И возможно, он казнил Зоровавеля, заподозрив того в измене; с этого момента строитель Второго Храма и последний правитель города из рода Давида бесследно исчезает из истории.

В шестой год царствования Дария, в марте 515 года, Второй Храм был “с великой радостью” освящен в присутствии всего народа. В жертву при освящении было принесено “сто волов, двести овнов, четыреста агнцев и двенадцать козлов в жертву за грех всего Израиля, по числу колен Израилевых”. А после освящения Храма иудеи, впервые со времен Вавилонского пленения, справили Пасху. Но когда старики, помнившие Храм Соломона, увидели скромное здание нового Дома Господня, они не смогли сдержать слез. Святой Иерусалим был на самом деле крошечным и заброшенным городком.

Спустя 50 лет виночерпием при дворе царя Артаксеркса I, внука Дария, стал еврей по имени Неемия. Однажды к нему пришли несколько единоверцев и попросили о помощи, рассказав следующее: “...Оставшиеся, которые остались от плена, [находятся] там, в стране [своей], в великом бедствии и уничижении, и стена Иерусалима разрушена”. Услышав это, Неемия сильно опечалился, “сел и заплакал”. Наполняя кубок царю, он не смог скрыть своего подавленного настроения. Артаксеркс спросил его: “Отчего лицо у тебя печально?” Да живет царь вовеки! – ответил еврей-придворный. – Как не быть печальным лицу моему, когда город, дом гробов отцов моих, в запустении?.. “И, набравшись смелости, Неемия попросил Артаксеркса: «Если царю благоугодно... пошли меня в Иудею, в город, [где] гробы отцов моих, чтобы я обустроил его»”.

Неемия: закат Персии

Артаксеркс назначил Неемию наместником Иудеи, снабдил его деньгами и отрядил воинов для сопровождения в пути. Самарянами в то время правил их собственный наследный князь Санаваллат. Он с недоверием отнесся к подозрительному гостю из далеких Суз и к планам возвратившихся из Персии изгнанников. Неемия, опасаясь покушения на свою жизнь, осмотрел разрушенные стены Иерусалима и сожженные ворота под покровом ночи. В Книге Неемии, единственной политической автобиографии в Библии, ее автор вспоминает, с каким презрением смеялся Санаваллат, узнав о его планах отстроить стены города, пока Неемия не представился ему как новый наместник Иудеи. Затем Неемия выделил каждому вельможе и священнику участок стены, за ремонт которого те должны были отвечать. А когда раз-

досадованный Санаваллат задумал напасть на Иерусалим, Неемия выставил стражу. Стена была восстановлена “в пятьдесят два дня”.

Теперь Иерусалим, по свидетельству Неемии, “был пространен и велик”, но “народу в нем было немного”. И Неемия предложил иудеям, жившим за пределами города, бросить жребий, чтобы каждый десятый шел жить в Иерусалим. “И благословил народ всех, кто добровольно согласился жить в Иерусалиме”. Так прошло 12 лет, и Неемия отправился в Персию доложить царю обо всем, что он сделал, а когда вернулся в Иерусалим, то узнал, что приближенные Санаваллата обустроили себе роскошные жилые покои непосредственно в Храме, а некоторые иудеи стали выбирать себе жен “из Азотянок, Аммонитянок и Моавитянок”. Неемия распорядился, “чтобы очистили комнаты” в Храме, “и велел опять внести туда сосуды дома Божия”; он осудил смешанные браки с неевреями и стал проповедовать новый, пуританский иудаизм.

По мере того как персидские цари постепенно утрачивали контроль над провинциями, евреи упорно выстраивали собственное государство – маленькую Иудею. Это полувисимое государство раскинулось окрест Храма, богатело за счет все более многочисленных паломников, жило по законам Торы, и управляла им династия первосвященников – предположительно, потомков Цадока, священника царя Давида. Но храмовые сокровища снова соблазнили алчных, и один из первосвященников был убит прямо в Храме собственным братом по имени Иешуа. Наместник персидского царя в Сирии счел это святотатственное убийство, “гнусное и страшное преступление”, подходящим поводом для того, чтобы двинуться карательным походом на Иерусалим и разграбить Храм.

Пока персидские вельможи все глубже увязали в смертоносных интригах, в далекой маленькой Македонии царь Филипп II создал и обучил огромную армию, завоевал с ее помощью греческие полисы и готовился к войне с персами – отомстить за былые вторжения Дария и его сына Ксеркса. После убийства Филиппа трон Македонии занял его 20-летний сын Александр. Могли ли подумать жители Иерусалима, что когда-нибудь увидят у стен своего города греков?

7. Македоняне 336–166 гг. до н. э.

Александр Великий

Всего за три года, что прошли после гибели его отца и его собственного воцарения в 336 году до н. э., Александр Македонский дважды сумел одержать победу над персидским царем Дарием III, вынудив того отступить далеко на восток. Но преследовать персидского царя Александр в то время не стал, а вместо этого двинулся на Египет, потребовав по дороге, чтобы жители Иерусалима выслали ему провиант и предоставили подкрепление для македонского войска. Первосвященник поначалу отказался, но дальнейшие события заставили его изменить решение: славный финикийский Тир предпочел сдаче сопротивление, и Александр, взяв считавшийся неприступным город, приказал распять всех уцелевших жителей.

Затем Александр подошел к Иерусалиму, и иудейский историк Иосиф Флавий впоследствии так описал сцену торжественной встречи завоевателя у городских ворот: “Александр еще издали заметил толпу в белых одеждах и во главе ее священников в одеяниях из виссона, первосвященника же в гиацинтового цвета и золотом затканной ризе”. Священники проводили Александра в Храм, где он “принес жертву Предвечному”. Эта история, скорее всего, выдумана – такой ее хотели бы видеть. Более вероятно, что иерусалимский первосвященник вместе с вождями самарян выплатил Александру “отступные”, причем произошло это не в Иерусалиме, а на побережье, в городе Рош-ха-Аин. В ответ македонский царь, не желая уступать в благородстве Киру, признал за иудеями право жить по их древним обычаям и прежним законам³³. Затем Александр вторгся в Египет, завоевал его, основал на побережье Средиземного моря город Александрию, после чего двинулся на восток и никогда больше не возвращался в Иудею.

Уничтожив Персидское царство и покорив Азию вплоть до границ Индии, Александр приступил к воплощению в жизнь грандиозного политического замысла: создать персидско-македонскую элиту, которая могла бы управлять его мировой империей. Пусть македонский царь и не преуспел в этом, но он сумел изменить мир в такой степени, в какой это не удавалось ни одному другому завоевателю в истории. Александр заложил основы эллинизма – цивилизации особого типа, которая сложилась в результате насаждения греческой культуры (языка, искусства, религии, спортивных и административных традиций) на обширной территории от пустынь Ливии до предгорий Афганистана и сплавления ее с местными, восточными культурными обычаями. Греческая культура стала в ту эпоху такой же универсальной, какой станет британская в XIX веке или американская в XX столетии. Со времен Александра даже монотеисты-иудеи, для которых эта культура, построенная на языческой религии и философии, была совершенно чуждой, не могли уже смотреть на мир иначе как сквозь призму эллинизма.

³³ У самарян в это время уже существовал собственный развитый культ, основанный на древних установлениях иудаизма и сформировавшийся до появления новых законов, правил и ритуалов, принесенных вернувшимися из Вавилона изгнанниками. При персах Самарией правили наместники из дома Санаваллата. Отлучение самарян от иерусалимского Храма привело к тому, что они воздвигли собственное святилище на горе Гризим и начали враждовать с иудеями и Иерусалимом. Как и при любых семейных раздорах, взаимная ненависть подпитывалась самыми незначительными разногласиями. Самаряне считались “второсортными” евреями – жители Иудеи полагали, что они вообще наполовину язычники; тем более поразительной должна была показаться им притча Иисуса о “добром самаритянине” (и вообще это словосочетание). Около тысячи самарян до сих пор проживают в Израиле – и, спустя столько столетий после упразднения жертвоприношений в иерусалимском Храме, они и сегодня, в XXI в., продолжают на Пасху приносить в жертву агнца на горе Гризим.

13 июня 323 года до н. э., через восемь лет после завоевания мира, 33-летний Александр лежал в агонии в Вавилоне, умирая то ли от лихорадки, то ли от яда. Боевые товарищи царя, собравшиеся вокруг его смертного одра, спросили, кому он оставляет царство? Александр ответил: “Сильнейшему”.

Птолемей: грабеж в субботу

Спор о том, кто же “сильнейший” из соратников Александра, вылился в двадцатилетнюю войну между ними. Иерусалим превратился в переходящий приз в борьбе македонских военачальников, что “умножали зло на земле”. За все время противоборства Иерусалим шесть раз переходил из рук в руки. Пятнадцать лет он принадлежал Антигону Одноглазому. После его гибели в сражении (301 год до н. э.) у стен Иерусалима появился Птолемей, полный решимости завладеть городом.

Птолемей был сводным братом Александра. Ветеран македонских войн, он прошел с царем путь от Греции до Центральной Азии и командовал флотом во время экспедиции по реке Инд. После смерти Александра и первоначального раздела его империи Птолемей получил в управление Египет. Прознав о том, что тело Александра везут из Вавилона в Грецию, Птолемей стремительным броском пересек Палестину и захватил тело, чтобы похоронить великого завоевателя в египетской Александрии и тем самым символически утвердить ее в качестве столицы империи Александра, а себя – в качестве его преемника.

Птолемей был не просто полководцем. Его изображения на монетах, где особенно бросаются в глаза волевой подбородок и прямой нос, отражают выдающиеся качества этого мужа: волю и энергию в сочетании с изощренной мудростью и здравомыслием.

Птолемей заявил жителям Иерусалима, что хочет войти в город в субботний день, чтобы принести жертву иудейскому Богу. Уловка сработала: евреи ничего не заподозрили, и Птолемей “без труда овладел городом”, не встретив “со стороны иудеев ни малейшего к тому препятствия”. Неукоснительное соблюдение субботы обернулось утратой свободы. Правда, когда солнце субботы закатилось, евреи все же взяли за оружие и попытались отбить город. И тогда воины Птолемея начали неистовствовать. Было все так, как предрекал пророк Захария: “...и взят будет город, и разграблены будут дома, и обесчещены будут жены, и половина города пойдет в плен”. Птолемей поставил македонский гарнизон в крепости Барис, которую Неемия построил чуть севернее Храма, и переселил тысячи плененных евреев в Египет. Так была основана знаменитая еврейская община Александрии.

В Египте Птолемей и его наследники почитались как фараоны; в греческой Александрии и в Восточном Средиземноморье они вели себя как греческие цари. Птолемей I, вошедший в историю под прозвищем Сотер, “Спаситель”, признал египетских богов Исиду и Осириса и усвоил египетские традиции управления государством, и его династия позиционировалась одновременно как род египетских богов-фараонов и семейство богоподобных греческих царей. Владениями Птолемеев со временем стали Кипр, Киренаика (современная северная Ливия), часть Малой Азии и греческие острова. Птолемей I понимал, что легитимность и величие правителя определяются не только могуществом и богатством, но и культурой его державы. Он превратил Александрию в первейший из греческих городов, роскошный и утонченный, основал в своей столице музей и библиотеку, куда собрал греческих ученых и философов, построил Фаросский маяк, признанный одним из семи чудес света. Империя Птолемеев просуществовала три столетия, и последней правительницей этой династии была царица Клеопатра.

Птолемей Сотер, доживший до 84 лет, успел написать и историю Александра. Его сын и наследник Птолемей II Филадельф с большим уважением относился к евреям. Он освободил 120 тысяч еврейских пленников и послал в Иерусалим золото для украшения Храма. Фила-

дельф знал, как сильно воздействуют на людей пышные и зрелищные церемонии, и использовал это знание в своих целях. В 273 году он устроил для небольшого числа особо важных гостей шествие в честь Диониса, бога вина и изобилия. В шествии принимали участие подданные Птолемея из всех уголков его государства, а также богато украшенные слоны, но более всего гостей поразили огромный мех для вина, сшитый из леопардовых шкур и вмещавший девять тысяч литров, и фаллос длиной 55 метров и толщиной около трех.

Птолемей II был страстным собирателем книг. По его просьбе иудейский первосвященник Елеазар прислал в Александрию экземпляр Танаха³⁴, состоявшего в то время примерно из двадцати книг, и царь повелел перевести священное писание евреев на греческий язык. Согласно преданию, Птолемей пригласил на пир александрийских иудеев, чью ученость он высоко ценил, и обсудил с ними вопросы перевода. “Все, что вам может понадобиться, – пообещал царь, – будет приготовлено, как подобает, и вместе с вами и для меня тоже”. Говорят, что за семьдесят дней семьдесят ученых иудейских мужей закончили работу, и все переводы оказались идентичными. Септуагинта (“перевод семидесяти толковников”) изменила историю Иерусалима и впоследствии сделала возможным распространение христианства. Благодаря Александру Великому греческий к тому времени стал языком международного общения. Теперь Библию мог прочесть практически любой грамотный человек.

Иосиф, сын Товии

Иерусалим оставался частью империи Птолемея, однако сохранял некоторую степень независимости и даже чеканил собственную монету с надписью “Йехуд” (Иудея). Это было не просто политическое образование, но город Бога, которым управляли первосвященники, выходцы из семейства Тобиадов, “сынов Товии”, возводивших свое родословие к древнему священнику Цадоку. Тобиады сосредоточили в своих руках большую власть и большое богатство, которое могли копить и сохранять при условии ежегодной выплаты податей Птолемеям. Однако в 240-х годах до н. э. первосвященник Хония II решил утаить у себя двадцать талантов серебра, которые он должен был выплатить Птолемею III Эвергету. Один молодой еврей с хорошим положением в городе решил, что наступил подходящий момент для того, чтобы низложить первосвященника и самому занять его место, став хозяином не только Иерусалима, но и всей страны.

Этим авантюристом был собственный племянник первосвященника по имени Иосиф бен Товия³⁵. Он отправился в Александрию, где царь проводил откупные торги: аукцион выигрывал тот, кто предлагал наибольшую сумму ежегодных выплат в обмен на власть и право взимать налоги на определенной территории. Сирийские вельможи насмеялись над юным Иосифом, но он переиграл их с невероятным нахальством. Иосиф прежде всего позаботился о том, чтобы получить аудиенцию у царя, и смог очаровать Птолемея. А когда начались торги, самоуверенный Иосиф перебил все предложения своих соперников, претендовавших, как и он, на откупа в Келесирии, Финикии, Иудее и Самарии. Птолемей III спросил Иосифа, каких поручителей, в соответствии с правилами, тот может представить, на что Иосиф ответил: “О царь! Никого иного, как тебя самого и твою царицу!” Юный наглец мог

³⁴ Ивритское слово Танах – это акроним трех слов: Тора (букв. “Учение”; имеется в виду Пятикнижие Моисеево, первые пять книг Библии), Невиим (“Пророки”), Ктувим (“Писания”). Собранию книг, составляющих Танах, христиане позднее дали название Ветхий Завет.

³⁵ Семья Иосифа была смешанного происхождения. Возможно, одним из его предков был Товия, “слуга аммонитский”, противник царя Неемии. Другой Товия, отец Иосифа, был крупным коммерсантом, близким к Птолемею II (в архиве папирусов Зенона, высокопоставленного царского чиновника, имеются свидетельства о его торговых сделках с царем), и управлял огромными имениями в Аммоне (на территории нынешней Иордании).

быть казнен за свою дерзость, но Птолемей рассмеялся и отдал Иосифу откуп без поручительства.

Иосиф бен Товия вернулся в Иерусалим с двумя тысячами египетских пехотинцев. Когда жители Аскалона отказались платить налоги, он казнил двадцать самых влиятельных горожан. И Аскалон заплатил.

Подобно своему тезке из Книги Бытие, Иосиф сыграл в Египте ва-банк – и выиграл. В Александрии, где он стал близким другом царя, Иосиф однажды воспылал страстью к одной актрисе. А когда он попытался соблазнить ее, его брат подсунул ему свою собственную дочь. Той ночью Иосиф был слишком пьян, чтобы заметить подмену, но когда он протрезвел, то влюбился в племянницу и взял ее в жены, укрепив таким образом семейные узы. Их сын Гиркан вырос хитроумным и ловким, под стать отцу. Иосиф бен Товия жил на широкую ногу, правил железной рукой и устанавливал неподъемные налоги, но тем не менее, по мнению Иосифа Флавия, заслуживал восхищения, поскольку был “человек прекрасный и великодушный, который успел поднять народ иудейский из его бедности и жалкого положения и поставить его в более благоприятные условия жизни”.

Поддержка Иосифа была очень важна для египетских царей, поскольку они вели непрерывные войны с Селевкидами – еще одной македонской династией, соперничавшей с египтянами за контроль над Ближним Востоком. Около 241 года до н. э. Птолемей III после очередной победы над врагом выразил Иосифу публичную признательность за помощь, посетив Иерусалим и совершив жертвоприношение в Храме. Однако когда этот могущественный царь умер, египтянам бросил вызов юный и бесконечно честолюбивый предводитель династии Селевкидов.

Антиох Великий: битва слонов

Это был македонский владыка Азии Антиох III. В 223 году до н. э. этот 18-летний юноша унаследовал величественный титул и распадающееся государство³⁶, но он обладал всеми талантами и качествами, чтобы отдалить закат своей державы. Антиох считал себя наследником Александра и, как все македонские цари, отождествлял себя с Аполлоном, Гераклом, Ахиллесом, но прежде всего – с Зевсом. В череде стремительных походов он вновь отвоевал земли на востоке вплоть до Индии, которые раньше входили в империю Александра, но затем были потеряны, и заслужил прозвище Великий. Он несколько раз вторгнулся в Палестину, но Птолемеи отражали эти атаки, и стареющий Иосиф бен Товия оставался у власти в Иерусалиме. Его сын Гиркан предал отца и попытался захватить город, но Иосифу незадолго до смерти удалось одержать победу над сыном, и тот отступил за Иордан, решив создать собственное княжество на территории современной Иордании.

В 201 году до н. э. уже перешагнувший сорокалетний рубеж Антиох Великий вернулся из триумфального похода на Восток. В течение его войн с Птолемеями, пишет Иосиф Флавий, “на долю евреев выпало страдать одинаково как в случаях его победы, так и в случаях его поражения, так что они вполне уподоблялись тогда кораблю во время бури, когда он страдает с обеих сторон от волн”.

³⁶ Антиох был наследником одной из великих династий, основанных диадохами, военачальниками Александра Великого, разделившими империю после его смерти. Птолемей I, закрепившись в Египте, помог своему боевому товарищу Селевку, предку Антиоха, утвердиться в Вавилонии. Селевк, не менее одаренный полководец, чем сам Птолемей, сумел со временем установить контроль над большей частью азиатских земель, завоеванных Александром, обеспечив своим потомкам Селевкидам титул царей Азии. Огромная империя Селевка простиралась от Греции до Инда, однако в зените славы он пал жертвой покушения. По одной из договоренностей Селевкидам была обещана Келесирия (современный юг Сирии и южный Ливан), но Птолемей II отказался уступать ее. Это стало причиной Сирийских войн, затянувшихся на целое столетие.

Антиох и его войско являли собой впечатляющее зрелище. Он, вероятно, был увенчан царской диадемой; одеяние его состояло из шнурованных пурпурных сапог, расшитых золотом, широкополой шляпы и темно-голубой хламиды, затканной золотыми звездами и скрепленной под горлом пурпурной застежкой-фибулой. Иудеи доставили обильные припасы его многоязычному войску, в которое входили македонские фалангисты, вооруженные длинными копьями-сариссами, критские горцы, киликийская и курдская легкая пехота, фракийские прашники, лучники из Мизии, копейщики из Лидии и иранские катафракты – законные в латы всадники на огромных конях. Но самым престижным родом войск были боевые слоны, которых жители Иерусалима, возможно, увидели тогда впервые³⁷.

Антиох обещал иудеям отремонтировать Храм и стены города, а также подтвердил их право “управляться по собственным своим законам”. Он даже воспретил иноземцам входить на территорию Храма или “ввозить в город мясо лошадиное, или свинину, или диких или домашних ослов, кошек, лисиц, зайцев и вообще всех запретных для иудеев животных”. Первосвященник Симон (Шимон) явно сделал правильный выбор: никогда прежде не видел Иерусалим столь снисходительного завоевателя. В течение долгих лет эти события вспоминались как золотой век, когда правил идеальный первосвященник, подобный “утренней звезде среди облаков”.

Симон Праведный: утренняя звезда

Когда Симон³⁸ выходил из Святой Святынь в День искупления, это было весьма величественное зрелище. Облаченный в великолепную одежду, первосвященник “при восхождении к святому жертвеннику освещал блеском окрестность святилища”. Он был образцом первосвященника, лучшим из тех, что правили Иудеей как помазанные князья, сочетая функции монарха, верховного жреца и духовного вождя: он носил золоченые одеяния, сверкающий нагрудник и похожий на корону тюрбан, на котором сиял *нецер*, золотой цветок, символ жизни и спасения, священное украшение короны иудейских царей. Иисус, сын Сирахов, – автор библейской Книги Премудрости и первый из библейских писателей, отразивших священную драму пока еще процветающего города, – сравнивал Симона с “возвышающимся до облаков кипарисом”.

В Иерусалиме утвердилось теократия. Само это слово было изобретено Иосифом Флавием для описания государственного устройства крошечного вассального царства, “начальство и власть” в котором были вручены Богу. Жесткие правила регулировали все стороны жизни, поскольку никаких границ, отделяющих политику от религии, не существовало. В

³⁷ Это была эпоха боевых слонов. Уже Александр, побывав в Индии, привел оттуда некоторое количество этих толстокожих животных, и с тех пор обученные и закованные в броню боевые слоны с “экипажем” воинов на спине стали самым престижным (и дорогим) оружием любого уважающего себя македонского царя – хотя они частенько топтали насмерть не врага, а собственную пехоту. Тем временем на западе Средиземноморья карфагеняне, потомки колонистов из финикийского Тира, и римляне сошлись в битве за господство в регионе. Блистательный карфагенский полководец Ганнибал даже вторгся в Италию, для чего ему пришлось совершить со своими слонами знаменитый переход через Альпы. Однако Селевкиды использовали в армии индийских слонов, а Птолемей и карфагеняне – так называемых североафриканских (карфагенских): вымерший подвид, в античную эпоху обитавший в Северной Африке от Египта до Марокко.

³⁸ Некоторые историки считают, что Симон (Шимон) Праведный управлял Иудеей в царствование Птолемея I (323–283/282 гг. до н. э.). Источники противоречивы, однако более вероятно, что речь идет о современнике Антиоха Великого (241–187 гг.) – Симоне II, который перестроил городские укрепления, обновил Храм и устроил огромную цистерну (резервуар для воды) в Храмовой горе. Его гробница сохранилась и находится в арабском квартале Шейх-Джаррах в Восточном Иерусалиме (к северу от Старого города). В эпоху османского владычества возле нее ежегодно устраивался “еврейский пикник”, в котором принимали участие и мусульмане, и иудеи, и христиане – и в ту эпоху, когда национализм еще не поднял голову, это был лишь один из многих праздников, почитавшихся всеми конфессиями. Сегодня это место свято лишь для евреев, и власти Израиля планируют построить рядом новое еврейское поселение. Однако эта древняя гробница, как и многие другие святыни Иерусалима, сама по себе всего лишь миф: на самом деле это не место упокоения Симона Праведного и вообще не еврейская могила – это гробница знатной римлянки Юлии Сабины, жившей пятью веками позже Симона.

Иерусалиме не было ни статуй, ни высеченных в камне изображений. Идеей соблюдения шаббата (субботы) иудеи были буквально одержимы. Все преступления против религии карались смертью. Способов казни было четыре – побивание камнями, сжигание на костре, обезглавливание и удушение. Уличенных в прелюбодеянии побивали камнями, и в наказании участвовали все члены общины (правда, осужденных сначала сбрасывали с утеса, так что к моменту, как их забрасывали камнями, они обычно были уже без сознания). Сына, ударившего отца, как правило, казнили посредством удушения. А мужчину, вступившего в преступную связь одновременно с женщиной и ее дочерью, сжигали заживо.

Храм был центром еврейской жизни: там собирались на свои заседания первосвященник и его совет – Синедрион. Каждое утро трубы призывали к первой молитве – как много лет спустя к ней будет призывать мусульманский муэдзин. Четыре раза на дню громкие звуки семи серебряных труб призывали верующих пасть ниц в Храме. Ключевыми ритуалами иудейского культа были два ежедневных – утром и вечером – жертвоприношения на храмовом алтаре, когда закалывались агнец, телец или голубь без единого физического изъяна. Это всегда сопровождалось воскурением фимиама на особом алтаре – “жертвеннике благовонных курений”. Город вдыхал запах, исходивший от храмового алтаря и курильниц: к витающему в воздухе аромату корицы и кассии всегда примешивался неприятный запах сжигаемой плоти. Неудивительно, что из благовоний люди старались приносить побольше мирта, нарда и бальзамина.

Паломники отовсюду стекались в Иерусалим на праздники. У Овечьих (ныне Львиных) ворот, к северу от Храма, в больших загонах держали скотину, предназначенную для жертвоприношений. На Пасху закланию подвергались до 200 тысяч ягнят. Но самым ярким событием в иерусалимском календаре был семидневный праздник Кущей: мужчины и женщины в белых одеяниях танцевали во дворах Храма, пели песни с зажженными факелами в руках, а потом отправлялись пировать. На время праздника все жители покидали свои дома и поселялись в шалашах – “кущах”, построенных из веток деревьев и пальмовых листьев на крышах домов или во дворах Храма³⁹.

Но даже в дни правления целомудренного Симона в городе было много светских, прагматичных иудеев, которые, наверное, с виду были похожи на богатых греков, что жили в новых дворцах, построенных на западном склоне горы – в Верхнем городе. То, что фанатичные консервативные иудеи полагали языческой мерзостью, эти космополиты рассматривали как достижения цивилизации. Именно в те времена в Иерусалиме наметилась новая черта: чем более священным он становился, тем сильнее разделялись горожане. Два образа жизни существовали в непосредственном соседстве, и это было чревато взаимной ненавистью и семейной враждой. К тому же теперь городу и существованию евреев как таковому угрожал самый ужасный монстр со времен Навуходоносора.

Антиох Епифан: помешанный бог

Благодетель Иерусалима Антиох Великий не удовлетворился достигнутым: ему требовалась вся Малая Азия с Грецией в придачу. Однако самоуверенный царь Азии недооце-

³⁹ Канон основных еврейских праздников – Пасхи (Песах), Седмицы (Шавуот, иудейская Пятидесятница) и праздника Кущей (Суккот) – в то время продолжал складываться. В весеннем празднике Песах, который длится неделю, совместились два древних празднества: Праздник опресноков и Праздник свободы (оба в память исхода из Египта). Постепенно Пасха оттеснила Суккот (праздник урожая) на второй план и стала главным праздником Иерусалима. И в наши дни на праздник Суккот евреи (и в первую очередь, конечно, дети) по древнему обычаю строят шалаш и украшают их плодами. Священные обязанности в Храме были поделены между левитами (выходцами из колена Левия) и кознами (потомками Аарона, брата Моисея). Поскольку Аарон и Моисей также происходили из колена Левия, то козны представляют собой как бы подгруппу, элиту левитов.

нил растущую мощь Римской республики, только что разгромившей непобедимого карфагенянина Ганнибала и установившей свое господство в Западном Средиземноморье. Рим не позволил Антиоху захватить Грецию, вынудив великого царя не только отдать римлянам свой флот и боевых слонов, но и послать собственного сына в Италию в качестве заложника. Антиох двинулся на восток, рассчитывая пополнить казну, но был убит во время разграбления одного из персидских храмов.

К тому времени все иудеи, жившие на территории от Вавилона до Александрии, уже платили Храму ежегодную десятину. Иерусалим стал таким богатым, что его сокровища не только обострили конфликты между вождями различных городских группировок, но и привлекли алчные взоры вечно нуждавшихся в деньгах македонских царей. Новый царь Азии, носивший, как и его отец, имя Антиох, взял штурмом Антиохию, столицу царства, и захватил трон, истребив всех членов своей семьи, которые могли бы претендовать на престол. Воспитанный в Риме и Афинах, Антиох IV унаследовал необузданный нрав и выдающиеся способности отца, но своей склонностью к сумасбродствам, страстью пугать людей и любовью к пышности походил на таких экстравагантных безумцев, как более поздние Калигула или Нерон.

Как сын великого царя, павшего жертвой покушения, он должен был слишком многое доказать и самому себе, и окружающим. Столь же красивый, сколь и психически неуравновешенный, Антиох любил пышные церемонии и богатые пиры. При этом, откровенно пренебрегая придворным этикетом, он надменно злоупотреблял своими правами абсолютного монарха, поражая подданных эксцентричными выходками. В Антиохии молодой царь напиившись допьяна на главной площади, публично совершал омовения и на глазах у народа приказывал массажистам натирать свое тело дорогими маслами, запанибрата общаясь с прислужниками и носильщиками паланкинов. А когда какой-то человек укорил его за расточительное использование мирры, Антиох повелел разбить горшок с миррой о голову зануды и принялся истерически хохотать над людьми, которые бросились собирать драгоценное масло. Антиоху нравилось переодеваться в чужое платье и разгуливать по улицам в розовом венце и золотой маске, но стоило какому-нибудь зеваке, разинув рот, уставиться на переодетого царя, как тот начинал швыряться в зеваку камнями. По ночам, переодевшись и загримировавшись, он слонялся по притонам Антиохии. Иногда он выказывал дружелюбие по отношению к чужеземцам, но его доброжелательность походила на добродушие сытой пантеры: совершенно неожиданно и без всякого повода он сменял милость на гнев, в котором также не знал удержу.

Монархи эллинистической эпохи обычно возводили свое родословие к Гераклу или другим героям или богам, но Антиох и тут перешеголял всех. Он велел называть себя Эпифан, то есть “явленный со славой”. Правда, современники за глаза называли Антиоха иначе: Эпиман, “помешанный”. Впрочем, в его безумии была своя логика: он стремился консолидировать свою империю вокруг единого царя и единой религии. Антиох надеялся, что местные боги, которым поклонялись его подданные, растворятся в греческом пантеоне и его собственном культе. Но это было немыслимо для евреев, которых с греческой культурой связывали одновременно любовь и ненависть.

Иудеи воздавали должное греческой цивилизации, но отказывались признать ее превосходство. По свидетельству Иосифа Флавия, они считали греков ничемными людьми, распутными и легкомысленными. И все же многие жители Иерусалима уже вели модный, греческий образ жизни и носили одновременно греческие и еврейские имена, желая показать, что они могут быть такими же, как греки. Консервативные евреи, однако, придерживались иных взглядов: для них греки были идолопоклонниками, а обнаженные тела греческих атлетов вызывали лишь отвращение.

С воцарением Антиоха IV первым инстинктивным побуждением иудейских вельмож была попытка добиться для себя властных привилегий и возвыситься над соперниками. Смута началась с семейной распри за богатство и влияние. Когда первосвященник Ония III отправился к царю в Антиохию, чтобы предложить ему сумму ежегодных выплат, его брат Ясон предложил на 80 талантов больше и пообещал превратить Иерусалим в греческий полис. Ясон вернулся в Иудею в сане первосвященника, переименовал город в Антиохию-Иерусалим в честь царя, поставил под сомнение священный статус Торы и построил гимнасий – вероятно, на одном из холмов к западу от Храма. Реформы Ясона нашли поддержку в народе. Еврейские юноши во что бы то ни стало хотели появляться в модном месте – гимнасии, где и тренировались совершенно нагими, надев на себя лишь греческие шляпы. При этом они стремились скрыть следы обрезания – знака Завета, заключенного с Богом, – и даже каким-то образом вновь “делали себя необрезанными” (один из бесчисленных триумфов моды над соображениями гигиены и комфорта). Однако Ясон сам попал в ту же ловушку, которую уготовил ранее своему брату. Он послал своего приближенного по имени Менелай отвезти Антиоху дань. Но жестокий Менелай выкрал ценности из сокровищницы Храма и пообещал царю платить большую подать, чем платил Ясон. Так он перекупил сан первосвященника, хоть и не происходил из священнического рода и не был потомком Цадока. Менелай захватил Иерусалим. Когда же жители города послали к царю своих делегатов с протестом, Антиох казнил послов и даже организовал убийство бывшего первосвященника Онии.

Антиох был более всего озабочен тем, как изыскать средства для восстановления своей империи, и ему почти удалось достичь невозможного: объединить империи Птолемеев и Селевкидов. В 170 году до н. э. он завоевал Египет, однако и на сей раз жители Иерусалима омрачили его триумф, подняв восстание, которое возглавил изгнанник Ясон. “Помешанный” повел войско обратно через Синай и взял штурмом Иерусалим, учинив в городе зверскую резню и продав в рабство 10 тысяч евреев⁴⁰. В сопровождении своего сообщника Менелая он вошел в Святая Святых и завладел бесценными реликвиями: “взял золотой жертвенник, светильник и все сосуды его, и трапезу [стол] предложения”. Хуже того, Антиох повелел иудеям приносить ему жертвы как воплощению Бога, “со славой явленному”, испытывая таким образом верность тех иудеев, которых, по-видимому, привлекала греческая культура. А затем, наполнив сундуки храмовым золотом, он вновь обрушился на египтян, безжалостно сокрушив все очаги сопротивления.

Антиох любил разыгрывать из себя римлянина: облачившись в тогу, он устраивал шутейные “выборы” в Антиохии. Одновременно он тайно строил флот и обучал боевых слонов, что было запрещено договором с римлянами. Однако Рим, твердо решивший завоевать господство в Восточном Средиземноморье, не намерен был терпеть новую империю Антиоха. Когда римский посол Попиллий Ленас встретился с царем в Александрии, римлянин тростью очертил круг на песке вокруг Антиоха и заявил, что царь не выйдет из круга, пока не пообещает уйти из Египта. Антиох, “тяжело вздыхая и с горечью в сердце”, склонился перед мощью Рима.

Тем временем евреи отказывались приносить жертвы перед статуей обожествленного Антиоха. И чтобы Иерусалим не поднял восстание в третий раз, Помешанный решил искоренить саму иудейскую религию.

⁴⁰ Ясону вновь удалось бежать, и он нашел убежище у своего сторонника Гиркана. Этот князь из рода Тобиадов управлял областью Аммон (большая часть современной Иордании) в течение сорока лет, сохраняя верность Птолемам, даже когда они потеряли Иерусалим. Гиркан почти непрерывно воевал с арабами и построил роскошный укрепленный дворец, ныне известный как Каср аль-Абд (“Замок невольника”), украшенный прекрасной резьбой и окруженный декоративными садами. Когда Антиох завоевал Египет и разорил Иерусалим, у последнего представителя рода Тобиадов не осталось иного выхода кроме как покончить с собой. Сегодня Каср аль-Абд – важная туристическая достопримечательность Иордании.

Антиох Епифан: новая “Мерзость запустения”

В 167 году до н. э. Антиох обманным путем овладел Иерусалимом “в святой день субботы”, перебил тысячи его жителей, разрушил стены и построил для своей резиденции новую крепость Акра⁴¹. Управление городом Антиох передал греческому губернатору и “предателю законов и отечества” Менелая.

Затем Антиох под страхом смерти запретил иудеям совершать любые жертвоприношения или богослужения в Храме, соблюдать субботу и Закон, а также совершать обрезание. И “стал закалывать на жертвенниках свиней, осквернил Храм жиром этих животных и тем надругался над установлениями иудеев и их древним благочестием”. Шестого декабря Храм был переосвящен в честь верховного бога империи – Зевса Олимпийского. Опять воцарилась “мерзость запустения”. На алтаре вне Святой Святынь было совершено жертвоприношение богу Антиоху (скорее всего, в его же присутствии). “Храм наполнился злодеянием и бесчинием от язычников, которые, обращаясь с блудницами, смешивались с женщинами в самых священных притворах”. Менелай не препятствовал этому, и люди, надев на голову венки из плюща, приходили в Храм совершать языческие жертвоприношения, а после этого даже многие священники отправлялись в гимнасий посмотреть на состязания нагих атлетов.

Тех же, кто сохранял верность Субботе, сжигали заживо или предавали жестокой казни, позаимствованной у греков, – через распятие. Один старец предпочел смерть, когда его заставляли поест свинины; женщин, обрезавших своих сыновей, сбрасывали вместе с младенцами со стен Иерусалима. Когда у кого-то находили Тору, ее “разрывали и сожигали огнем”, а хозяина предавали смерти. И все же Тора, как и Храм, была для многих дороже жизни. Казни верных Закону иудеев породили новый культ мучеников и обострили мессианские настроения и ожидания Апокалипсиса⁴². Все больше иудеев верили, что “многие из спящих в прахе земли пробудятся... для жизни вечной” в Иерусалиме, зло будет повержено, а Добро восторжествует с пришествием Мессии – Сына Человеческого, облеченного во славу и величие.

Помешанный тем временем вернулся к себе в Антиохию, где отметил свои позорные победы пышным празднеством. Скифские конники в золотых доспехах, индийские слоны, гладиаторы и парфянские всадники на конях в золотой сбруе торжественной процессией прошли по городу. За ними шествовали юноши-атлеты в позолоченных венках. А за атлетами брели около тысячи откормленных жертвенных быков, катились повозки со статуями богов и героев и шли женщины, окроплявшие “благовониями из золотых кувшинов” толпу зрителей. В цирках сражались гладиаторы, из фонтанов текло красное вино, а царь принимал на пиру во дворце тысячу гостей. Помешанный сам был распорядителем на празднестве. Он верхом проносился вдоль процессии, одних погоняя, других сдерживая. Во время пира он самолично рассаживал гостей, присаживался то к одним, то к другим и перекидывался шутками с комедиантами. В конце пиршества царские музыканты внесли фигуру, задрапированную тканями. Как только они опустили ее наземь, фигура, едва послышались звуки

⁴¹ Никаких следов этой крепости до сих пор не найдено. Некоторые историки считают, что она стояла чуть южнее Храмовой горы. Но впоследствии Ирод Великий расширил площадку Храмовой горы, так что вполне вероятно, что холм, на котором возвышалась крепость, ныне погребен под платформой, на которой некогда стоял Храм, а сегодня стоят Купол скалы и мечеть аль-Акса. Если вы зададите себе вопрос, почему же сохранилось так мало материальных свидетельств от эпохи, скажем, царя Давида, то вот пример того, как от огромного здания может не остаться ни единого следа.

⁴² Книга Даниила – это сборник рассказов, частью созданных в годы вавилонского пленения, частью, возможно, в годы гонения Антиоха: образ огненной печи может быть воспоминанием о его казнях. Видение загадочного Сына Человеческого, описанное Даниилом, вдохновляло Иисуса. Культ мученичества будет в первые века новой эры воспринят ранним христианством.

музыки, внезапно сбросила покров, и глазам онемевших гостей предстал сам царь: “Он вскочил нагишом и, заигрывая со скоморохами, отплясывал смешные и непристойные танцы”.

А на юге, вдалеке от этой неистовой вакханалии, военачальники Антиоха исполняли его приказы, продолжая гонения на иудеев, соблюдавших Закон Моисея. В селении Модиин близ Иерусалима старому священнику по имени Маттафия, отцу пятерых сыновей, повелели принести жертву царю Антиоху, чтобы он доказал тем самым, что он больше не еврей. Но Маттафия ответил отказом: “Если и все народы в области царства царя послушают его и отступят каждый от богослужения отцов своих... то я и сыновья мои, и братья мои, будем поступать по завету отцов наших”. А когда вперед выступил другой еврей, готовый принести идольскую жертву, Маттафия “возревновал, и затрепетала внутренность его”. Выхватив меч, он убил сначала вероотступника, затем греческого военачальника и сокрушил языческий алтарь. При этом он воскликнул: “Всякий, кто ревнует по закону и стоит в завете, да идет вслед за мною!” После этого Маттафия и пятеро его сыновей бежали в горы, где к ним присоединились многие благочестивые иудеи, “верные закону” – *хасидим*. Они были настолько набожны, что (на свою беду) неукоснительно соблюдали шаббат даже во время боевых действий, и греки, естественно, старались атаковать евреев именно по субботам.

Маттафия вскоре умер, но его третий сын Иуда стал “начальником войска” повстанцев в горах окрест Иерусалима и нанес сирийской армии три поражения подряд. Антиох поначалу не воспринял иудейское восстание всерьез: он пошел войной на Персию, поручив усмирение мятежников своему советнику Лисию. Но Иуда разгромил и Лисию.

Лишь тогда Антиох, воевавший далеко в Персии, осознал, что победы Иуды угрожают его империи, и отказался от политики террора. Иудеи, писал он в послании настроенным прогрессистам членам Синедриона, могут “есть мясо своих животных и соблюдать законы отцов своих”. Но было уже слишком поздно. Вскоре у Антиоха Епифана случился удар, и Помешанный замертво упал с колесницы. Иуда к тому времени стяжал себе героическое прозвище, которое впоследствии дало название целой династии: Маккавей (“молот”).

8. Маккавеи

164–66 гг. до н. э.

Иуда Молот

Зимой 164 года до н. э. Иуда Маккавей⁴³ завоевал всю Иудею и подчинил себе Иерусалим, за исключением по-прежнему занятой греками крепости Акра. Когда Иуда и его воины увидели Храм Иерусалимский опустошенным и заброшенным, “он и все люди его начали плакать”. Иуда очистил Храм, возжег благовония, заново освятил Свята Святых и принес жертву всесожжения. Масла для храмового светильника в разоренном городе нашли только на один день, но чудесным образом огонь в Храме горел целых восемь дней, пока не удалось пополнить запасы масла. Освобождение и очищение Храма евреи до сих пор отмечают восьмидневным праздником, который называется Ханука – “обновление”.

Иуда Маккавей двинулся походом за Иордан, а своего брата Симона отправил освобождать евреев в Галилее. Но в отсутствие Иуды еврейское войско потерпело поражение. Маккавей стремительно вернулся назад, захватил Хеврон и Эдом и сокрушил языческий жертвенник в Ашдоде, а затем осадил цитадель Акра в Иерусалиме. Однако селевкидский наместник разгромил Маккавеев при Бет-Захарии, к югу от Вифлеема, после чего взял в осаду Иерусалим. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы в этот момент не восстала Антиохия. Вынужденный отступить от Иерусалима, наместник даровал иудеям право жить “по собственным законам” и молиться в Храме. Через четыре столетия после Навуходоносора евреи наконец вновь обрели независимость.

Однако они не ощущали себя в полной безопасности. Селевкиды, поглощенные гражданскими войнами, ослабленные, но все еще грозные, не скрывали намерений со временем сокрушить иудеев и вернуть себе Палестину. Эта жестокая, трудная, нескончаемая война затянулась на 20 лет. Нет надобности описывать ее в деталях, подробно освещая деяния всех этих Селевкидов, имена которых столь похожи. Но стоит упомянуть, что случались моменты, когда Маккавеи были близки к полному уничтожению. И все же этому одаренному, обладавшему неиссякаемой энергией и верой семейству всегда удавалось перегруппировать свои силы и нанести ответный удар.

Крепость Акра, смотревшая на Храм, продолжала причинять жителям разделенного Иерусалима немало беспокойства. И хотя трубы Храма снова трубили, а священники снова совершали жертвоприношения, языческий гарнизон Акры и изменники-евреи иногда “внезапно вырывались из крепости”, говорит Иосиф, и убивали тех, кто шел в Храм. Жители Иерусалима казнили Менелая, “корень греха”, и избрали нового первосвященника⁴⁴. Однако

⁴³ Род Маккавеев правильнее было бы называть Хасмонеюской династией, но ради простоты изложения мы будем все же называть их Маккавеями. Иуда Маккавей, наряду с королем Артуром и Карлом Великим, считался одним из образов средневекового христианского рыцаря. Франкский полководец Карл Мартелл (это прозвище также означает “молот”), разгромивший мусульман в битве при Пуатье в 732 г., Ричард Львиное Сердце в XII в. и Эдуард I (1272–1303) – все они видели себя Маккавеями своего времени. Несколько столетий спустя Рубенс написал картину “Триумф Иуды Маккавея”, а Гендель посвятил еврейскому герою ораторию. Маккавеев почитают в современном Израиле как героев Хануки, борцов за свободу, победителей творящего геноцид тирана, предтечи Гитлера. Однако есть и иная концепция: история Маккавеев рассматривается как некое подобие сегодняшнего противостояния западной демократии и террористического джихада. Сторонники этой версии считают, что именно греки были просвещенным цивилизаторами, боровшимися с религиозными фанатиками – своего рода “еврейскими талибами”.

⁴⁴ Этот новый первосвященник даже не принадлежал к дому Онии (основателем которого считался легендарный Цадок – священник царя Давида). Легitimным претендентом на сан первосвященника был Ония IV, бежавший со своими сторонниками в Египет и благосклонно принятый там царем Птолемеем VI Филометором. Царь разрешил Онии построить

Селевкиды снова вмешались. Их военачальнику Никанору удалось в очередной раз захватить весь Иерусалим целиком. Указав на жертвенник, грек пригрозил священникам и старейшинам народа: “Если не предан будет ныне Иуда и войско его в мои руки, то, когда возвращусь благополучно, сожгу дом сей”.

Иуда, сражаясь за свою жизнь, обратился за помощью к Риму – врагу всех греческих царств. И Рим поспешил подтвердить независимость иудеев. В 161 году Маккавей повел войско на бой с армией Селевкидов, разбил Никанора, повелел отрубить ему голову и руку и доставить их в Иерусалим. Рука и язык, некогда угрожавшие Храму, были изрублены и брошены на потребу птицам, а мертвая голова водружена на копье над крепостью. С тех пор жители Иерусалима в память о победе Иуды и своем избавлении несколько столетий праздновали День Никанора. Но и самому Иуде оставалось жить недолго. Селевкиды смогли разгромить его войско; в жестоком сражении Иуда Маккавей был убит и погребен в Модиине; Иерусалим пал вновь. Казалось, все потеряно. Но дело Иуды Молота продолжили его братья.

Симон Великий: триумф Маккавеев

По прошествии двух лет, проведенных в бегах, брат Иуды Ионафан вышел из пустыни, снова разбил Селевкидов и сделал своей резиденцией Махмас, город к северу от Иерусалима, который все еще удерживали греки. Однако Ионафан, обладавший незаурядным дипломатическим талантом, воспользовался соперничеством царей Египта и Сирии и смог завладеть Святым городом. Он восстановил городские стены и вновь освятил Храм. В 153 году до н. э. селевкидский царь Александр вынужден был даровать Ионафану титул “друга царя” и поставить его первосвященником. Маккавей был помазан елеем, украшен царским цветком и облачен в священнические одежды во время самого почитаемого из иудейских праздников – праздника Кущей. И все же Ионафан был всего лишь сыном провинциального священника, а не потомком Цадока. И по крайней мере одна из иудейских религиозных группировок считала его “нечестивцем”.

Поначалу Ионафана поддерживал египетский царь Птолемей VI Филометор, который даже совершил поход вдоль побережья до Иоппии, ближайшего к Иерусалиму порта (ныне Яффо), где они встретились с Ионафаном и приветствовали друг друга с подобающим царю и первосвященнику почетом и величием. В Птолемаиде (ныне Акко) Филометор осуществил мечту любого греческого царя со времен Александра Великого: “возложил на свою голову два венца – Азии и Египта”. Но в апогее его триумфа лошадь царя, испугавшись рева сирийских слонов, сбросила своего всадника, и Птолемей погиб⁴⁵.

Пока Селевкиды боролись за власть, все больше увязая в междоусобицах, Ионафан ловко лавировал между претендентами, принимая сторону то одного, то другого из них. Один из Селевкидов, осажденный в своем дворце в Антиохии, обратился к Ионафану за поддержкой, обещав за это полную независимость Иудеи. Ионафан привел из Иерусалима

синагогу на месте заброшенного египетского святилища в Леонтополисе в дельте Нила. Там Ония основал свой собственный Иерусалим, и это место до сих пор называется Тель эль-Йехудия – “Холм евреев”. Иудейские князья, сопровождавшие Онию, стали влиятельными военачальниками в Египте. Синагога Онии просуществовала до 70 г. н. э., когда была разрушена по приказу Тита.

⁴⁵ Наследник Птолемея Филометора был настроен враждебно по отношению к евреям, потому что Ония и александрийская община поддерживали его предшественника. Даже по зверским стандартам этого семейства Птолемей VIII Эвергет, которого александрийская чернь прозвала Фискон (“Толстяк”), был выдающимся чудовищем. Толстяк решил отомстить египетским евреям, велел им собраться вместе и напустив на них своих боевых слонов. Но животные, возможно, божественным произволением, вместо этого смяли и затоптали свиту самого царя. Вершиной его преступлений было убийство собственного 14-летнего сына, полностью верного своему отцу. Толстяк отрубил сыну голову, ноги и руки и отослал изуродованные останки его матери, Клеопатре II. Детоубийство замышляла и еще одна представительница династии – Клеопатра Тея, – жена сирийского царя Димитрия II. Она поднесла кубок с ядом своему сыну-подростку, однако тот заставил ее саму выпить отравленное вино. Так выглядела семейная жизнь у Птолемеев.

в Антиохию, пройдя через территорию современного Израиля, Ливана и части Сирии, три тысячи бойцов. Еврейские воины, осыпавшие горящий город дождем стрел, а потом, дом за домом, отвоевавшие его, спасли царя и вернули его на престол. Возвращаясь в Иудею, Ионафан захватил Ашкелон, Газу и Вефсур (Бет-Цур) и осадил крепость Акра в Иерусалиме. Но его новый греческий союзник Трифон хитростью заманил Ионафана в Птолемаиду. Как только Ионафан прибыл туда со своими людьми, жители города по приказу правителя заперли ворота; Ионафан оказался в плену, а все его товарищи были перебиты. Трифон же собрал войско и повел его на Иерусалим.

Но еще не все семейство Маккавеев было истреблено: оставался последний брат – Симон. Он заново укрепил Иерусалим и сплотил армию. И на этот раз евреям была послана помощь свыше: неожиданно “выпало много снега, который занес все дороги, сделал их труднопроходимыми для лошадей и не дал Трифону возможности добраться до Иерусалима”. Грек отступил, но все же отомстил, казнив брата Симона – плененного Ионафана, которого вез с собой в оковах. Весной 141 года Симон наконец взял штурмом иерусалимскую Акру и полностью разрушил ее, срыв даже до основания всю гору, на которой она стояла. Затем он отпраздновал победу в Иерусалиме “со славословиями, пальмовыми ветвями, с гуслями, кимвалами и цитрами, с псалмами и песнями”. Так усилиями Симона были успешно “изгнаны из страны язычники”, и потому “иудеи и священники согласились, чтобы Симон был у них начальником и первосвященником”, и облачили его в царскую порфиру (пурпурную мантию), застегнутую на золотую фибулу (пряжку), как и подобает царю, пусть и не царственного происхождения. “И народ израильский в переписке и договорах начал писать: «первого года при Симоне, великом первосвященнике, вожде и правителе иудеев»”.

Иоанн Гиркан: строитель империи

Симон Великий находился на пике популярности, когда в 134 году до н. э. его пригласил на пир его зять. Это был заговор: в разгар трапезы последний из славного поколения Маккавеев был убит, а его жену и двоих сыновей бросили в темницу. Убийцы охотились и за третьим сыном Симона – Иоанном (евр. Иоханан), но тот успел укрыться в Иерусалиме.

Катастрофа грозила Иоанну со всех сторон. Когда он осадил заговорщиков в их убежище, его мать и братья были умерщвлены врагами прямо у него на глазах. Третий сын Маттафии, Иоанн, не рассчитывал, что ему доведется царствовать, но обладал всеми семейными талантами, позволявшими и ему стать идеальным еврейским правителем с мессианской харизмой, “удостоившись от Господа Бога, – как писал Иосиф Флавий, – трех величайших благ: властвования над своим народом, первосвященнического достоинства и дара прорицания”.

Селевкид Антиох VII Сидет воспользовался иудейской междоусобицей, чтобы вновь захватить Иудею и осадить Иерусалим. Когда в городе начался голод, царь выказал готовность к переговорам, послав в город по случаю праздника Кущей “драгоценные жертвенные дары, а именно быков с вызолоченными рогами и серебряные и золотые чаши, полные благовонных курений”. Иоанн отправил к нему своих посланцев с просьбой о мире, согласившись передать Антиоху все завоеванные Маккавеями земли за пределами Иудеи, выплатить 500 талантов серебром и снести городские укрепления. На этих условиях Антиох снял осаду.

Впоследствии Иоанн был вынужден принять участие в походе своего нового “союзника” против парфян, набиравших силу в Иране и Месопотамии. Поход закончился для греков катастрофически, но для евреев благополучно. Возможно, Иоанн вел тайные переговоры с парфянским царем, среди подданных которого было много евреев. Антиох погиб, но Иоанн

каким-то образом избежал злой участи и вернулся назад с обретенной вновь независимостью⁴⁶.

Великие державы были заняты своими внутренними интригами, и Иоанну ничто не помешало приступить к военной экспансии поистине давидовых масштабов (кстати, великий древний царь, по иронии истории, “помог” Иоанну со средствами на ведения военных действий: Иоанн разграбил его богатую гробницу, находившуюся, вероятно, в древнем Городе Давидовом). Иоанн захватил Мадабу за Иорданом, на юге насильно обратил в иудаизм эдомитян (которые стали теперь называться идумеями), а на севере разрушил Самарию, а затем завоевал всю Галилею. В Иерусалиме Иоанн выстроил вокруг разросшегося города так называемую Первую Стену⁴⁷. Его царство было региональной державой, но Храм – сердцем мировой еврейской жизни, хотя растущие иудейские общины в разных городах Средиземноморья возносили свои ежедневные молитвы в местных синагогах. Вероятно, именно в этот момент вновь обретенной уверенности в себе 24 книги Писания и стали каноническим текстом еврейского Танаха – Ветхого Завета.

После смерти Иоанна его сын Аристокбул провозгласил себя царем Иудеи – первым еврейским царем с 586 года до н. э. Аристокбул подчинил Итурею (современные Северный Израиль и Южный Ливан). Однако Маккавеи к этому времени до такой степени “огречились”, что стали похожи на собственных врагов. Они носили как еврейские, так и греческие имена и управляли своим народом с жестокостью ничуть не меньшей, чем греческие тираны. Аристокбул бросил в темницу собственную мать и приказал телохранителям умертвить своего младшего и более популярного в народе брата; однако чувство вины за это преступление настолько мучило Аристокбула, что он помрачился рассудком. И все же, когда Аристокбул умирал, “харкая кровью”, он больше страшился не смерти, но того, что другой его брат – надменный Александр Яннай – окажется тем чудищем, которое разрушит дом Маккавеев.

Александр Фракиец: свирепый молодой лев

Едва укрепившись в Иерусалиме, царь Александр (Яннай – греческий вариант его еврейского имени Йонатан) женился на вдове своего брата и стал готовиться к завоеваниям – к созданию Иудейской империи. Александр был порочен и бессердечен, и уже скоро евреи возненавидели его за изощренный садизм. Однако Александр мог теперь вести войну против соседей совершенно беспрепятственно – греческие царства рушились, а римляне еще не пришли.

⁴⁶ Прозвище Гиркан было, несомненно, дано Иоанну в память о его парфянских авантюрах, хотя на самом деле его войско никогда не доходило до Гиркании, области на юго-восточном побережье Каспия. Зато он укрепил свои позиции на другом море, заключив союз с римлянами. В Иерусалиме он поддерживал храмовую аристократию – садуккеев (евр. цадоким). Садуккеи возводили свою родословную к Цадоку, священнику царя Давида, откуда и происходит их название.

⁴⁷ Эта стена протянулась от Храмовой горы до Силоамской купели, а оттуда – к Цитадели, где до сих пор уцелели остатки фундаментов башен и маленьких домиков эпохи Маккавеев. Несколько фрагментов самой стены также уцелело в разных местах: один из них можно увидеть на южном склоне горы Сион, чуть западнее католического кладбища, где кладка Иоанна смыкается со сложенной из более массивных блоков стеной Езекии и гораздо более поздними укреплениями, возведенными византийской императрицей Евдокией (V в. н. э.). В 1985 г. израильские археологи раскрыли подземный водосток (Хасмонецкий акведук) и большой подземный резервуар – Стратионский пруд, сооруженный Маккавеями и обнаруженный английскими, немецкими и французскими археологами еще в 1870 г., когда на *Via Dolorosa* началось строительство монастыря Сестер Сиона. Хасмонецкий акведук объясняет, каким образом подземный резервуар наполнялся водой; ныне это часть так называемых Туннелей Западной стены, и один из участков водостока – как раз под монастырем – открыт для посетителей. В эпоху Маккавеев был также перекинут мост через глубокую долину между Храмовой горой и Верхним городом (сейчас на ее месте площадь перед Западной стеной). Сам Иоанн жил в крепости Барис, к северу от Храма. Но, судя по всему, он начал строить себе дворец и в быстро расширяющемся Верхнем городе.

Александр удавалось избегать гибели в своих частых поражениях благодаря поистине дьявольскому везению⁴⁸ и неистовой жестокости: иудеи прозвали царя Фракийцем – синоним слова “дикарь” – за варварские бесчинства, которые чинил он при поддержке банды своих греческих наемников.

Александр завоевал Газу (на границе с Египтом) и Рафию (на Голанских высотах), однако потом попал в засаду, которую арабы-набатейцы устроили ему в Моаве, за Иорданом, и был вынужден бежать в Иерусалим. Но когда он был провозглашен первосвященником в праздник Кущей, народ забросал его гнилыми фруктами. Подстрекаемые фарисеями (членами одного из религиозных направлений в иудаизме), жители города заявляли, что коль скоро мать Александра была брошена в темницу, он не заслуживает звания первосвященника. В ответ Александр спустил с цепи своих греческих наемников, и те перебили прямо на улицах города шесть тысяч человек. Селевкиды воспользовались этой смутой, чтобы снова напасть на Иудею. Александр бежал в горы.

Там царь вынашивал план мести, и когда ему снова удалось вступить в Иерусалим, он истребил там 50 тысяч человек. Он праздновал победу, пируя со своими наложницами и наблюдая, как 800 человек распинают на склонах окрестных холмов, в то время как царские подручные перерезают у них на глазах глотки их женам и детям. “Свирепый молодой лев”, как прозвали Александра его враги, умер от алкоголизма, оставив своей жене Саломее Александре Иудейскую империю, включавшую часть современного Израиля, Палестины, Иордании, Сирии и Ливана. Он посоветовал жене скрывать его смерть от солдат до тех пор, пока она не утвердится в Иерусалиме, а затем управлять народом, опираясь на фарисеев.

Новая царица была первой женщиной, правившей в Иерусалиме со времен дочери Иезавели. Но гений династии уже иссяк. Саломея (это греческий вариант еврейского имени Шалом Цион – “мир Сиону”), умная и прозорливая 60-летняя вдова двух царей, правила своей маленькой империей с помощью фарисеев, но ей постоянно приходилось держать под присмотром двоих сыновей. Старший, первосвященник Иоанн Гиркан II, был довольно вялым человеком, зато младший, Аристобул, “был как раз обратного нрава, человеком предприимчивым и смышленным”.

К северу от Иудеи Рим уверенно расширял свое влияние в Средиземноморье, сначала поглотив Грецию, а затем Малую Азию, где римлянам оказал яростное сопротивление Митридат – греческий царь Понта. В 66 году до н. э. римский полководец Помпей разгромил Митридата и двинулся на юг. Рим пришел в Иерусалим.

⁴⁸ Когда он напал на Птолемаиду, столицу Киренаики (на побережье современной восточной Ливии), царь Птолемей IX Сотер, в то время владевший Кипром, вмешался и разгромил Александра. Но Янная спасли его еврейские связи: Птолемей в это время воевал с собственной матерью, Клеопатрой III, царицей Египта, которой не нравилось влияние ее сына в Иудее (она сама намеревалась захватить Иерусалим). Однако ее военачальник, еврей Анания, сын первосвященника Онии, спасшего в свое время маккавейского царя, воспротивился этому; Клеопатра же была не в состоянии лично возглавить армию.

9. Пришествие римлян 66–40 гг. до н. э.

Помпей в святая святых

После смерти царицы Саломеи ее сыновья погрузились в междоусобицу. Аристобул II разгромил Гиркана II в битве под Иерихоном, но вскоре братья заключили перемирие, обняли друг друга в Храме на глазах у народа, и Аристобул стал царем. Было решено, что Гиркан сложит полномочия и будет “жить вне дел”, но его коварный советник Антипатр полностью подчинил Гиркана своему влиянию. За этим властным идумеянином⁴⁹ и осталось будущее. Его сыну предстояло стать царем Иродом. Это одаренное, но порочное семейство будет владеть Иерусалимом почти столетие, именно оно придаст Храмовой горе (и Западной стене в том числе) ее современные очертания.

Антипатр помог Гиркану бежать в Петру, “город цвета красных роз, старый, как само время”, – столицу арабов-набатейцев. Арабский царь Арета (араб. Харит) был сказочно богат благодаря прибыльной торговле индийскими специями и доводился родственником арабской жене Антипатра. Он помог беглецам одержать верх над Аристобулом, вынудив последнего укрыться после проигранной битвы в Иерусалиме. Арета двинулся за ним в погоню и осадил Аристобула на укрепленной Храмовой горе. Впрочем, весь этот “шум и ярость” не значили ровным счетом ничего, потому что севернее, в Дамаске, уже развернул свою ставку Гней Помпей – самый могущественный человек в Риме. Помпей, не занимавший в Римской республике никакого официального поста, командовал собственной частной армией, во главе которой побеждал в битвах гражданской войны в Италии, Сицилии и Северной Африке, дважды был удостоен триумфа и скопил несметные богатства. Он был весьма осмотрительным стратегом с лицом херувима, пухлым и розовощеким: “ничто не могло сравниться нежностью со щеками Помпея”. Но внешний облик был обманчив: по словам историка Саллюстия, Помпей был “красив лицом, бесстыден сердцем” и прозвище Юный палач (*adulescentulus carnifex*) заслужил уже в молодые годы, во время гражданских войн, из-за жестокости, граничившей с садизмом, и алчности, не знавшей пределов. Ко времени описываемых событий Помпей уже утвердился в Риме, но положение самого могущественного человека в Республике требовало постоянного подтверждения. Его называли Помпей Великий, но это прозвище по крайней мере отчасти было ироническим. Мальчиком он преклонялся перед Александром Великим, чья эпическая империя, а также оставшиеся за ее пределами не завоеванные земли и сокровища Востока, с той поры неудержимо влекли к себе мысли каждого римского честолюбца-олигарха.

В 64 году до н. э. Помпей положил конец царству Селевкидов, захватил Сирию и предложил себя как посредника в иудейской междоусобице. К нему прибыли посольства не только от враждовавших братьев, но и от фарисеев, умолявших Помпея избавить их от Маккавеев. Помпей повелел обоим братьям ожидать его решения, однако Аристобул, недооценивший железную мощь Рима, имел неосторожность нарушить договоренности.

Разгневанный Помпей устремился к Иерусалиму. Он захватил и заключил под стражу Аристобула, но сторонники Маккавеев заняли укрепленную Храмовую гору, разрушив мост, соединявший ее с Верхним городом. Помпей, ставший лагерем к северу от Овчей купели

⁴⁹ Идумеяне, библейские эдомитяне, суровые воины-язычники, населявшие Эдом (земли к югу от Иерусалима), были массово обращены в иудаизм Иоанном Гирканом. Антипатр был сыном как раз такого обращенного идумеянина, которого царь Александр Яннай поставил наместником Эдома.

(Вифезды), в течение трех месяцев осаждал Храмовую гору, осыпая святилище градом камней из катапулт. И вновь враги воспользовались иудейским благочестием: была суббота, и к тому же время поста, когда римляне пошли на штурм Храма с севера и захватили его, перерезав глотки священникам, охранявшим жертвенник. Не желая сдаваться, многие евреи “кидались в бездну или сгорали живьем, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей им гибели”. Всего тогда погибло 12 тысяч защитников города. Помпей разрушил все укрепления, упразднил иудейскую монархию, присоединил к своим владениям большую часть царства Маккавеев и назначил первосвященником Гиркана, оставив ему в управление – под неусыпным контролем министра Антипатра – только Иудею.

Помпей не смог устоять перед искушением войти в Святая Святых. Римляне были заинтригованы восточными обрядами, хотя гордились пантеоном собственных богов и несколько свысока относились к примитивным суевериям иудейского монотеизма. Греки рассказывали издевательские истории, будто иудеи тайно поклоняются золотой голове осла или даже приносят в жертву людей, чтобы затем пожрать их плоть. Помпей со своей свитой вступил в Святая Святых, совершив тем самым немыслимое святотатство, ведь даже первосвященник мог входить туда только единожды в год. Этот римлянин, по всей видимости, был вторым язычником (после Антиоха IV), вошедшим в запретное святилище. Он увидел там лишь золотой стол и священный семисвечник, не обнаружил никакого изваяния Бога, но ощутил глубокое благоговение. Помпей ничего не тронул в Святая Святых.

Затем полководец поспешил обратно в Рим – отпраздновать триумф после азиатских побед. Гиркана тем временем терзали мятежники, сторонники Аристубула и его сыновей, однако истинный правитель, министр Антипатр, предусмотрительно заручился поддержкой Рима, который был отныне источником любой власти. Но даже самый искушенный политик не смог бы предугадать неожиданные повороты римской политики. Помпей был вынужден поделиться властью, заключив триумvirат – тройственный союз – с двумя другими политическими лидерами, Крассом и Цезарем. Цезарь вскоре покрыл себя славой покорителя Галлии. А Красс, еще один римский олигарх, решив завоевать себе воинские лавры на Востоке и сравняться славой со своими товарищами по триумvirату, в 55 году до н. э. выступил в Сирию.

Цезарь и Клеопатра

Красс, носивший в Риме прозвище *Dives* (“Богач”), имел репутацию жадного и жестокого человека. Он расширил составленные римским диктатором Суллой проскрипции (списки лиц, объявленных вне закона и подлежащих смерти), движимый единственной целью – прибрать к рукам конфискованное имущество жертв. А подавление восстания Спартака он отпраздновал, распяв шесть тысяч рабов вдоль Аппиевой дороги. Теперь он замыслил победу над молодым Парфянским царством, раскинувшимся на землях современного Ирака и Ирана, там, где когда-то располагались персидская империя, а затем сменившее ее государство Селевкидов.

Средства для военной кампании Красс раздобыл, ограбив иерусалимский Храм и похитив оттуда две тысячи талантов, которые не взял Помпей, и “шест из червонного золота” из Святая Святых. Но парфяне разгромили Красса и его войско. Отрубленную голову римского полководца парфяне принесли своему царю. Согласно легенде, Ород II смотрел в театре греческую пьесу, когда по сцене покатила голова Красса. Ород приказал залить расплавленное золото в рот мертвой головы, сказав при этом: “Ты был ненасытен в жажде золота. Теперь, наконец, ты насытишься”.

Отныне за власть в Риме соперничали лишь двое могущественных полководцев – Цезарь и Помпей. В 49 году до н. э. Цезарь, выступив из Галлии, перешел реку Рубикон и

вторгся в Италию, а спустя 18 месяцев нанес сокрушительное поражение Помпею, вынудив того бежать в Египет. Получив должность диктатора⁵⁰, Цезарь ринулся в погоню за побежденным соперником, но прибыл в Египет через два дня после того, как египтяне убили Помпея. Цезарь пришел в ужас и в то же время испытал облегчение, когда ему принесли в качестве приветственного дара забальзамированную голову низвергнутого соперника.

Минуло уже 30 лет с тех пор, как Цезарь воевал на Востоке. Теперь он пришел в Египет, который раздирали жестокая борьба за власть Птолемея XIII и его сестры-жены Клеопатры VII. Последняя и принесла Риму самый ценный приз на Востоке – Египет. Однако Цезарь не мог предвидеть, как ловко эта юная царица, низложенная с трона и, казалось бы, находившаяся в отчаянном положении, подчинит его волю собственным целям.

Клеопатра потребовала тайной аудиенции с владыкой Рима. Эта искусная постановщица сексуально-политической пантомимы прибыла во дворец Цезаря завернутой в мешок для постельного белья (а не в ковер): возможно, учитывая восприимчивость и чувствительность римлянина к подобным театральным постановкам. Гаю Юлию Цезарю, потрепанному войнами, седовласому и уже плешивому полководцу, было 52 года. Он прекрасно знал, что остатки седых волос окружают весьма заметную лысину. Но поразительное, если не беспредельное властолюбие этого человека, искушенного в войнах, литературе и политике, никогда не могло устоять перед неумной энергией, свойственной молодости. У Цезаря был обширный донжуанский список: в свое время он заводил романы и с женой Красса, и с женой Помпея. Клеопатре был 21 год, по словам Иосифа Флавия, “красота этой женщины была не тою, что зовется несравненно и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием”, производил сильное впечатление, даже если она и унаследовала от предков, как позволяют предположить ее статуи и монеты с ее изображением, фамильный орлиный нос и заостренный подбородок. Она желала снова стать царицей и вести жизнь, подобающую несравненной древности ее рода. Оба, и Цезарь, и Клеопатра, были искушенными политическими авантюристами, и ставками в их игре оказались риск, опасность и любовь к приключениям. Клеопатра вскоре родила Цезарю сына Цезариона, и, что было куда важнее для царицы, Цезарь теперь был на ее стороне.

Однако вскоре Цезаря осадили в его александрийском дворце египтяне, восставшие против Клеопатры и ее римского покровителя. И в этот момент старый союзник Помпея, Антипатр, увидел шанс оказать услугу Цезарю и добиться его расположения. С трехтысячным войском он вторгся в Египет, призвав местных евреев поддержать его, и атаковал врагов Цезаря. Римлянин одержал верх над египтянами и отдал египетский престол очаровавшей его Клеопатре. Прежде чем вернуться в Рим, благодарный Цезарь восстановил Иоанна Гиркана в чине первосвященника и этнарха – правителя области – и позволил ему отстроить разрушенные стены Иерусалима, однако всю реальную власть (под римским контролем) вновь отдал Антипатру, назначив его прокуратором римской провинции Иудея. Старший сын Антипатра, Фазаель, получил в управление Иерусалим, а младший, Ирод, – Галилею.

Ирод, которому тогда было всего 15 лет, сразу же показал свою доблесть, выследив и уничтожив группу фанатичных религиозных иудеев. Иерусалимский Синедрион пришел в ярость из-за несанкционированной расправы, учиненной Иродом, и вызвал его на суд. Но римляне отлично понимали, что именно такие союзники, как Антипатр и его сыновья, требуются им для управления этим беспокойным народом. Римский наместник Сирии приказал оправдать и освободить Ирода, после чего наделил его еще большими полномочиями.

⁵⁰ Диктатор назначался решением Сената в случае угрозы Республике (мятеж, серьезная военная угроза и т. п.) и наделялся чрезвычайными полномочиями. Однако он обязан был сложить эти полномочия не позднее, чем через шесть месяцев. – Прим. ред.

Ирод был незаурядным человеком. Словно рожденный для того, чтобы стать героем, он был достаточно изощрен, порочен и изыскан, чтобы суметь очаровать и впечатлить самых выдающихся римлян той эпохи. Сексуально ненасытный, Ирод был, как выразился Иосиф Флавий, “рабом своих страстей”, но при этом отнюдь не являлся грубым невеждой. Ирод разбирался в архитектуре, чрезвычайно хорошо знал греческую, латинскую и еврейскую культуру и в свободное от политики и порочных удовольствий время охотно принимал участие в диспутах на исторические и философские темы. Однако жажда власти всегда была у него на первом месте и отравляла все его отношения с другими людьми. Внук обращенного в иудаизм идумеянина и сын арабки (почему его брата и называли Фазаель – араб. Фейсал), Ирод был подлинным космополитом и умел разыгрывать из себя и римлянина, и грека, и иудея. Но иудеи никогда не могли забыть его нечистое, смешанное происхождение. Ему, воспитанному в богатом, но разьедаемом подозрительностью безжалостном семействе, суждено было видеть гибель близких и рано осознать хрупкость власти и преимущества террора. Он рос, используя убийство как политический инструмент; параноик, “человек высокой степени бесчувственности”, равно как и страстной чувственности, он интриговал, чтобы выжить и властвовать любой ценой.

После гибели Цезаря в 44 году до н. э. один из его убийц по имени Гай Кассий Лонгин, ранее служивший наместником Сирии, вернулся на Ближний Восток, чтобы (вопреки решению Сената) вновь занять свою прежнюю должность. Антипатр, отец Ирода, попытался снова вести двойную игру, но крутые повороты интриг в конечном итоге погубили его: Антипатра отравил один из соперников, которому удалось завладеть Иерусалимом и удерживать город, пока Ирод не убил его самого. Вскоре после того Кассий и Брут, еще один соучастник убийства Цезаря, потерпели поражение в битве при Филиппах в Македонии. Победителями этой битвы стали двоюродный внук и приемный сын Цезаря – 22-летний Октавиан и головорез Марк Антоний. Они поделили между собой римское государство, и Антоний получил Восток. И когда он выдвинулся в Сирию, на встречу с могущественным римлянином поспешили два молодых правителя с совершенно противоположными интересами. Один хотел восстановить Иудейское царство, другая – поглотить его, присоединив к своей наследственной империи.

Антоний и Клеопатра

Клеопатра пожаловала к Антонию как царица, во всем блеске своего величия – истинная наследница Птолемеев, самой уважаемой династии той эпохи – и одновременно как Афродита-Исида, явившаяся на свидание к своему Дионису, который мог вновь даровать ей земли ее предков.

Встреча Антония и Клеопатры стала судьбоносной для обоих. Антоний был на 14 лет старше Клеопатры, но в самом расцвете сил: он невероятно много пил, имел толстую шею и бочкообразную грудь, но при этом впалые щеки. Особенно он гордился своими мускулистыми ногами. Его ослепила красота Клеопатры, он горел желанием обвенчать греческую культуру и рафинированную роскошь Востока и считал себя преемником Александра, потомком Геракла и, конечно же, бога Диониса. Но при этом ему было нужно египетское золото и продовольствие, ведь он также собирался воевать с парфянами. Иными словами, Антоний и Клеопатра нуждались друг в друге, а такая зависимость часто сводит людей. Антоний и Клеопатра отпраздновали свой союз и манифестировали общие интересы, убив сестру царицы (своего брата Клеопатра к тому моменту уже умертвила).

Ирод также поспешил к Антонию. Отец Ирода Антипатр был соратником Антония, когда тот еще служил начальником кавалерии в Египте, и оказал ему значимые услуги. Антоний не забыл этого. Он отдал Ироду и его брату реальную власть в Иудее, сохранив, правда,

номинальное главенство за Гирканом как первосвященником. Ирод отметил свое возвышение помолвкой. Его невестой стала Мариамна из рода Маккавеев, которая в результате внутрисемейных браков приходилась внучкой обоим царям. Тело ее, по словам Иосифа Флавия, было столь же прекрасно, как и лицо. Однако этот союз обернулся катастрофой.

Антоний последовал за беременной Клеопатрой (скоро она родит ему близнецов) в ее столицу Александрию. Тем временем, не дав Ироду толком утвердиться в новом статусе, в Сирию вторглись парфяне. Антигон, князь из рода Маккавеев, приходившийся Иоанну Гиркану племянником, предложил парфянам тысячу талантов и гарем из пятисот дев в обмен на Иерусалим.

Пакор: парфянский выстрел

Иудейский город вновь восстал против римских марионеток – Ирода и его брата Фазаеля. Осажденные в царском дворце напротив Храма, братья сумели подавить мятеж. Но совсем иное дело парфяне. Иерусалим был наводнен паломниками – иудеи отмечали Пятидесятницу, – когда сторонники Маккавеев отворили городские ворота перед парфянским князем Пакором⁵¹ и его ставленником Антигоном⁵². Иерусалим праздновал возвращение Маккавеев.

Парфяне изображали из себя честного посредника в споре между Иродом и Антигоном. На деле же они заманили брата Ирода, Фазаеля, в ловушку и захватили его. Ирод был отстранен от власти, а парфяне разграбили город и возвели на престол Антигона, провозгласив его царем Иудеи и первосвященником. Антигон тут же изувечил своего дядю: он отрубил Гиркану уши, чтобы тот “никогда больше не мог принять сан первосвященника, ибо только беспорочные (и в физическом отношении) могут занять эту должность”. Что же касается Фазаеля, брата Ирода, то он был либо убит, либо сам разбил себе голову о камень.

Так Ирод потерял и Иерусалим, и брата. Он сделал ставку на римлян, но не они, а парфяне оказались владыками Ближнего Востока. Человек впечатлительный, он был явно неуравновешенной личностью, страдая резкими перепадами настроения от возбуждения до депрессии. Однако его воля к власти, честолюбие, острый ум, жажда жизни и инстинкт самосохранения были еще сильнее. Ирод чуть было не повредился рассудком, но сумел взять себя в руки. К ночи он собрал своих приверженцев, чтобы пуститься в бегство. Но он ни на секунду не оставлял мысли когда-нибудь вернуться за властью.

Ирод: бегство к Клеопатре

В сопровождении большой свиты – 500 наложниц, мать, сестра и (самое ценное, его невеста) княжна Мариамна из рода Маккавеев, – Ирод стремительно ушел из Иерусалима в пустынные Иудейские горы. Царь Антигон, взбешенный тем, что Ирод прихватил с собой своих наложниц (явно тех самых, которых он предлагал парфянам в качестве платы за воца-

⁵¹ Пакор был сыном и наследником “царя царей” Орода II из династии Аршакидов, победителя Красса. Под властью Аршакидов парфяне, изначально обитавшие в землях к востоку от Каспия, освободились от власти Селевкидов (ок. 250 г. до н. э.) и создали империю, которая бросила вызов римлянам. Ядро армии Пакора составляли его персидские пехотинцы в их тяжелых доспехах и широких шароварах, превосходно владевшие и пятиметровой пикой, и боевым топором, и булавой. Эти тяжеловооруженные воины буквально смели римские легионы в битве при Каррах. Их поддерживали конные лучники, славившиеся быстротой и меткостью стрельбы: выражение “парфянский выстрел” вошло даже в поговорку. Однако парфянские цари при этом часто становились заложниками слишком могущественной и своевольной знати.

⁵² Антигон, сын последнего царя Аристовула II, носил и греческое, и еврейское имена. На аверсе его монет была изображена Менора – священный храмовый семисвечник, символ его семейства, сопровождавшаяся греческой надписью “Царь Антигон”. На реверсе изображалась “трапеза предложения” (храмовый стол для жертвенных хлебов) и надпись на иврите: “Маттафия Первосвященник”.

рение в Иерусалиме), послал конницу в погоню. Уже в горах Ирод снова потерял присутствие духа и хотел даже покончить с собой, но стража отняла у него обнаженный меч. Вскоре всадники Антигона настигли караван Ирода. Перед лицом опасности мужество вернулось к царю, и он разгромил преследователей, после чего оставил свою свиту в неприступной горной крепости Масада, а сам направился в Египет.

Антоний уже отбыл в Рим, но Клеопатра, надеявшаяся уговорить Ирода стать ее военачальником, оказала ему блестящий прием в Александрии. Однако упрямый Ирод отправился в Рим в сопровождении юного брата своей невесты, Ионафана, – маккавейского князя, которого он мыслил посадить на иудейский престол. Но Антоний, теперь планировавший войну с целью изгнания парфян из Сирии, понимал, что царствование – не детская забава и требует именно тех качеств, которыми обладал сам Ирод.

Антоний и его соправитель Октавиан привели Ирода в Сенат, где его провозгласили “царем-союзником и другом римского народа” – *rex socius et amicus populi Romani*. Новоявленный царь вышел из Сената в сопровождении двух самых могущественных людей в мире – Октавиана и Антония. Это ли не звездный час для полуеврея-полуараба из эдомских гор? Отношения Ирода с этими двумя владыками заложили фундамент его 40-летнего правления, которое будет исполнено террора и великолепия. Впрочем, до реального царствования было пока далеко: земли Востока все еще находились под контролем парфян, Антигон властвовал в Иерусалиме. Для евреев Ирод был римской марионеткой, жалким полукровкой-идумеянином. Предстояло отвоевать каждую пядь своего царства, а затем – Иерусалим.

10. Иродиады

40 г. до н. э. – 10 г. н. э.

Падение Антигона: последний из Маккавеев

Ирод отправился в Птолемаиду, собрал там армию и приступил к завоеванию своего будущего царства. Когда его противники укрылись в неприступных пещерах Галилеи, он спустил своих воинов со скал в ящиках, висевших на канатах, и те, вооруженные крюками, выуживали врагов из отверстий пещер, вынуждая их бросаться в зияющую пропасть. Но для взятия Иерусалима Ироду требовалась помощь Антония.

Римляне в этот момент успешно наступали на парфян. В 38 году до н. э. Антоний лично возглавил осаду парфянской крепости Самосата на западном берегу Евфрата. Туда-то и двинулся Ирод: предложить помощь и попросить о помощи для себя. Парфяне подготовили Антонию засаду, но Ирод пошел в контратаку и спас римский обоз. Грубовато-добродушный Антоний встретил Ирода как старого товарища, стиснув его в объятиях на глазах у всего войска, приветствовавшего молодого правителя Иудеи. Благодарный Антоний выделил 30 тысяч пехотинцев и шесть тысяч всадников для осады Иерусалима именем Ирода. Римляне расположились лагерем чуть севернее Храма, а Ирод между тем сыграл свадьбу с 17-летней Мариамной. После сорокадневной осады римляне пошли на штурм внешней стены, еще через две недели они ворвались в Храм и пустились разорять Иерусалим, как “шайка безумцев”, нещадно истребляя мирных жителей на узких улочках. Ироду пришлось даже заплатить союзникам, чтобы остановить кровавую бойню. Пленного Антигона он отослал к Антонию, который, не раздумывая, обезглавил последнего царя из рода Маккавеев. Затем могущественный римлянин двинулся со 100-тысячным войском на Парфию. Впрочем, военный талант Антония был сильно преувеличен – его экспедиция едва не кончилась катастрофой, и он потерял треть армии. Уцелевшие воины спаслись только благодаря тому, что Клеопатра своевременно доставила в войска Антония провиант. Репутация Антония в Риме была подорвана навсегда.

Царь Ирод отпраздновал взятие Иерусалима казнью 45 из 71 члена Синедриона. Срыв крепость Барис, находившуюся к северу от Храма, он воздвиг на ее месте колоссальную прямоугольную в плане цитадель с четырьмя башнями, которую назвал крепость Антония – в честь своего римского покровителя. До наших дней от мощной крепости, некогда доминировавшей над городом, сохранились лишь фрагменты скального основания, но мы можем составить о ней представление благодаря другим, лучше сохранившимся крепостям Ирода: каждая из этих горных цитаделей была построена таким образом, чтобы сочетать абсолютную неприступность с чрезвычайной роскошью⁵³. И все же Ирод никогда не чувствовал себя в безопасности, тем более что теперь ему предстояло защищать свое царство еще и от интриг двух цариц: его собственной жены Мариамны... и Клеопатры.

⁵³ Умерщвленные советники были, по всей вероятности, похоронены в богато орнаментированной гробнице Судей, которая сохранилась до наших дней: украшенная резными фризами с изображением гранатов и листьев аканта, она находится в саду к северу от Старого города. Что же касается горных крепостей Ирода, то самые известные из них – Масада, где последние оставшиеся в живых иудейские повстанцы совершили в 73 г. массовое самоубийство; Махерон, где один из сыновей Ирода обезглавил Иоанна Крестителя, и рукотворная гора Иродион, на которой были похоронены сам Ирод и его сыновья.

Ирод и Клеопатра

Ирода, возможно, боялись многие, но он и сам опасался Маккавеев, тем более что с самой опасной представительницей этого рода он делил ложе. Царь, которому уже исполнилось 36 лет, был без ума влюблен в свою Мариамну – воспитанную, сдержанную и величавую. Но ее мать, Александра, подлинное воплощение стереотипа адской тещи, сразу же начала при участии Клеопатры плести интриги за спиной Ирода, чтобы уничтожить его. Женщины из рода Маккавеев очень гордились своим происхождением, и надменная Александра не могла смириться с тем, что ее дочь вышла замуж за плебея-полукровку. Но Александра не поняла, что даже по зверским стандартам I века Ирод был таким чудовищным психопатом, что ей с ним было не сладить.

Поскольку изувеченный старый Гиркан уже не мог отправлять обязанности первосвященника в Храме, Александра хотела, чтобы этого сана (на который Ирод, этот выскочка-идумеянин, этот полуараб, разумеется, рассчитывать не мог) был удостоен ее сын, подросток Ионафан, младший брат Мариамны. Ионафан не только имел все права на царский престол, но и отличался необыкновенной, влекущей к себе красотой, а в ту эпоху верили, что внешняя красота свидетельствует о расположении богов. Куда бы он ни шел, его всюду окружала толпа. У Ирода были все основания остерегаться этого мальчика, и он решил проблему, назначив первосвященником никому не известного еврея из Вавилонии. Александра тайно призвала на помощь Клеопатру. Антоний к тому времени присоединил к владениям египетской царицы Ливан, Крит и Северную Африку, а также передал ей одно из самых ценных владений Ирода – рощи бальзамовых деревьев и финиковых пальм под Иерихоном⁵⁴. Ирод взял их у нее в аренду, но было очевидно, что она жаждет обладать Иудеей, которой некогда владели ее предки.

Используя красавчика Ионафана как наживку, Мариамна и ее мать послали портрет мальчика Антонию, который, как и большинство мужчин той эпохи, в равной степени ценил и женскую, и мужскую красоту. Клеопатра, в свою очередь, обещала поддержать притязания Ионафана на власть. И потому, когда Антоний пригласил подростка к себе, Ирод серьезно встревожился и отказался отпускать его. Он установил за тещей строжайший надзор в Иерусалиме, но Клеопатра посоветовала ей тайно бежать с сыном в Египет, обещав укрыть их. Александра подготовила два гроба, в которых ее с сыном должны были тайно вынести из дворца.

В конце концов Ирод, который ничего не мог поделать с популярностью Маккавеев, не в силах противостоять мольбам жены, в праздник Кушей поставил Ионафана первосвященником. Когда юноша “в полном первосвященническом облачении приступил к алтарю, чтобы принести жертву и совершить все по установленному ритуалу, и при этом обнаружилась его необыкновенная красота и статность, явный признак его родовитого происхождения, собравшуюся толпу народа охватил экстаз”. Люди стали “громко и бурно выражать свой восторг кликами и пожеланиями всякого благополучия”. Видя все это, Ирод решил привести свой замысел в исполнение и сделал это в присущем только ему стиле. Он пригласил Ионафана в свой роскошный дворец в Иерихоне; он был подозрительно ласков; ночь выдалась влажной и жаркой, и первосвященнику предложили искупаться. В бассейне подельники Ирода схватили юношу и удерживали его под водой, пока он не захлебнулся. Тело Ионафана

⁵⁴ Эти рощи представляли собой один из самых ценных “люксовых брендов” древнего Средиземноморья: из иерихонских фиников делали финиковое вино, а бальзамовые деревья давали гилеадский бальзам, высоко ценившийся не только за его лекарственные свойства (считалось, что он исцеляет головные боли и катаракту), но и за уникальный аромат. Клеопатра также захватила большую часть побережья, включая Иоппию (Яффо), оставив Ироду единственный порт – Газу.

обнаружили только утром, Мариамна и ее мать обезумели от горя и негодования; Иерусалим погрузился в глубокую печаль. На похоронах Ионафана разрыдался и сам Ирод.

Александра сообщила об убийстве Клеопатре, чье сочувствие было продиктовано исключительно политическими интересами: египетская царица сама убила по меньшей мере двух, а возможно, даже трех своих братьев. Клеопатра потребовала, чтобы Антоний вызвал Ирода в Сирию и чтобы тот оправдался в гибели юноши. Ирод понимал, что если ей удастся настоять на своем, то домой он не вернется. Ирод готовился к опасной встрече, а перед отъездом выказал свои чувства к Мариамне в характерной для него зловещей манере: отдал жену под надзор своему дяде Иосифу, наместнику на время его отсутствия, тайно наказав в случае, если Антоний убьет его, Ирода, немедленно умертвить ее. Иосиф постоянно рассказывал Мариамне, как любит ее Ирод и как предан ей, а однажды в своем рвении показать ей расположение царя даже проговорился, что Ирод любит ее настолько сильно, что скорее убьет, чем допустит, чтобы их разлучила смерть. Мариамна была в ужасе. Между тем по Иерусалиму поползли слухи, будто Ирод уже мертв. В отсутствие мужа Мариамна всю помыкала его сестрой Саломеей – одной из самых порочных и злобных интриганок в этом змеином гнезде.

Между тем прибывший в Лаодикию Ирод – мастер в обхождении с римскими вельможами – сумел вернуть расположение Антония, и тот простил его. Два боевых товарища пировали сутками напролет. По возвращении Ирода Саломея рассказала брату, что дядя Иосиф якобы спал с Мариамной, а теща замышляла в его отсутствие мятеж. Ирод и Мариамна все же помирились. Жена убедила его в своем целомудрии, и он, раскаявшись в том, что готов был поверить навету, стал уверять ее в пылкой любви. “Оба расплакались и заключили друг друга в объятия”. Но тут Мариамна обмолвилась, что она знает о его замысле убить ее. Иродом вновь завладела подозрительность: дядя не проговорился бы о столь тайном поручении, не будь у него с Мариамной близких отношений. Снедаемый ревностью, он поместил жену под домашний арест, а Иосифа казнил.

В 34 году до н. э. Антоний восстановил престиж Рима, поколебленный его предыдущим неудачным походом, успешно вторгнувшись в принадлежавшую парфянам Армению. Клеопатра сопровождала его до Евфрата, а на обратном пути нанесла визит Ироду. Эти два коварных монстра не расставались несколько дней, флиртуя и одновременно прикидывая, как бы им покончить друг с другом. Ирод утверждал, будто Клеопатра пыталась соблазнить его: похоже, это был ее обычный способ общения с любым мужчиной, который мог принести ей выгоду. Но, сознавая, что это смертельная западня, Ирод устоял и решил убить эту красивую, но смертельно ядовитую нильскую змею. Однако его советники решительно выступили против этого.

Египетская царица вернулась домой в Александрию. Там Антоний устроил для нее пышную церемонию, во время которой провозгласил Клеопатру “царицей царей”. Сын Клеопатры от Цезаря, Цезарион, которому исполнилось 13 лет, был объявлен ее соправителем в Египте, а трое ее детей от Антония стали царями Армении, Финикии и Киренаики. В Риме все эти восточные церемонии были восприняты как неримские, недостойные зрелого мужа и попросту недалековидные. Антоний пытался оправдаться, написав свое единственное (из известных нам) литературное сочинение “О его пьянстве”, в котором обращался к Октавиану: “Почему ты переменялся? Не потому ли, что я люблю царицу? И разве имеет значение, где и в кого ты вонзаешь свое копьё?” Но это имело значение. В Клеопатре видели *fatale monstrum* (“чудовище, ниспосланное судьбой”, говоря словами Горация). Октавиан лишь выиграл от того, что его партнерство с Антонием прекратилось. В 32 году до н. э. Сенат отозвал у Антония империй (*imperium*) – полномочия верховной власти, а затем Октавиан объявил войну Клеопатре. Враги встретились в Греции: Антоний и Клеопатра объединили

римское войско и египетско-финикийский флот против Октавиана. То была война за власть над миром.

Август и Ирод

Ироду необходимо было угадать будущего победителя. Он предложил Антонию свою помощь в Греции, но вместо этого получил приказ напасть на арабов-набатейцев в землях современной Иордании. К тому времени, когда Ирод возвратился, Октавиан и Антоний уже сошлись в битве при мысе Акий. Антоний-полководец уступал военным талантом командующему Октавиана Марку Агриппе. Морское сражение стало для него полной катастрофой, и Антоний с Клеопатрой бежали в Египет. Не уничтожит ли Октавиан и сторонника Антония – иудейского царя?

Ирод вновь готовился к смерти. Он поручил все дела своему брату Ферору и – просто на всякий случай – удавил престарелого Гиркана. Свою мать и сестру он отправил в Масаду, а Мариамну и Александру – в Александрию, еще одну горную крепость. И опять повелел умертвить Мариамну в случае его гибели. После чего отправился на самую важную встречу в своей жизни.

Октавиан принял его на Родосе. Ирод вел себя во время встречи благоразумно и достойно. Он смиренно положил свою царскую диадему у ног Октавиана. Затем, не отрекаясь от Антония, призвал Октавиана задуматься не над тем, чьим другом он был, а над тем, каким он был другом. Октавиан в ответ “вновь венчал Ирода царским венцом и просил его об одном лишь: быть с ним столь же дружным, как прежде с Антонием”. Ирод с триумфом возвратился в Иерусалим, а затем отправился с Октавианом в Египет; они прибыли в Александрию практически сразу после того, как Антоний и Клеопатра покончили с собой: он – с помощью клинка, она – дав себя укусить ядовитой змее.

Так Октавиан стал первым римским императором, приняв (вторым человеком после Цезаря) титул август (“священный”). В свои 33 года этот педантичный администратор, вежливый, бесстрастный и требовательный, стал самым верным покровителем Ирода. Император и его помощник, а точнее сказать, почти равноправный партнер, прямой и открытый Марк Агриппа, стали столь близки с Иродом, что тот, по свидетельству Иосифа Флавия, “мог считать себя любимцем Августа после Агриппы и любимцем Агриппы после Августа”.

Август расширил царство Ирода, прибавив к нему части современных Израиля, Иордании, Сирии и Ливана. Как и Август, Ирод был расчетливым и компетентным правителем: когда случился голод, он распродал собственное золото и на вырученные деньги закупил египетское зерно, чем спас население Иудеи от голодной смерти. Он царил в окружении своего наполовину греческого – наполовину еврейского двора, где ему угождали красивые евнухи и наложницы. В его свите было много вельмож, перешедших к нему от Клеопатры: его секретарь Николай Дамасский⁵⁵ был в свое время воспитателем ее детей, а 400 телохранителей-галатов прежде были личной гвардией египетской царицы: Август подарил их Ироду, и они присоединились к его германцам и фракийцам. Эти белокурые варвары готовы

⁵⁵ Этот ученый сирийский грек стал доверенным лицом Ирода и личным другом Августа. Он и в самом деле был, вероятно, весьма искусственным придворным, коль скоро сумел уцелеть и при дворе Клеопатры, и при дворе Ирода, где кровь лилась рекой. Впоследствии он сочинил жизнеописания Августа и Ирода, причем источником сведений для последней книги был сам Ирод. Биография Ирода не дошла до наших дней, но нам известно, что она была главным источником Иосифа Флавия, и вряд ли он мог найти источник лучше. Что до царственных воспитанников Николая, то Цезарион, сын Цезаря и Клеопатры, был умерщвлен по приказу Августа, а троих других детей привезла в Рим Октавия, сестра императора и бывшая жена Антония. Судьба мальчиков неизвестна, а девочка, Клеопатра Селена, стала впоследствии женой Юбы II, царя Мавретании (область на территории современных Западного Алжира и Северного Марокко). Ее сына, Птолемея Мавретанского, казнил император Калигула, положив тем самым конец династии Птолемеев спустя 363 года после смерти Александра Великого.

были запытать насмерть любого, на кого укажет их повелитель, самый космополитичный царь того времени: ведь Ирод был финикийцем по происхождению, эллином по воспитанию, идумеянином по месту рождения, иудеем по вере, иерусалимлянином по месту жительства и римлянином по гражданству.

Иерусалимская резиденция Ирода и Мариамны располагалась в крепости Антония. Здесь Ирод был настоящим иудейским царем, каждые семь лет декламировавшим Книгу Второзакония в Храме и назначавшим первосвященника, чье облачение он хранил в Антонии. Но за пределами Иерусалима Ирод представал величественным греческим монархом, чьи новые языческие города, особенно Кесария на побережье Средиземного моря и Севастия на месте разрушенной Самарии, представляли собой великолепные ансамбли храмов, ипподромов и дворцов. Даже в Иерусалиме он выстроил театр и ипподром в греческом стиле, где проводил Акцийские игры в честь победы Октавиана при Акции. Когда это языческое действо подвигло группу иудеев к заговору, заговорщики были казнены. Но его любимая жена не радовалась успеху мужа. Двор Ирода был отравлен борьбой между князьями из дома Маккавеев и Иродиан.

Мариамна: Ирод в любви и ненависти

В отсутствие Ирода Мариамна снова попыталась очаровать своего стража, чтобы выпытать у него планы мужа относительно нее в случае его гибели. Вернувшийся Ирод нашел ее совершенно неотразимой, но политически крайне опасной: она открыто обвиняла мужа в убийстве своего брата. Иногда она намеренно оскорбительным образом давала понять всему двору, что отказывает ему в близости. Но потом подпускала его к себе, и отчуждение между супругами сменялось страстным примирением. Мариамна родила Ироду двух сыновей, но не рассталась с замыслом извести мужа. Она откровенно насмеялась над его сестрой Саломеей и ее заурядностью. Ирод страдал, “обуреваемый и ненавистью и любовью к ней”, и его одержимость становилась день ото дня сильнее, ведь замешана она была на еще одной страсти, всецело владевшей им, – жажде власти.

Саломея приписывала влияние Мариамны над ним магии. Она представила брату доказательства, что маккавейка подмешивала ему любовное зелье. Евнухов Мариамны пытали, пока они не подтвердили ее вину. Стражник, присматривавший за Мариамной в отсутствие Ирода, был казнен. Саму ее по приказу Ирода заключили под стражу в крепости Антония, а затем предали суду. Саломея предвкушала отмщение, настаивая, что Мариамна должна умереть.

Мариамну осудили на смерть, а ее мать Александра публично отреклась от дочери в надежде спасти себя. Но толпа освистала ее. Мариамна же, “этот высочайший идеал женской целомудренности и великодушия”, по мнению Иосифа Флавия, “лишь с презрением посмотрела на эту гнусную женщину, очевидно показывая ей все ее жалкое ничтожество”. Сама она, по всей видимости, была удушена, но, как истинная представительница Маккавеев, до конца держалась “совершенно бесстрашно и не изменившись в лице, даже в последнюю минуту являя всем доказательство своего благородства”. Ирод страшно горевал по жене, уверовав, что любовь его к Мариамне была божественным отмщением, ниспосланным ему на погибель. Он запустил государственные дела, искал Мариамну по всему дворцу, приказывал слугам звать ее, будто она была живой и могла явиться на зов, и пытался забыться в пирах и попойках. Но все его пирушки заканчивались стенаниями по Мариамне. Он тяжело заболел, покрылся гнойными язвами, и в этот момент Александра решилась на последнюю попытку захватить власть. Ирод распорядился тотчас же казнить ее, а затем умертвил еще четырех своих самых близких друзей, которых подозревал в том, что они были слишком близки с его очаровательной тещей. Он так и не оправился до конца после утраты Мариамны – прокля-

тия, обернувшегося позднее уничтожением следующего поколения его рода. Согласно Талмуду, Ирод пытался сохранить ее тело в меду, и это похоже на правду: извращенная сладость этой затеи была бы вполне во вкусе Ирода.

Вскоре после казни Мариамны Ирод начал работать над своим шедевром: новым, преобразованным Иерусалимом. Дворец Маккавеев напротив Храма уже казался недостаточно величественным для него. А в крепости Антония, казалось, блуждал призрак Мариамны. В 23 году до н. э. Ирод расширил западные укрепления строительством новой Цитадели и дворцового комплекса – своего рода Иерусалима в стенах Иерусалима. Цитадель была окружена стеной высотой около 14 м; при наречении трех ее башен Ирод дал волю сентиментальным чувствам. Самая высокая башня (высота почти 40 м, толщина у основания примерно 15 × 15 м) получила имя Гиппик (так звали друга юности Ирода, впоследствии павшего в бою). Две другие башни были наречены Фазаель (в честь покойного брата Ирода) и Мариамна⁵⁶. И если Антония доминировала над Храмом, то Цитадель властвовала над всем городом.

Южнее цитадели Ирод выстроил свой дворец – величественное здание, в котором, помимо прочих, были два роскошных покоя, названные в честь его римских покровителей, Августа и Агриппы: с мраморными стенами, балками из кедрового дерева, изысканными мозаиками, золотым и серебряным декором. Вокруг дворца были устроены дворы, колоннады и портики, оживленные зелеными лужайками, пышными рощами, прохладными прудами и каналами с каскадами, эффектно сверкавшими на солнце, а в портиках гнездились голуби (у Ирода, вероятно, была налажена голубиная почта, связывавшая его с провинциями). В это великолепие Ирод вложил свое несметное состояние, достойное Крѣза: после римского императора царь Иудеи был самым богатым человеком в Средиземноморье⁵⁷. Дворцовая суэта, звуки храмовых труб и гул лежавшего чуть поодаль города, вероятно, умиротворяли воркование птиц и журчание фонтанов.

Однако двор Ирода отнюдь не стал умиротворенным. Его братья были завзятыми интриганами, сестра Саломея оставалась редкостным чудовищем, а наложницы в его гареме все без исключения были столь же честолюбивы, сколь психически неуравновешенны, – как и он сам. Неумный сексуальный аппетит Ирода только усложнял его политику; он был, как писал Иосиф Флавий, “человеком страстей”. Мариамна стала его второй женой, до нее Ирод уже был женат на Дорис. А после смерти Мариамны он женился еще по крайней мере восемь раз, выбирая себе в жены красавиц исключительно для удовлетворения похоти, ни разу больше не прельстившись именитым родословием. Помимо 500 наложниц в гареме, он, в соответствии с греческими вкусами, держал в доме пажей и евнухов. Его разросшееся

⁵⁶ Скорее всего, Ирод имел в виду Мариамну II, свою третью жену, однако горожане, глядя на башню, несомненно, вспоминали и его предыдущую супругу, маккавейскую принцессу Мариамну I, которую Ирод приказал казнить. Сегодня перестроенная Цитадель носит имя Башня Давида, хотя и не имеет никакого отношения к легендарному древнему царю. Башня Давида вплоть до османских времен оставалась самым мощным укреплением Иерусалима, и ни одно другое сооружение не демонстрирует так наглядно этапы развития города: археологи раскрыли здесь остатки иудейских, маккавейских, иродовых, римских, арабских построек, а также памятники времени крестоносцев, мамлюков и османских турок.

⁵⁷ Источником богатства Ирода были доходы от его земельных владений, разбросанных по всему Ближнему Востоку. В его поместьях разводили овец и крупный рогатый скот (в Иордании и Иудее), выращивали пшеницу и ячмень (в Галилее и Иудее). Рыбу, оливковое масло, вино и фрукты привозили ко двору из Аскалона (Ашкелона), где даже был выведен особый сорт “аскалонского” лука, от латинского названия которого (*caepa Ascalonia*) в конце концов произошло французское слово *échalotte* и русское “шалот”. Гранаты поставлялись из Гевы, лежавшей к северу от Иерусалима, фиги – из Иоппии (Яффо), финики и гилеадский бальзам – из Иерихона. В самой Иудее лично Ироду принадлежала половина, а то и две трети всех земель. Его казна пополнялась также налогами и прибылью от транзитной торговли специями, шедшими по набатейской Дороге благовоний. Наконец, он был настоящим горнопромышленником-магнатом: за 300 талантов купил у Августа право разрабатывать половину медных копей на Кипре. Он экспортировал иудейские вина, сам же предпочитал импортные итальянские. И даже на смертном одре – при том, что на протяжении всей жизни он вел масштабное строительство и выплачивал огромные подати в Рим, – Ирод завещал Августу более тысячи талантов, или около миллиона драхм (гораздо больше, чем собственной семье).

семейство, его избалованные и в то же время обиженные пренебрежением сыновья, за каждым из которых стояла его охочая до власти мать, стали поистине дьявольским выводком. И даже такому виртуозному кукловоду, как Ирод, приходилось прилагать усилия, чтобы умерять все это кипение ненависти, зависти и подозрительности. И все же двор не мог отвлечь его от воплощения в жизнь самого заветного проекта. Сознывая, что престиж Иерусалима определяет его собственный престиж, Ирод задумал сравняться с царем Соломоном.

Ирод: храм

Ирод полностью разрушил Второй Храм и воздвиг на его месте одно из чудес света. Иудеи очень боялись, что, разрушив старый Храм, он не доведет до конца строительство нового. Поэтому Ирод созвал городское собрание, чтобы переубедить горожан, и в мельчайших деталях рассказал о своих планах. Тысяча храмовых служителей была обучена строительному искусству. В Ливане вырубались кедровые леса, и бревна сплавляли на юг вдоль побережья. В каменоломнях окрест Иерусалима размечались и вытесывались массивные каменные блоки из ослепительного желтого и почти белого известняка. Для транспортировки их на стройплощадку подготовили тысячу телег, но некоторые блоки были поистине гигантского размера. Один такой блок можно увидеть в туннелях близ Храмовой горы: в 14 м длиной, 3,5 м высотой и около 600 тонн весом⁵⁸. Ни звон тесла, ни стук молота не нарушали священную тишину при строительстве Соломонова Храма, и Ирод также позаботился о том, чтобы все элементы конструкции его Храма были подготовлены вне Иерусалима, а затем тихо установлены на место. Святая Святых была готова через два года, но весь комплекс не дождался окончательного завершения еще и через 80 лет.

Ирод срыл вершину Храмовой горы, чтобы получить ровную площадку, на которой и предстояло воздвигнуться его Храму. При этом, скорее всего, были уничтожены все следы храмов Соломона и Зоровавеля. Не имея возможности расширить площадку на восток, где она круто обрывалась в Кедронскую долину, Ирод продолжил ее на юг, соорудив там субструкции из 88 мощных опор и 12 арок, которые теперь зовутся Соломоновыми конюшнями. В результате площадка Храмовой горы расширилась до гектара с лишним – вдвое больше, чем Римский форум (*Forum Romanum*) в столице империи. И по сей день в южной подпорной стене Храмовой горы, примерно в 30 м от юго-западного угла, виден стык, разделяющий кладку Ирода (слева) и кладку Маккавеев (справа, из блоков меньшей величины).

Анфилада дворов Храма, последовательно уменьшавшихся в размере, вела в святилище. Войти в обширный первый двор – Двор язычников, или Мирской двор, – имел право любой, в том числе и иноверец, а вот Двор женщин окружала стена, на которой были помещены таблички со следующим предупреждением:

Чужестранец!
Не входи за решетку и в пределы ограды, окружающей Храм
Тот, кто будет схвачен,
Сам будет повинен в своей смерти

⁵⁸ Ирод, должно быть, применял новейшие технологии своего времени. Египтяне умели перемещать гигантские каменные блоки, из которых они строили свои пирамиды, по меньшей мере за три тысячи лет до новой эры. Римский инженер Витрувий придумал новые механизмы для транспортировки подобных блоков – огромные колеса, полозья, подъемные устройства. Колесо диаметром свыше четырех метров было насажено на вал, на который наматывался канат, подтягивающий каменный блок на нужное место. Все это устройство поворачивала упряжка волов. А работу ворота – лебедки с коленчатыми рычагами с рукоятками – мог обеспечить десяток рабочих или даже меньше. С помощью таких устройств восемь мужчин способны были поднять на стену блок весом в полторы тонны.

Пятьдесят ступеней вели к воротам, открывавшимся во Двор Израиля, куда могли войти лишь еврей-мужчины. Отсюда можно было пройти во Двор священников, на котором стоял собственно Храм, заключавший в себе в том числе и Святая Святых, что находилась над той самой скалой, где, по преданию, Авраам едва не принес в жертву своего сына Исаака и где впоследствии Давид поставил свой жертвенник. Перед ступенями, ведущими в Храм, стоял Жертвенник Всесожжения, обращенный, таким образом, в сторону Двора женщин и Масличной горы.

Построенная Иродом крепость Антония защищала Храм с северной стороны. Из крепости в Храм вел потайной ход. С южной стороны к Храму можно было подняться по монументальной лестнице, которая приводила к Двойным воротам, а далее паломник шел через крытые переходы, украшенные изображениями голубей и цветов. С запада через долину к Храму был перекинут монументальный мост, служивший также акведуком, по которому вода наполняла огромные подземные цистерны. Ворота в почти отвесной восточной стене назывались Шушан (Сузскими), так как на их бронзовых створках была изображена старая персидская столица Сузы – знак признательности персидскому царю, освободившему народ Израиля от вавилонян. Этими воротами мог пользоваться только первосвященник, чтобы подняться на Масличную гору для обряда освящения месяца или принести редчайшую и самую святую жертву – не имеющую порока рыжую телицу⁵⁹.

Со всех сторон храмовый комплекс окружали портики величественных сооружений, самым прекрасным из которых была Царская стоя – обширная базилика, доминировавшая над всей горой. В Иерусалиме времен Ирода было около 70 тысяч жителей, но в праздники в город стекались сотни тысяч паломников. Как и любой популярной паломнической святыне, Храму было необходимо место для общих собраний, где могли бы встречаться друзья и где совершались бы те или иные ритуалы. Таким местом и служила Царская стоя. Прибывавшие в город паломники могли купить все необходимое на оживленной торговой улице, проходившей под величественными арками вдоль западных стен. Прежде чем войти в Храм, паломники совершали ритуальное омовение в многочисленных *миквах* – бассейнах, устроенных подле южных входов. Затем они поднимались по одному из монументальных пролетов ступеней в Царскую стоя, откуда перед ними открывалась панорама священного города, которой они могли любоваться в ожидании начала молитвы.

В юго-восточном углу стена и утес над Кедронской долиной образовывали отвесный обрыв, гору Искушения (одно из мест, где, согласно Евангелиям, дьявол искушал Иисуса). В юго-западном углу священники, обратившись лицом к богатому Верхнему городу, возвещали о наступлении и окончании праздников и дня субботы, трубя в трубы, звуки которых, вероятно, эхо разносило далеко окрест по пустынным ущельям. Археологами был найден камень с надписью “К трубному месту для... [провозглашения]”, вероятно, сброшенный со своего места легионерами Тита в 70 году.

⁵⁹ “Скажи сынам Израилевым, – говорит Господь Моисею и Аарону в Книге Числа, – пусть приведут тебе рыжую телицу без порока, у которой нет недостатка [и] на которой не было ярма”. Сожжение рыжей телицы надлежало совершать на костре из кедрового дерева с иссопом, бросив на сжигаемую телицу нить из червлёной шерсти, а после обряда следовало смешать ее пепел с освященной водой. Согласно Мишне (основной части Талмуда), этот ритуал совершался всего девять раз – на десятый раз должен явиться Мессия. После Шестидневной войны (1967 г.), в результате которой весь Иерусалим перешел под контроль Израиля, христианские евангелисты-фундаменталисты и мессианские иудеи считают, что два из трех основных условий, необходимых для наступления конца света и пришествия Мессии (или Второго Пришествия, согласно христианской версии), уже соблюдены: Израиль восстановлен и Иерусалим принадлежит евреям. Третье предварительное условие – это восстановление Храма. Некоторые христианские фундаменталисты и крошечные фракции ортодоксальных иудеев, в частности, группа Института Храма, считают, что последнее станет возможным только после того, как Храмовая гора будет очищена обрядом жертвоприношения рыжей телицы. Поэтому уже сегодня раввин Рихман из Института Храма и Клайд Лотт, проповедник-пятидесятник из штата Миссисипи, пытаются вырастить рыжую телицу в стаде из 500 красных ангусов, импортированных из Небраски на одну из ферм в Иорданской долине. Они твердо верят, что им удастся вывести “телицу, которая изменит мир”.

Проект храма, созданный при ближайшем участии самого царя его безымянными архитекторами (был найден лишь один *оссуарий* – погребальная урна – с надписью “Симон, строитель Храма”), демонстрирует прекрасное понимание пространства и законов зрелищности. Ослеплявший своим великолепием и внушавший благоговейный трепет, Храм Ирода, “покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листьями... блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным, как солнечные лучи”. Странникам, прибывавшим в Иерусалим на поклонение со стороны Масличной горы, он “издали казался покрытым снегом”. Именно этот Храм знал Иисус Христос, именно этот Храм разрушил Тит. Площадка, на которой стоял Храм Ирода, сохранилась до наших дней и сегодня, помимо еврейского, имеет еще и арабское, мусульманское название – Харам аш-Шариф, “благородное святилище”. Ее по-прежнему поддерживают с трех сторон каменные блоки подпорных стен Ирода, и сегодня мерцающие своим желтоватым блеском, особенно в Западной стене, почитаемой иудеями всего мира.

Когда святилище и площадь перед ним были закончены (а по преданию, работы не прерывались ни на секунду, так как за все время строительства днем не выпало ни капли дождя), Ирод, который не имел права вступать в Святая Святых, поскольку не был священником, отметил завершение строительства, принес в жертву 300 волов. Это был апогей его царствования, но безраздельному величию царя уже готовились бросить вызов его собственные дети: преступления прошлого вернулись бумерангом, разящим наследников будущего.

Дети Ирода: семейная трагедия

У Ирода было не меньше двенадцати сыновей от десяти жен. И ему, казалось, были безразличны все они, за исключением Александра и Аристобула – двух сыновей от Мариамны Первой. Наполовину Маккавеи, наполовину – потомки Ирода, они должны были стать его наследниками. Ирод отправил их в Рим, где Август лично приглядывал за их образованием и воспитанием. По прошествии пяти лет Ирод вернул обоих царевичей домой – им пора было жениться. Александр справил свадьбу с дочерью царя Каппадокии, а Аристобулу в жены была отдана племянница Ирода⁶⁰.

В 15 году до н. э. в Иерусалим с инспекцией прибыл Марк Агриппа в сопровождении своей жены-нимфоманки Юлии, дочери Августа. Агриппа, соратник Августа и победитель в битве при Акциуме, к тому моменту уже давно сдружился с Иродом, и теперь царь с гордостью показывал римлянину свой Иерусалим. Агриппу поселили в цитадели, во дворце, названном в его честь, и он задавал там пиры в честь Ирода. Август и так уже выделял средства на ежедневные жертвоприношения Яхве в Храме, но Агриппа принес в жертву еще сотню волов. Он вел себя с таким тактом, что даже самые придирчивые иудеи выказывали ему почтение, выстилая пальмовыми ветвями его путь, а сторонники Ирода называли в честь него своих детей. Затем Ирод с Агриппой отправились в путешествие по Греции – каждый в сопровождении собственной флотилии. Когда представители одной из еврейских общин в Греции пожаловались Агриппе на притеснения со стороны греков, Агриппа публично подтвердил права иудеев. Ирод поблагодарил его за это, и они обнялись как равные. Но когда Ирод вернулся домой, ему бросили вызов его собственные сыновья.

⁶⁰ Родословное древо семейства Ирода очень сложно устроено из-за эндогамности этого рода, члены которого постоянно заключали родственные браки, расторгли их и вновь женились на представителях иродиадского и маккавейского домов в попытке примирить эти кланы: Ирод женил своего брата Ферора на сестре Мариамны, а старшего сына – на дочери последнего маккавейского царя Антигона (обезглавленного с его же подачи Марком Антонием). Впрочем, браки эти перемежались с казнями: первые два мужа Саломеи были умерщвлены Иродом. Иродиады также породнились брачными узами с царскими семьями Каппадокии, Эмесы, Понта, Nabatei и Киликии, которые все были римскими союзниками. По крайней мере два брака оказались расторгнуты из-за того, что муж не соглашался принять иудаизм и совершить обрезание.

Царевичи Александр и Аристобул полностью унаследовали взгляды на жизнь и надменность обоих родителей, лишь слегка замаскировав их лоском римского воспитания. Вскоре они обвинили отца в трагической гибели своей матери и, подобно ей в свое время, стали выказывать подчеркнутое презрение полукровкам из дома Ирода. Александр, женатый на дочери настоящего царя, вел себя особенно заносчиво; оба юноши высмеивали иродиадку-жену Аристобула, а это приводило в ярость ее мать – их опасную тетку Саломею. Царевичи бахвалились, что когда они сами станут царями, то заставят Иродовых жен трудиться наравне с рабами, а других сыновей Ирода сделают своими слугами.

Саломея передала это все Ироду. Тот не только пришел в бешенство из-за неблагодарности испорченных мальчишек, но и сильно встревожился, поскольку усмотрел здесь опасность возможного предательства. Он долгое время не обращал ни малейшего внимания на Антипатра, своего старшего сына от первой жены Дорис. Но теперь, в 13 году до н. э., Ирод приблизил его к себе и попросил Агриппу взять Антипатра в Рим, дав сыну с собой запечатанное письмо, адресованное лично императору: это было волеизъявление Ирода, согласно которому он лишал права наследования двух заносчивых юнцов и завещал престол Антипатру. Однако его новый наследник, которому тогда было около 25 лет, был озлоблен многолетним отцовским пренебрежением и снедаем завистью к братьям. Он тайно сговорился со своей матерью извести и уничтожить лишенных наследства братьев. Антипатр и Дорис обвинили Александра и Аристобула в измене.

Ирод попросил Августа, пребывавшего тогда в городе Аквилея на берегу Адриатики, рассудить трех царевичей. Август примирил отца с сыновьями; Ирод отплыл домой и по прибытии в Иерусалим созвал народ во двор Храма и объявил о разделе царства между тремя своими сыновьями после его смерти. Дорис, Антипатр и Саломея попытались использовать это примирение в своих собственных интересах, и самонадеянность их юных врагов была им только на руку. Александр пустил слух, будто бы Ирод красит волосы, чтобы выглядеть моложе, а он сам намеренно промахивается на охоте, чтобы не унижать отца. Он также приблизил к себе трех евнухов царя, и те выдали ему тайны Ирода. Царь арестовал слуг Александра и пытал их до тех пор, пока один не признался в том, что его хозяин замышлял покушение на отца во время охоты. Царь Каппадокии, как раз в это время навещавший в Иерусалиме дочь, смог снова помирить отца и сыновей. Ирод выразил свою признательность в типично иродиадском стиле – подарил свату наложницу по имени Паннихия (“Вся ночь”).

Перемирие длилось недолго: кто-то из истязаемых слуг сообщил о письме Александра к коменданту крепости Александрион, содержавшем следующие строки: “Если мы, с Божьей помощью, совершим все то, что имеем в виду, то мы прибудем к вам”. Из-за этого письма, будто бы доказывавшего, что комендант Александриона намеревался принять его сыновей и выдать им хранившуюся в крепости царскую казну, Ирод совершенно уверился в злодейских планах своих чад. Во сне ему привиделось, будто Александр замахивается на него мечом, и этот ночной кошмар был столь ярким и отчетливым, что царь заключил под стражу обоих сыновей, сознавшихся в том, что они планировали бежать из Иерусалима. Ирод вновь обратился за советом к Августу, однако тот уже слегка устал от непрерывных эксцессов в жизни его старого друга – хотя и сам не понаслышке знал, что такое своенравные дети и распри из-за престолонаследия. Август решил, что если юноши и в самом деле затеяли заговор, у Ирода есть полное право наказать их.

Ирод созвал суд в Бейруте, находившемся за пределами его юрисдикции и потому, вероятно, считавшемся самым подходящим местом для разбирательства. Оба юноши были приговорены к смерти, как того и желал Ирод, и это совсем неудивительно, поскольку перед началом суда царь щедро одарил город. Советники Ирода предлагали царю помиловать сыновей, но когда один из них обмолвился, что юноши пытались взбунтовать армию, Ирод тут же казнил 300 офицеров. Царевичей привезли обратно в Иудею и там задушили. Круг

замкнулся: после трагедии их матери Мариамны вновь исполнилось проклятие Маккавеев. Августу все это совсем не понравилось. Зная, что евреи не едят свинины, он заметил: “Я бы предпочел быть свиньей Ирода, чем его сыном”. Но это было лишь начало падения Ирода Великого.

Царь, гниющий заживо

Царь, разменявший уже шестой десяток, был болен и физически, и психически. Антипатр оставался его официальным наследником, но, кроме него, были и другие сыновья, имевшие право на царство. И Саломея, сестра Ирода, начала плести интригу против Антипатра. Она отыскала некоего слугу, который поклялся, будто тот намеревался отравить Ирода каким-то таинственным ядом. Антипатр, бывший в тот момент в Риме у Августа, поспешил домой, но не успел переговорить с отцом, так как был схвачен в Иерусалиме прямо на пороге дворца. Тем временем злосчастному слуге в ходе следствия дали выпить тот самый подзрительный напиток, и он тут же упал мертвым. Во время пыток других слуг выяснилось и новое обстоятельство: еврейка-рабыня императрицы Ливии, супруги Августа, которая сама была тонким знатоком ядов, подделала письма, чтобы очернить Саломею.

Ирод послал эти свидетельства Августу и написал третье завещание, оставив царство еще одному из своих сыновей – Ироду Антипе, – которого история сведет позже с Иоанном Крестителем и Иисусом Христом. Болезнь Ирода подорвала его способность к адекватному восприятию происходящего и ослабила узду, в которой он удерживал иудейскую оппозицию. На главных воротах Храма он поместил позолоченного бронзового орла – символ Рима. Но иудейский закон воспрещал установление статуй и вообще изображения живых существ, так что некие ученики религиозной школы “отправились к Храму, сорвали на глазах у множества бывшего в Храме народа золотого орла и разрубили его на куски”. Солдаты из крепости Антония вломились в Храм и арестовали юношей. Приведенные к Ироду, который лежал на одре болезни, юноши не признали вины, но, напротив, исповедовали верность Торе. Ирод приказал сжечь бунтовщиков заживо.

Между тем мучительная болезнь Ирода прогрессировала и становилась все более ужасной. Он чувствовал зуд по всему телу и страшное жжение в кишечнике. Он гнил заживо, “ноги его были наполнены водянистой, прозрачной жидкостью; такая же болезнь постигла и низ его живота”. Затем жидкость начала сочиться из его тела, царь едва мог дышать, и мерзкая вонь исходила от него. Его гениталии чудовищно раздулись, а затем в паху у него началась гангрена и вся нижняя часть тела покрылась массой копошащихся червей.

Заживо разлагающийся царь надеялся, что ему полегчает в тепле его иерихонского дворца, но, поскольку страдания с каждым днем усиливались, врачи посоветовали ему лечение в горячих ключах Каллирои, чьи воды и поныне текут в Мертвое море. Там лекарям показалось, будто Ирод поправляется⁶¹. Но когда он сел в ванну с горячим маслом, то чуть не умер.

Царя отвезли обратно в Иерихон, и он приказал вызвать к себе всю знать из Иерусалима. Когда же влиятельные иудеи явились к нему, он приказал запереть всех на иппо-

⁶¹ Врачи до сих пор спорят о симптомах и диагнозе болезни Ирода. Наиболее вероятными представляются артериальная гипертензия и атеросклероз, осложненные прогрессирующей деменцией (слабоумием) и все большей сердечной и почечной недостаточностью. Атеросклероз привел к закупорке сосудов, в результате чего жидкость скопилась в нижних частях тела (особенно в ногах и гениталиях) в таком объеме, что начала просачиваться через кожу. Нарушение кровотока вызвало некроз – гангрену. Зловонное дыхание и зуд можно объяснить почечной недостаточностью. Гангрена полового члена и мошонки была идеальной средой для мух, откладывающих яйца, из которых, в свою очередь, появлялись личинки. Впрочем, возможно, что рассказы о червях в гениталиях были придуманы врагами Ирода, чтобы подчеркнуть, что болезнь жестокосердного царя есть Божье наказание: о многих других великих грешниках, включая Антиоха IV Епифана, внука Ирода Агриппу I и многих других, в том числе Иуду Искарота, рассказывали схожие истории.

дроме. Маловероятно, что он намеревался учинить над ними бойню. Скорее всего Ирод хотел обойти каким-то образом порядок наследования, удерживая всех способных воспрепятствовать ему сановников под стражей.

Примерно в это время на свет появился младенец, которого называли Иешуа бен Иосеф. Его родителями были плотник по имени Иосиф и его жена-подросток Мария (Мариам) из галилейского города Назарет. Они были немногим богаче обычных крестьян, но оба считались потомками царя Давида. Однажды Иосиф и Мария отправились в Вифлеем, где и родился Иешуа (Иисус): “Вождь, Который упасет народ мой, Израиля”. Совершив на восьмой день обряд обрезания, родители, по свидетельству евангелиста Луки, “принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа” и принести полагающуюся в этом случае жертву в Храме. Богатая иудейская семья принесла бы в этом случае агнца или даже вола, Иосиф с Марией могли позволить себе только двух горлиц или двух голубиных птенцов.

Согласно Евангелию от Матфея, лежавший при смерти Ирод проведал, что в Вифлееме родился потомок Давида, но поскольку не знал, как его найти, приказал на всякий случай перебить в Вифлееме всех мальчиков младше двух лет. Однако Иосиф с Марией укрылись в Египте, где и оставались, пока не узнали о смерти Ирода. В то время постоянно появлялись все новые мессианские слухи, и Ирода, вероятно, действительно встревожила бы весть о рождении мальчика из рода Давида – потенциального претендента на трон Иудеи, – но нет никаких исторических свидетельств о том, что Ирод что-то слышал об Иисусе или учинял избиение младенцев. Есть некая историческая ирония в том, что этого чудовищного злодея запомнили именно за то единственно преступление, которого он не совершал. Что же касается мальчика из Назарета, то мы услышим о нем снова лишь примерно через 30 лет.

Архелай: мессии и кровавые бойни

Император Август прислал Ироду свое решение: сам он приказал забить до смерти еврейскую рабыню Ливии, а Ирод волен казнить Антипатра. Но Ирод к этому времени испытывал уже такие муки, что даже порывался заколоть себя кинжалом. Поднявшаяся суматоха заставила Антипатра, темница которого находилась неподалеку от царских покоев, подумать, будто Ирод уже умер. Он позвал тюремщика и велел отпереть замок. Неужели он, Антипатр, наконец – царь иудейский?! Но тюремщик также слышал крики и беготню. Поспешив к царским покоям, он увидел, что Ирод жив, но в состоянии полного помешательства. Слуги только что отобрали у царя кинжал. Тюремщик рассказал Ироду об изменнических словах Антипатра. Царь, уже живой труп, ударил себя кулаком в голову, завыл и приказал стражам немедленно убить ненавистного сына. Затем он продиктовал новое завещание, поделив царство между тремя своими сыновьями-подростками; Иерусалим и Иудею он отдал Архелая.

По прошествии пяти дней, в марте 4 года до н. э., Ирод Великий, процарствовавший 37 лет и переживший “десять тысяч опасностей”, умер. Восемнадцатилетний Архелай плясал, пел и веселился так, будто умер не его отец, а коварный враг. Даже извращенная родня Ирода была шокирована. Тело царя, перевезенное из Иерихона в Иерусалим, положили на парадный золотой катафалк, задрапированный пурпуром. “На голове его покоилась диадема, поверх которой был надет золотой венец, в правой руке находился скипетр”. Возглавлял погребальную процессию Архелай, за катафалком шли германские и фракийские воины, пятьсот слуг несли курильницы с благовониями (от трупа, должно быть, исходило страшное зловоние). Мертвого и уже не страшного царя провезли 24 мили до горной крепости Иродион. Там Ирод и был погребен, и память о его гробнице⁶² была утеряна на две тысячи лет.

⁶² Гробницу Ирода обнаружил в 2007 г. профессор Эхуд Нецер во время раскопок в Иродионе. Красный саркофаг,

Архелай вернулся в Иерусалим, воссел на золотой трон в Храме и объявил, что будет править мягче, чем его жестокий отец. Приближалась Пасха, город был полон паломников, и многие из них, убежденные, что смерть царя возвещает обещанное пророками искупление, впали в Храме в состояние неистовства. Стражей Архелая забросали камнями. Архелай, только что пообещавший ослабление репрессий, выслал конницу, и всадники перебили три тысячи человек.

Новый деспот-подросток поручил государственные дела брату Филиппу, а сам отправился в Рим, к Августу, чтобы император подтвердил его право на престол. Но в то же самое время в Рим спешил и Антипа, младший брат Архелая, также решивший побороться за престол Иудеи. Как только Архелай покинул город, римский чиновник Сабин, местный представитель императора, двинулся на Иерусалим и разорил дворец Ирода, пытаясь найти сокровища, по слухам, спрятанные там, и это вызвало новую волну мятежей. Вар, римский наместник Сирии, попробовал навести порядок, но шайки галилеян и идумеян, пришедших в Иерусалим на праздник Пятидесятницы, захватили Храм и стали убивать всех римлян, которых могли найти. Сабину пришлось укрыться в башне Фазаеля.

За пределами Иерусалима трое мятежников – все трое бывшие рабы – провозгласили себя царями; они жгли дворцы Ирода и разбойничали “с дикой яростью”. Эти самозванные цари к тому же объявили себя пророками, и это лишний раз доказывает, что Иисус родился в эпоху чрезвычайно интенсивных мессианских ожиданий и спекуляций. Иудеи, которые в течение всего правления Ирода напрасно ожидали явления пророка, вдруг обрели сразу троих, однако Вар скоро разгромил и казнил всех трех самозванцев⁶³. Но с этих пор пророки стали объявляться с завидным постоянством, а римляне с тем же постоянством преследовали и убивали их. Вар распыл вокруг городских стен Иерусалима две тысячи мятежников.

Тем временем в Риме шестидесятилетний Август терпеливо выслушивал споры наследников Ирода. Он утвердил завещание их отца, однако не стал объявлять ни того, ни другого царем, а вместо этого назначил Архелая этнархом (наместником) Иудеи, Самарии и Идумеи, Антипу же – тетрархом Галилеи и Перее (часть современной Иордании). Их единокровный брат Филипп стал тетрархом всех остальных Иродовых земель⁶⁴.

При Архелее выстроенные в римском вкусе виллы иерусалимских богачей пользовались чрезвычайно дурной славой. Их обитатели вели распущенный, греческий, совершенно нееврейский образ жизни; они погрязали в пороках и разврате. На серебряном кубке, пролежавшем в земле два тысячелетия, пока в 1911 году его не обнаружил американский коллекционер древностей, подробнейшим образом изображены сцены однополых секса. В одной из них мужчина опускает себя при помощи блока на мальчика-партнера, в то время как раб-

украшенный цветочными мотивами, был разбит на куски – скорее всего, это дело рук участников антиримского восстания 66–70 гг. Два других саркофага, найденные в той же гробнице, высечены из белого камня и также украшены цветочными мотивами. Не предназначались ли они для сыновей царя? Иродион – еще одно чудо строительного искусства эпохи Ирода – представлял собой рукотворную гору диаметром 64 м, с огромным роскошным дворцом на вершине, в ансамбль которого входила купальня под куполом, башни и бассейны. Стены дворца были расписаны фресками. Пирамидальная усыпальница Ирода находилась на склоне горы, ниже восточной башни крепости, также разрушенной повстанцами в 66–70 гг.

⁶³ Одним из этих “царей” был Симон, раб Ирода: римляне вскоре обезглавили его. Некоторые предполагают, что именно об этом Симоне говорится в “Откровении Гавриила” – надписи на камне, найденном в Южной Иордании, в которой архангел Гавриил предсказывает некоему царю, “князю князей”, что тот будет убит, но воскреснет вновь “через три дня”: “Ты узнаешь... зло будет повержено справедливостью. Через три дня ты будешь жить, я, Гавриил, приказываю тебе”. Эти детали – воскресение и суд через три дня после смерти пророка как будто предвосхищают историю Иисуса. После казни Симона Публий Квинтилий Вар стал наместником Германии. Примерно через десять лет, в 9 г. н. э., он был разбит в битве с германцами, потерял три легиона и сам погиб в бою. Это поражение омрачило последние годы правления Августа. По свидетельству Светония, он “не раз бился головой о косяк двери, восклицая: «Квинтилий Вар, верни мои легионы!»”

⁶⁴ Все трое приняли имя Ирод, что иногда вводит в заблуждение читателей Евангелий. Архелай был женат, но влюбился в Глафиру – ту самую дочь каппадокийского царя, которая была замужем за Александром, сыном Ирода и Мариамны. После казни Александра она стала женой царя Юбы Мавретанского, а после смерти последнего возвратилась в Каппадокию и стала, наконец, женой Архелая.

вуайерист подглядывает в приоткрытую дверь; в другой на ложе сплетаются тела двух гибких подростков. К тому же Архелай показал себя таким жестоким, глупым и сумасбродным правителем, что спустя 10 лет старый Август низложил его и сослал в Галлию. Иудея отныне стала одной из римских провинций, которой правили назначавшиеся из Рима прокураторы – чиновники не слишком высокого ранга, имевшие резиденцию в Кесарии Приморской. Именно тогда римляне провели перепись иудейского населения с целью установить точное число налогоплательщиков. Это полное подчинение римской власти было достаточно унижительным, чтобы спровоцировать очередные беспорядки. Евангельская же перепись, ставшая причиной путешествия Иосифа и Марии в Вифлеем, вероятно, упомянута Лукой по ошибке.

Ирод Антипа уже 30 лет правил Галилеей, не в силах забыть о царстве своего отца, которое ему почти удалось унаследовать, когда из пустыни явился Иоанн Креститель, новый харизматический пророк, чтобы обличить правителя и бросить ему вызов.

11. Иисус Христос 10–40 гг. н. э.

Иоанн Креститель и Лисица Галилейская

Родители Иоанна – священник Захария и его жена Елизавета – жили в селении Эйн-Керем, к западу от Иерусалима. Захария был, вероятно, одним из тех скромных священнослужителей, чьи каждодневные обязанности в Храме определялись жеребьевкой. От элиты храма таких клириков отделяла целая пропасть. Зато мальчиком Иоанн, вероятно, часто бывал в Храме. Путей стать праведным иудеем было множество, но он избрал отшельническую жизнь в пустыне во исполнение призыва Исаяи: “Приготовьте пути Господу”.

В конце 20-х годов у Иоанна появились последователи – сначала в пустынях неподалеку от Иерусалима (“народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он”), а затем дальше на север, в Галилее Ирода Антипы, где у Иоанна были родственники. Мария, мать Иисуса, приходилась кузиной матери Иоанна и во время беременности жила у его родителей. Повзрослевший Иисус пришел из Назарета послушать проповедь своего троюродного брата, и Иоанн крестил его в Иордане. Этот новый обряд покаяния и очищения от грехов восходил к иудейской традиции ритуального омовения в микве. Иоанн вскоре начал публично изобличать и осуждать Ирода Антипу.

Тетрарх Галилеи жил в роскоши: его казну исправно пополняли сборщики податей, которых простой народ ненавидел. Антипа постоянно пытался уговорить нового императора Тиберия, угрюмого пасынка Августа, отдать ему в полную власть все царство Ирода. Он назвал свою столицу Ливией в честь вдовы Августа и матери Тиберия, которая не раз выказывала дружеское расположение его семейству. Затем в 18-м году он основал новую столицу на берегу Галилейского озера и назвал ее Тивериадой – в честь самого императора. Иоанн Креститель относился к Антипе как к продажному распутнику и римской марионетке, а Иисус называл его “лисицей”.

Антипа взял в жены дочь набатейского царя Ареты IV: этот брак был призван укрепить мир между соседями – иудеями и арабами. Но просидев 30 лет на скромном троне Галилеи, уже немолодой Антипа без памяти влюбился в свою племянницу Иродиаду. Она была дочерью Аристобула, казненного сына Ирода, и уже побывала замужем за своим единокровным братом. Теперь она требовала от Антипы, чтобы тот развелся со своей арабкой-женой. Антипа опрометчиво согласился. Однако набатейская царица не захотела расстаться с ним мирно. Перед огромными толпами народа Иоанн Креститель уличал в прелюбодеянии Антипу и Иродиаду, этих новоявленных Ахава и Иезавель; разгневанный царь приказал схватить его. Пророка заточили в построенной Иродом Великим крепости Махерон (Махер) за Иорданом, стоявшей на высоте чуть более 700 метров над Мертвым морем. Иоанн томился в мрачной темнице не один: в крепости оказалась еще одна знаменитая пленница – арабская жена Антипы.

По случаю своего дня рождения Антипа устроил для вельмож пышный пир в Махероне, на котором присутствовали также Иродиада и ее дочь Саломея, жена тетрарха Филиппа. (Мозаичные полы трапезной в этой крепости частично сохранились до нашего времени, как и отдельные камеры подземной темницы.) Саломея “вошла, плясала и угодила Ироду”, возможно, исполнив эротический танец семи покровов⁶⁵. Царь сказал ей: “Проси у

⁶⁵ Саломея-танцовщица олицетворяет собой расчетливый каприз и женскую соблазнительность, однако два евангели-

меня все, чего хочешь, и дам тебе”. По наущению матери Саломея попросила голову Иоанна Крестителя. Через некоторое время в трапезной появился оруженосец Антипы с головой Иоанна на блюде “и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей”.

Иисус, сознавая, что ему тоже угрожает опасность, удалился в пустыню. Но он – единственный из основателей трех авраамических религий – постоянно посещал Иерусалим. Город и Храм занимали центральное место в его учении о себе и своей Миссии. Жизнь еврея того времени была основана на учениях пророков, соблюдении Закона и регулярных паломничествах в Иерусалим, который Иисус называл “городом великого Царя”. Хотя нам ничего не известно о первых трех десятилетиях жизни Христа, абсолютно очевидно, что он знал в совершенстве еврейскую Библию и что все, что он делал, было точным исполнением древних пророчеств. Поскольку Иисус был евреем, Храм являлся частью его жизни, и он был просто одержим судьбой Иерусалима. Когда ему было 12 лет, родители взяли его с собой в Храм на Пасху. Когда же, по свидетельству Луки, они по окончании праздника тронулись в обратный путь, Иисус, не сказав им об этом, остался в Иерусалиме. Обеспокоенные родители – они думали, что сын вернется домой с их друзьями, – возвратились в город и “через три дня нашли Его в Храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их”. А когда Иисуса искушал Дьявол, он перенес его в Иерусалим и “поставил Его на крыле Храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз...”.

Когда же Иисус раскрыл свое призвание ученикам, он предрек, что его участь решится именно в Иерусалиме: “С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать... и быть убиту, и в третий день воскреснуть”. Но Иерусалим заплатит за это: “Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его... и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников”.

Вместе с двенадцатью учениками (в том числе со своим братом Иаковом) Иисус вернулся в родную Галилею и, двигаясь на юг, продолжал проповедовать то, что он называл “Благой вестью” в изысканной и вместе с тем доступной манере, часто прибегая к аллегорическому языку притчей. Но его свидетельство было прямым и драматичным: “Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное”. Иисус не оставил записей, и его учение с тех пор бесчисленное число раз анализировалось, но четыре Евангелия подтверждают, что сутью его служения было предупреждение о неотвратимом Апокалипсисе – конце света, последнем Страшном суде и приходе Царствия Небесного.

Это было потрясающее, радикальное учение, и Иисусу предстояло стать его центром в качестве полумессиянского Сына Человеческого, о котором говорили еще Исайя и Даниил: “...пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их”. Христос провидел разрушение всех человеческих связей: “Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их... Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч”.

ста – Марк и Матфей – ни разу не упоминают ее имени. Иосиф Флавий сообщает имя дочери Иродиады в другом контексте: он просто упоминает, что Антипа приказал казнить Иоанна, но не рассказывает ни о каком танце, с которым якобы была связана казнь и который явно был включен в сюжет об Иоанне Крестителе позднее для драматизации действия. В роду Иродиадов было несколько женщин по имени Саломея; наиболее вероятной виновницей гибели Иоанна была жена Ирода Филиппа, тетрарха Трахонитиды. После его смерти вышла замуж за другого своего кузена, впоследствии избранного царем Малой Армении. Так танцовщица стала царицей. Отсеченная глава Иоанна Крестителя (впоследствии разделенная на несколько частей) считается одной из самых почитаемых христианских реликвий. Немало христианских храмов претендуют на то, что в них хранится один из фрагментов святыни. Мусульмане же утверждают, что подлинная глава Иоанна находится в мечети Омейядов в Дамаске.

Это не была социальная или националистическая революция – Иисус более заботился о том, что будет после Страшного суда: он проповедовал истину и справедливость не столько для этого мира, сколько для мира грядущего: “Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное”. Покаявшиеся сборщики податей и блудницы вступят в Царствие Божие прежде вельмож и священников. Иисус шокировал правоверных иудеев, заявив, что прежний Закон уступает место новому: “Предоставьте мертвым погребать своих мертвецов”. Когда наступит конец света, “сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей”, и все народы предстанут пред Ним на суд. И постигнет мука вечная злых, а праведники обретут вечную жизнь.

Однако Иисус в большинстве случаев старался оставаться в рамках иудейского Закона, и все его служение доказывает, что он исполнял библейские пророчества: “Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить”. Однако строгого соблюдения иудейского закона теперь было недостаточно: “...если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное”. Иисус ни разу не сделал выпада в адрес римского императора или хотя бы Ирода. И если в центре его проповеди был Апокалипсис, собственную святость Иисус доказывал делами: исцелял немощных и калек, воскрешал мертвых, и “следовало за Ним множество народа”.

По свидетельству евангелиста Иоанна, до последнего своего входа в Иерусалим Иисус бывал здесь не менее трех раз на Пасху и другие праздники и дважды избегал смерти. Когда он молился в Храме в праздник Кушей, одни, слыша его слова, называли его пророком, другие видели в нем Мессию, хотя некоторые снобы презрительно усмехались: “Разве из Галилеи придет Мессия?” Когда же он спорил с фарисеями, иудеи из толпы “взяли камни, чтобы бросить на Него, но Иисус скрылся и вышел из Храма, пройдя посреди них, и пошел далее”. Он снова пришел в город на праздник Посвящения (Хануки); но когда объявил, что “он и Отец – одно”, иудеи снова начали подбирать камни, но Иисус “уклонился от рук их”. Он знал, на что идет, возвращаясь в Иерусалим.

Между тем в Галилее отвергнутая жена Антипы бежала из темницы в Махероне и явилась ко двору своего отца, Ареты IV, – богатейшего царя набатейцев, строителя величественного храма-мавзолея Эль-Хазне и царской усыпальницы в “розовом городе” Петре. Взбешенный оскорблением, нанесенным его дочери, Арета вторгся во владения Антипы. Сначала Иродиада стала виновницей смерти пророка Иоанна, а теперь – арабо-еврейской войны, которую Антипа в результате проиграл. Римляне предпочитали не вмешиваться в фамильные склоки на Востоке: император Тиберий, живший теперь на острове Капри и пустившийся на старости лет во все тяжкие, был недоволен недалекостью Антипы, но все же поддержал его.

Тем временем до Ирода Антипы наконец дошли слухи об Иисусе. Люди вокруг обсуждали, кто же он такой на самом деле. Одни принимали его “за Иоанна Крестителя, другие же – за Илию, а иные – за одного из пророков”. А Петр, ученик Иисуса, верил, что Иисус – Мессия. Иисус был особенно популярен среди женщин, и некоторые из них имели отношение к дому Ирода – например, жена бывшего царского мажордома. Антипа подозревал, что Иисус как-то связан с Иоанном: “Это Иоанн, которого я обезглавил, он воскрес из мертвых”. Царь грозился схватить Иисуса, но некоторые фарисеи, видимо, доброжелательно относившиеся к Иисусу, предупредили его: “Выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить Тебя”.

В свою очередь, Иисус бросил прямой вызов Антипе, прося фарисеев передать “этой лисице”, что он будет исцелять и проповедовать еще два дня, а на третий день удалится в то единственное место, где Сыну Человеческому суждено исполнить Свое предназначение: “...потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима”. Его возвышенное поэтическое обращение к сыну строителя Храма проникнуто любовью к обреченному городу: “Иерусалим! Иерусалим! Избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько

раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели. Се, оставляется дом ваш пуст!”

Иисус из Назарета: три дня в Иерусалиме

На Пасху 33-го года⁶⁶ Иисус и Ирод Антипа прибыли в Иерусалим почти одновременно. Иисус в сопровождении своих последователей пришел в Вифанию на Масличной горе, с которой открывался величественный вид на белоснежный Храм. Он послал апостолов в город, чтобы они привели ему осла – не одного из наших скромных осликов, а животное, которое в те времена считалось вполне достойным первосвященника. Евангелия, наш единственный источник, предлагают несколько версий того, что происходило в последующие три дня. “Сие же все было, да сбудутся писания пророков”, – поясняет Матфей.

Согласно предсказаниям пророков, Мессия должен был въехать в город на осле, и его последователи бросали перед ним на дорогу пальмовые ветви и славили его как сына Давида и царя Израиля. Скорее всего, Иисус въехал в Иерусалим, как и большинство паломников, через южные ворота близ Силоамской купели, а затем поднялся к Храму по величественной лестнице – так называемой Арке Робинсона в юго-западном углу Храмовой горы. Его ученики, провинциалы из Галилеи, прежде никогда не бывавшие в Иерусалиме, были поражены величием Храма. Один из них сказал: “Учитель! Посмотри, какие камни и какие здания!” Иисус, не раз видевший Храм, ответил: “Видишь сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется камня на камне”.

Иисус не раз выражал и любовь к Иерусалиму, и разочарование в нем, но в любом случае предвидел и новую “мерзость запустения”. Некоторые историки считают, что эти пророчества были добавлены в текст позднее, поскольку часть Евангелий написана уже после того, как Тит разрушил Храм. Однако Иерусалим уже не раз подвергался прежде разрушению и отстраивался заново, и слова Иисуса отражают “антихрамовые” настроения, которые тоже были сильны среди части иудеев той эпохи⁶⁷. “Я разрушу Храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный”, говорил он, вторя пророку Исае. Оба они провидели за реальным городом Небесный Иерусалим. И все же Иисус обещал восстановить Храм через три дня, показывая тем самым, что обличает он не сам Дом Божий, а порок и разложение, воцарившиеся в нем.

⁶⁶ Никто не знает точно, когда именно Иисус пришел в Иерусалим. Лука начинает рассказ о служении Христа с момента Его крещения Иоанном (то есть ок. 28–29 гг.), сообщая, что Ему было тогда около тридцати лет, а значит, смерть Он принял между 29 и, скажем, 31 гг. Иоанн говорит, что служение Его длилось год. Матфей, Марк и Лука утверждают, что три. Возможно, Иисус был казнен в 30, 33 или 36 гг. По крайней мере, мы знаем, что Иисус пришел в Иерусалим на Пасху после того, как в город прибыл новый прокуратор Понтий Пилат (26 г.), и до его отъезда оттуда (36 г.), в годы правления императора Тиберия (ум. 37 г.) и царя Ирода Антипы (до 39 г.), в первосвященство Каиафы (18–36 гг.). То есть вероятнее всего, опять же, – между 29 и 33 гг.

⁶⁷ Таковы, в частности, были настроения ессеев, бывших, вероятно, одним из подвидов ортодоксальных иудеев, изначально поддерживавших Маккавеев. Согласно Иосифу Флавию, в I в. до н. э. ессеи были одной из трех главных “школ” в иудаизме (остальные две – фарисеи и саддукеи). Более подробно мы знаем о ессеях из свитков, которые были найдены в пещерах Кумрана близ Мертвого моря в 1947–1956 гг. и содержат в том числе древнейшие еврейские версии некоторых ветхозаветных книг. Христиане и иудеи и поныне продолжают дискутировать о сходствах и различиях Септуагинты (греческого “перевода семидесяти толковников”, выполненного с не дошедшего до нас ивритского оригинала Танаха и ставшего основой христианского Ветхого Завета) с самым древним сохранившимся ивритским списком Танаха – Масоретской Библией (VII–X вв. н. э.). Кумранские свитки обнаруживают некоторые различия, но подтверждают, что версия масоретов (иудейских книжников) отличается исключительной точностью. Вместе с тем они доказывают, что во времена Иисуса в иудейской среде циркулировало множество версий библейских текстов. Ессеи развивали эсхатологические идеи Иеремии и Даниила и рассматривали мир как арену борьбы между Добром и злом, которая должна закончиться Последней битвой и Страшным судом. Их вождем был мистический Учитель Справедливости, а врагом – Нечестивый Священник, один из Маккавеев. Ессеи фигурируют во многих невероятных теориях об истоках христианства.

Днем Иисус учил и исцелял больных в купальне Вифезда к северу от Храма и у Сило-амской купели к югу от него. Здесь собралось множество паломников, чтобы совершить ритуальное омовение перед вступлением в Храм. Ночью же он возвращался в дом своих друзей в Вифании. Утром в понедельник Иисус снова пришел в город и на этот раз приблизился к Царской стое Храма.

На Пасху Иерусалим, наводненный множеством паломников, был довольно опасен. Сила была за тем, кто имел деньги, чин и связи с влиятельными римлянами. Но евреи не разделяли присущее римлянам уважение к военным заслугам или богатству. Источником престижа для них были родственные связи (сановники Храма и многочисленные князья дома Ирода), ученость (учительствующие фарисеи), но более всего – божественное одухотворение. В Верхнем городе, отделенном долиной от Храма, вельможи жили в роскошных особняках, сочетавших греко-римский стиль с особенностями еврейского быта: в так называемых “Палатах придворного”, обнаруженных там археологами, были просторные приемные залы и миквы. В этом же районе стояли дворцы Антипы и первосвященника Иосифа Каиафы. Но настоящей властью в Иерусалиме обладал прокуратор Понтий Пилат, управлявший иудейской провинцией из Кесарии Приморской, но всегда приезжавший в Иерусалим на Пасху и останавливавшийся в крепости Ирода.

Антипа отнюдь не был единственным царственным евреем в Иерусалиме. Елена, царица Адиабены, маленького государства на территории современного Северного Ирака⁶⁸, обратилась в иудаизм и поселилась в Иерусалиме, где провела вторую половину своей жизни. Елена построила дворец в Городе Давида, пожертвовала в Храм золотой светильник, который водрузили на врата святилища, а во время неурожая закупала для голодающих зерно в Египте и финики на Кипре. Царица Елена, скорее всего, тоже была на Пасху в городе; и скорее всего, на праздник она надевала украшение, недавно найденное археологами в Иерусалиме: крупную жемчужину, оправленную в золото, с двумя изумрудными подвесками. Иосиф Флавий утверждает, что на Пасху в тот год пришло в Иерусалим 2,5 миллиона паломников. Это явное преувеличение, но в городе действительно собрались евреи “из всех царств”, от Парфии и Вавилонии до Крита и Ливии. Подобное скопление народа ныне можно наблюдать разве что в Мекке во время хаджа. По иудейской традиции, каждая семья на Пасху приносила в жертву агнца: город был запружен блеющими барашками, в жертву было принесено 255 600 животных. Повсюду царило оживление: паломникам надлежало совершать омовение в микве всякий раз, когда они направлялись в Храм; жертвенные агнцы продавались у Царской стои. Не каждый мог найти себе ночлег в городе. Тысячи паломников, в том числе Иисус, ночевали в окрестных селениях или прямо под городскими стенами. В воздухе витал запах горящего мяса и пьянящий аромат курений, звуки труб возвещали время молитв и жертвоприношений. Внимание всех и каждого было приковано к Храму, и за всем происходящим в городе настороженно наблюдали римские солдаты со стен крепости Антония.

Иисус прошел в портик Царской стои – гудящий, красочный, многолюдный центр пасхального Иерусалима, где паломники собирались, чтобы организовать ночлег, пообщаться со знакомыми и обменять деньги на тирское серебро, за которое продавались жертвенные барашки, голуби или волы. Не собственно Храм, не один из его внутренних дворов – именно Царская стоя была самым доступным публичным пространством во всем храмовом ком-

⁶⁸ Адиабена оставалась иудейской все следующее столетие. Царица Елена и ее сыновья были похоронены под тремя пирамидальными гробницами у самой черты Старого города; монумент царицы сохранился до наших дней: он находится севернее Дамасских ворот на Шхемском бульваре (*Derech Shchem*), на котором стоит отель “Американская колония”. В XIX в. один французский археолог вскрыл захоронение и объявил, что гробница принадлежит царю Давиду. Адиабена не была единственной еврейской вотчиной в этом регионе: двое иудейских повстанцев, Асинай и Анилай, боровшиеся против власти Парфии, основали независимое еврейское государство в Вавилонии; оно просуществовало около 15 лет.

плексе, одновременно форумом и торговой площадью. Иисус резко осудил порядки, установившиеся в Храме: “Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей?” Он опрокинул столы менял, цитируя и развивая пророчества Иеремии, Захарии и Исайи. Его обличения привлекли внимание, впрочем, недостаточное, чтобы стать поводом для вмешательства храмовых стражей или римских солдат.

Проведя еще одну ночь в Вифании, Иисус вернулся в Храм⁶⁹ на следующее утро и вступил в полемику со своими критиками. Евангелисты называют фарисеев “врагами Иисуса”, но это скорее отражает ситуацию, сложившуюся во второй половине I века, когда они писали свои книги. На самом деле фарисеи были по-настоящему благочестивой и к тому же очень близкой к народу религиозной группой, и некоторые их идеи вполне могли совпадать с учением Иисуса. Его истинным врагом была храмовая аристократия. Иродиане, одна из храмовых партий, сторонники независимости от Рима, провоцировали его вопросами, стоит ли платить римские налоги. Иисус ответил: “Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу”.

Но затем он предостерег воодушевленную толпу проповедью о неизбежном апокалипсисе, который, разумеется, должен начаться именно в Иерусалиме. Хотя у иудеев были различные взгляды на пришествие Мессии, большинство соглашались, что Господь придет, чтобы совершить Свой Суд над миром, и за этим последует создание царства Мессии со столицей в Иерусалиме. “Вострубите на Сионе трубою знамения святых! – призывала Соломонова Псалтирь, написанная вскоре после распятия Иисуса. – Возгласите в Иерусалиме глас благовествующего! Ибо смилостивился Бог над Израилем”. Поэтому последователи Иисуса спросили его: “Скажи нам, когда это будет? И какой признак Твоего пришествия и кончины века?” “Бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет”, – ответил он, однако вкратце описал грядущий апокалипсис: – “Восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам, [прежде чем увидят они] Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою”.

“Подстрекательские” речи Иисуса, видимо, серьезно встревожили римского прокуратора и высших священников, которым, говорил он, не следовало ждать милости на Страшном суде: “Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геенну?”

В Иерусалиме в дни празднования Пасхи всегда была напряженная атмосфера, но в тот год власти пребывали в еще более нервном состоянии, чем обычно. У Марка и Луки есть часто не замечаемые строки о неких беспорядках, устроенных галилеянами в Иерусалиме. Мятеж был подавлен Пилатом, казнившим 18 мятежников у “башни Силоамской”, то есть к югу от Храма. Один из уцелевших бунтовщиков, Варавва, с которым Иисус вскоре встретится, и несколько его сообщников “во время мятежа сделали убийство”. Первосвященники решили не рисковать и не попустительствовать еще одному галилеянину, предсказывавшему их гибель в неминуемом апокалипсисе: Каиафа и Анна, влиятельный отставной первосвященник, стали обсуждать, как им поступить. Лучше, говорит Каиафа в Евангелии от Иоанна, “чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб”. И два священника составили свой план.

⁶⁹ Традиционно считается, что Иисус взшел на Храмовую гору через Золотые ворота (тем более что и у еврейских, и у христианских, и у мусульманских мистиков Мессия должен вступить в Иерусалим именно через них). Однако это вряд ли возможно: Золотые ворота будут сооружены только через 500–600 лет после его входа в Иерусалим. Расположенные по соседству ворота Шушан (Сузские) были закрыты для прохода обычных посетителей (под ними имел право проходить только первосвященник) и открывались в крайне редких случаях. К тому же часть исследователей считает, что Золотые и Сузские ворота – это одно и то же. Согласно еще одной (христианской) версии, Иисус вошел через Прекрасные (Роскошные) ворота, которые ассоциируются с ныне существующими Цепными воротами (Баб аль-Сильсия) на западе Храмовой горы. Это более вероятно. У Прекрасных ворот апостолы Петр и Иоанн творили чудеса после смерти Иисуса. Возможно, кстати, что эпитет “золотые” (лат. *Aurea*) – это просто искажение греческого слова “прекрасные” (*Oreia*). История священного Иерусалима полна подобных нестыковок, однако множество преданий, связанных с одним и тем же местом, лишь усиливают его святость.

На следующий день Иисус готовился к Пасхе в горнице Тайной вечери (Сионской горнице). На трапезе Иисус уже знал, что один из апостолов, Иуда Искарот, предал его за 30 сребреников. Но Иисус не изменил свое намерение отправиться в умиротворяющие оливковые кущи Гефсиманского сада, раскинувшегося на противоположном склоне Кедронской долины. Иуда незаметно скрылся. Нельзя сказать наверняка, предал ли он Иисуса из идейных соображений – за то, что тот был слишком радикален или, наоборот, недостаточно радикален, – либо из алчности или из зависти.

Вскоре Иуда возвратился с отрядом младших священников, храмовых стражей и римских легионеров. Иисуса трудно было опознать в темноте, поэтому Иуда выдал его поцелуем и получил за свое предательство серебро. В свете факелов разыгралась настоящая драма: апостолы обнажили мечи, Петр отсек ухо одному из служек первосвященника, а некий юноша нагим бежал в ночь, оставив одежду в руках преследователей, – деталь столь неожиданная, что кажется очень правдоподобной. Иисус был арестован, а апостолы разбежались, за исключением двух, которые на расстоянии последовали за стражниками, уводящими Иисуса.

Была уже почти полночь. Римские солдаты провели Иисуса вдоль южной стены, через Силоамские ворота, во дворец “серого кардинала” Анны в Верхнем городе⁷⁰. Анна обладал огромной властью в Иерусалиме и был воплощением жесткого, неподатливого, кровосмесительного клана храмовой аристократии. Сам бывший первосвященник, он был тестем первосвященника Каиафы, и не менее пяти его сыновей также могли со временем рассчитывать на этот сан. Но большинство иудеев презирали и Анну, и Каиафу как продажных, корыстных коллаборационистов, чьи слуги, как жалуется один иудейский текст, “били нас палками”. Правосудие в их представлении было всего лишь одним из циничных инструментов наживы. Однако Иисус снискал заслуженную славу, в том числе даже среди членов Синедриона. Суд над этим популярным в народе проповедником следовало вершить скрытно, под покровом ночи.

После полуночи, когда стражники развели во дворе костер (и ученик Иисуса Петр трижды отрекся от Учителя), Анна и его зять собрали лояльных им членов Синедриона – не всех, поскольку по крайней мере один из них, Иосиф Аримафейский, почитал Иисуса и никогда не согласился бы на его арест. Первосвященники учинили Иисусу перекрестный допрос: угрожал ли он разрушить Храм и построить новый через три дня? Называл ли себя Мессией – Христом, Сыном Божьим? Иисус молчал, но в конце концов произнес: “...узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных”. “Он богохульствует!” – воскликнул Каиафа. “Повинен смерти”, – откликнулась толпа, собравшаяся вокруг Синедриона, невзирая на поздний час. Иисусу завязали глаза, и он провел ночь, подвергаясь издевательствам толпы, во дворе до рассвета, когда участь его должна была решиться окончательно. Пилат ждал.

⁷⁰ Каждому эпизоду этой истории было присвоено определенное место в Иерусалиме, однако многие из этих мест, вероятно, локализованы ошибочно. Сионская горница традиционно считается домом Тайной вечери, но скорее всего трапеза Христа и апостолов на самом деле состоялась в одном из куда более скромных домиков у Силоамского пруда, тем более что Марк упоминает “человека, несущего кувшин воды”. Традиция почитания Сионской горницы сформировалась позднее, в V в., и окончательно укрепилась во времена крестоносцев. Еще более старая традиция утверждает, что именно в Сионской горнице Святой Дух сошел на апостолов в пятидесятый день после Воскресения; то есть это, безусловно, одна из самых древних христианских святынь. Святость ее почиталась столь бесспорной, что Сионскую горницу позже чтили не только христиане, но и мусульмане и даже евреи. Зато традиционная локализация дома священника Анны – у церкви Св. Архангелов в Армянском квартале, – похоже, исторически достоверна. В Иерусалиме был также найден камень с надписью на арамейском языке “принадлежит дому Каиафы”, а в 1990 г. строители обнаружили запечатанный ковчег с погребальными урнами, на одной из которых стояло: “Иосиф, сын Каиафы”. Возможно, в этом оссуарии действительно были похоронены кости сына евангельского первосвященника. Местоположение Гефсиманского сада с его древними оливами также, вероятно, исторически достоверно.

Понтий Пилат: суд над Иисусом

Римский прокуратор, окруженный телохранителями, вершил суд на глазах многочисленной толпы на возвышении перед Преторией – своей иерусалимской штаб-квартирой, находившейся близ современных Яффских ворот и рядом с цитаделью Ирода. Понтий Пилат был напористым и бестактным солдафоном, который совершенно ничего не понимал в делах Иудеи. Он уже успел навлечь на себя ненависть горожан, уличавших его во “взятках, оскорблениях, лихоимстве, бесчинствах, злобе, непрерывных казнях без суда, ужасной и бессмысленной жестокости”. Даже один из царевичей дома Ирода называл его человеком “мстительным с гневливым характером”.

Он уже вызвал возмущение евреев, когда приказал своим войскам “для надругательства над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на знаменах”. Для евреев это было оскорблением, поскольку их закон воспрещал любые изображения. Ирод Антипа возглавил делегацию к Пилату с требованием убрать знамена. Всегда “несговорчивый и жестокий”, Пилат отказался. Когда же иудеи начали протестовать все вместе, он повелел солдатам окружить их. Члены делегации легли на землю и обнажили шеи, готовые умереть, но не допустить попрания закона. Изумившись “их стойкости в соблюдении законов”, Пилат приказал убрать знамена. А незадолго до описываемых событий Пилат казнил галилейских мятежников, “кровь которых Пилат смешал с кровью их жертв”.

“Ты Царь Иудейский?” – спросил Пилат Иисуса. Вопрос не был случайным: когда Иисус входил в Иерусалим, народ называл его царем. Иисус же “...сказал ему в ответ: ты говоришь”. И больше ничего не добавил. Однако Пилат знал, что Иисус был родом из Галилеи, то есть из юрисдикции Ирода Антипы. И в знак уважения к правителю Галилеи, который давно проявлял к Иисусу особый интерес, прокуратор отправил пленника к Ироду. До дворца Антипы от Претории было совсем недалеко. По свидетельству Луки, Ирод, “увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал” встретиться с “преемником” Иоанна Крестителя и “надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо”. Однако Иисус не сказал ни единого слова “лисице” Ироду, виновному в убийстве Иоанна Предтечи.

Антипа издевался над Иисусом, предлагая ему показать “свои трюки”, облачил его в царскую одежду и глумливо обращался к нему “царь”. Едва ли тетрарх думал спасти последователя Иоанна Крестителя от смерти – он лишь использовал возможность расспросить его. Пилат и Антипа, долгое время враждовавшие, теперь сделали “друзьями между собою”. И все же Иисус был прежде всего проблемой римских властей. Ирод Антипа отослал его обратно в Преторию. Там Пилат снова допрашивал Иисуса, двух разбойников и Варавву, который, согласно Марку, “был в узах” за то, что со своими сообщниками “во время мятежа совершил убийство”. Это свидетельство евангелиста позволяет предположить, что некоторых мятежников, в числе которых, по-видимому, были и два разбойника, судили вместе с Иисусом.

Пилат, “желая сделать угодное народу”, предложил освободить одного из пленников. Некоторые в толпе заступились за Варавву. Согласно Евангелиям, Варавва был отпущен. Эта история звучит не вполне правдоподобно: римляне обычно казнили мятежников, совершивших убийства. Иисус же был осужден на распятие, после чего Пилат, по свидетельству Матфея, “взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего”. “И отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших”.

Лишенный сентиментальности, решительный и жестокий Пилат никогда прежде не испытывал потребности умыть руки после вынесенного им смертного приговора. Во время прошлых беспорядков он однажды приказал солдатам, переодетым в гражданское платье, смешаться с толпой мирно настроенных евреев. По его сигналу они внезапно выхватили

мечи и перебили множество ни в чем не повинных людей. Теперь же, после только что подавленного мятежа Вараввы, Пилат явно опасался пришествия новых “царей” и “пророков”, наводнивших Иудею после смерти Ирода Великого. Иносказательные притчи Иисуса будоражили умы людей, и он был очень популярен в народе. Даже спустя много лет фарисей Иосиф Флавий называл Иисуса мудрым учителем.

Таким образом, евангельская версия осуждения Иисуса кажется сомнительной. Евангелисты говорят, будто священники указывали, что они не имеют полномочий выносить смертные приговоры, но это далеко не очевидно. Первосвященник, пишет Иосиф Флавий, “выносит решение в случае спора, наказывает тех, кто изобличен в преступлении”. Евангелия, часть которых была написана уже после разрушения Храма в 70 году, возлагают вину за приговор на иудеев и чуть ли не оправдывают Пилата. Однако обвинения, выдвинутые против Иисуса, и сама его казнь показывают вполне определенно: этот суд был не менее выгоден римлянам и по самому исполнению был римским.

Иисус, как большинство приговоренных к распятию, был подвергнут бичеванию кожаной плетью с вплетенными в нее костяными или металлическими шипами. Это было мучение столь страшное, что осужденные часто не доживали до казни. С табличкой на шее “Сей есть царь Иудейский”, заготовленной римскими солдатами, многие из которых были сирийско-греческими наемниками, истекающего кровью Иисуса вывели на улицу, вероятно, поутру 14-го дня месяца нисан, то есть в пятницу, 3 апреля 33 года. Как и двое других осужденных, он должен был сам нести *patibulum*, поперечину креста, на котором его распнут. Его приверженцы убедили некоего Симона из Кирены помочь нести тяжелый брус, а женщины в толпе горько плакали. “Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших”, потому что неизбежна гибель Иерусалима: “приходят дни”.

Иисус в последний раз вышел из Иерусалима через Геннафские (Садовые) ворота и, пройдя сады среди скал и высеченные в склонах гробницы, приблизился к месту казни, которое называлось Лобным – Голгофой⁷¹.

Иисус Христос: страсти

Враги и друзья Иисуса устремились вслед за ним в предместье: воочию наблюдать расправу во всех ее жутких подробностях – это зрелище всегда завораживало толпу. Солнце уже поднялось, когда Иисус приблизился к месту казни, где были вкопаны вертикальные столбы: они уже использовались для других казней и будут использоваться впредь. Солдаты предложили приговоренным традиционный напиток – вино со смирной – для укрепления духа, но Иисус отказался. Затем его пригвоздили к перекладине и подняли на столб.

Казнь через распятие, по свидетельству Иосифа Флавия, была “самой мучительной из смертей”⁷² и к тому же призванной унижить осужденного. Не случайно Пилат приказал при-

⁷¹ Это совершенно не тот маршрут, который сегодня считается Крестным путем (*Via Dolorosa* – Скорбный путь). Геннафские ворота, которые упоминает Иосиф Флавий, были идентифицированы израильским археологом Нахманом Авигадом в северной части Еврейского квартала, в одной из секций Первой стены. В Средние века христианские паломники ошибочно полагали, что крепость Антония и Претория, перед которой Пилат вершил суд, суть одно и то же. Традиция прохождения Крестного пути, который ведет от Антонии к храму Гроба (и затем внутрь него) и на протяжении которого размечено несколько “станций” (остановок для молебна), утвердилась стараниями средневековых францисканских монахов, однако этот маршрут исторически недостоверен. Более вероятно, что Иисуса вели на казнь по другой дороге.

⁷² В 74 г. до н. э. молодой Юлий Цезарь был захвачен пиратами. После того как за него заплатили выкуп и он был освобожден, Цезарь вернулся с карательной экспедицией, пленил пиратов и распял их. Однако, в благодарность за то, что они в свое время вежливо обращались с пленником, он проявил максимально возможное в данных обстоятельствах милосердие – приказал перерезать им глотки до распятия. Вообще же этот вид казни с древних времен практиковался на Востоке (Дарий Великий распинал вавилонских мятежников), а потом был усвоен греками и другими народами Средиземноморья:

бить дощечку с надписью “Сей есть царь Иудейский” к кресту Иисуса. Преданных распятию обычно привязывали или пригвождали к кресту. Искусство палача заключалось в том, чтобы не допустить слишком быстрой смерти осужденного от потери крови. Гвозди обычно забивали не в ладони, а в предплечья и локти: в одной из гробниц на севере Иерусалима был найден скелет некоего распятого еврея, из локтевого сустава которого по-прежнему торчал железный гвоздь в 4,5 дюйма длиной. Гвозди, использовавшиеся при распятии, принято было носить потом на шее как амулеты. И иудеи, и язычники верили, что это предохраняет от болезней. Распинали осужденных, как правило, нагими: мужчин – лицом к зрителям, женщин – спиной.

Палачи были мастерами своего дела: они одинаково искусно умели как продлевать, так и прекращать агонию жертвы. В случае с Иисусом задача, видимо, заключалась в том, чтобы не дать ему умереть слишком быстро и в полной мере продемонстрировать зрителям тщетность попыток противостоять римскому могуществу. Вероятнее всего, Иисус был пригвожден к кресту с раскинутыми в сторону руками, как это и изображается в христианском искусстве. Тело поддерживал под ягодицами вбитый в крест небольшой деревянный клин (*sedile*), еще одна поперечная рейка (*suppedaneum*) служила опорой для ступней. Такое положение гарантировало, что осужденный будет мучиться много часов, а то и несколько дней. Смерть наступала гораздо быстрее, когда под ногами жертвы не было упора. В этом случае тело обвисало на руках, и жертва задыхалась от отека легких в течение десяти минут.

Шли часы; враги Иисуса глумились над ним, проходящие злословили. Мария Магдалина была у креста вместе с его матерью и неназванным “учеником, которого любил Иисус” (в другом месте Евангелия мы узнаем, что это был Иоанн). Иосиф Аримафейский также был тут. Дневная жара становилась невыносимой. “Пить”, – попросил Иисус. Римские солдаты смочили губку в уксусе с иссопом и поднесли к его губам на длинном шесте. Иногда Иисус, казалось, впадал в отчаяние: “Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты меня оставил?” – воскликнул он, повторяя строки из 22 псалма. Но что же он имел в виду? Действительно ли он ожидал, что небеса разверзнутся и наступит конец света?

Чувствуя, что слабеет, он посмотрел на Марию. “Се, сын Твой!” – сказал он, указав на любимого ученика, и попросил его позаботиться о ней. К тому времени толпа, вероятно, начала расходиться. Надвигалась темнота.

Смерть на кресте была медленной смертью сразу от многих причин – от теплового удара, голода, удушья, болевого шока и жажды, а Иисус, вероятно, все еще истекал кровью после бичевания. Внезапно он испустил вздох, “сказал: совершилось! И, преклонив голову”, потерял сознание. Учитывая напряженную обстановку в Иерусалиме, приближение субботы и Пасхи, Пилат, по-видимому, приказал палачам ускорить смерть осужденных. Воины перебили голени у двух разбойников, чтобы те истекли кровью, но когда они подошли к Иисусу, им показалось, что он уже мертв. Тогда “один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода”. Возможно, именно удар копьем и стал причиной смерти.

Иосиф из Аримафеи поспешил в Преторию, чтобы попросить у Пилата разрешения снять тело с креста и похоронить. Обычно тела распятых оставляли разлагаться на крестах, где они часто становились добычей стервятников. Однако, согласно иудейскому обычаю, хоронить следует по возможности в день смерти (к тому же наступала суббота, а в субботу хоронить нельзя). Пилат согласился.

Александр Македонский распял жителей Тира; Антиох Епифан и иудейский царь Александр Яннай распинали мятежных иерусалимлян, карфагеняне приговаривали к распятию ослушавшихся приказа военачальников. В 71 г. до н. э., когда римлянам удалось наконец подавить восстание Спартака, были распяты многие тысячи рабов. Согласно устоявшейся традиции, дерево для креста Христова было срублено на месте, где теперь стоит основанный в XI в. укрепленный монастырь Св. Креста (это совсем недалеко от здания Кнессета, израильского парламента). Монастырь долгое время был подворьем Грузинской Православной Церкви в Иерусалиме.

В то время евреи не копали своим покойникам могилы, а заворачивали их в саван и клали в гробницы, заранее высеченные в скале. Через несколько дней родственники обязательно навещали гробницу, дабы удостовериться, что не ошиблись и не приняли кому за смерть: редко, но все же случалось, что “мертвец” пробуждался на следующий день после погребения. Затем тело оставляли на год, чтобы оно разложилось, после этого кости помещали в специальный сосуд – оссуарий, – который снова замуровывали в скале. На оссуарии часто писали имя покойного.

Иосиф Аримафейский с помощью родных и учеников Иисуса снял тело с креста. В саду поблизости была уже найдена свободная гробница. Прежде чем положить Иисуса во гроб, они умастили его тело дорогими благовониями и завернули в плащаницу, похожую на ту плащаницу I века н. э., которая была найдена в одной из гробниц к югу от городских стен, на Земле горшечника (но не похожую на плащаницу, получившую название Туринской и предположительно датирующуюся 1260–1390 годами). Похоже, существующий сегодня храм Гроба Господня, в пределах которого находится и место распятия, и место погребения Иисуса, действительно стоит на том месте, где происходили эти события, поскольку местные христиане хранили эту традицию в течение трех последующих столетий – до сооружения на этом месте первой церкви Воскресения.

Пилат выставил стражу у гроба Иисуса по просьбе Каиафы: “Прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых”.

До этого момента история Страстей Христовых основывается на единственном нашем источнике – Евангелии, но никакой особой веры не требуется, чтобы поверить в эту историю жизни и смерти одного из еврейских пророков и чудотворцев. Как бы там ни было, через три дня после распятия, воскресным утром, рассказывает Лука, несколько женщин – родственниц и последовательниц Иисуса (в том числе его мать и Иоанна – та самая жена царского мажордома) – пришли ко гробу, “но нашли камень отваленным от гроба. И войдя, не нашли тело Господа Иисуса. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе... сказали им: что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес”. Испуганные ученики всю пасхальную неделю скрывались на Масличной горе, но Иисус несколько раз явился им и своей матери со словами: “Не бойтесь”. Когда же апостол Фома усомнился в том, что Иисус в самом деле воскрес, Иисус показал ему раны у себя на руках и в боку. А через сорок дней Он вознесся на небеса с Масличной горы. Это воскресение, обратившее позорную смерть на кресте в преображающий триумф жизни над смертью, – ключевой догмат христианского вероучения, который празднуется в Пасхальное воскресенье.

Те же, кто этой веры не разделяет, не имеют возможности проверить достоверность всех этих событий. Матфей передает альтернативную версию событий, которая, по его словам, бытовала “между иудеями до сего дня”: первосвященники, прознав о том, что гроб найден пустым, немедленно дали денег стражам и велели им рассказывать всем, что “ученики Его, придя ночью, украли Его”, пока стражники спали.

Археологи склонны верить, что родственники и друзья Иисуса просто перенесли его тело и похоронили в какой-нибудь другой скальной гробнице где-то в окрестностях Иерусалима. В некоторых таких гробницах были обнаружены оссуарии с надписями “Иаков, брат Иисуса” и даже “Иисус, сын Иосифа”. Эти открытия в свое время были на первых полосах газет, и хотя некоторые находки впоследствии были признаны подделками, большинство их действительно относятся к I веку. Однако имена, написанные на них – типичные еврейские имена, никак не указывающие на какую-либо связь с Иисусом⁷³.

⁷³ “Евангелие от Петра” – гностический кодекс II или III в., обнаруженный в XIX в. в Египте, – содержит загадочный

Иерусалим праздновал Пасху. Иуда инвестировал свои сребреники в недвижимость: купил на них участок под названием Земля горшечника, расположенный к югу от города, на противоположной стороне долины Енном (Геенны): “Приобрел землю несправедною мздою, и когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его”⁷⁴. Когда апостолы вышли из укрытия и встретились на Пятидесятницу в Сионской горнице, “внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра” – это Святой Дух снизошел на них и научил их говорить на языках многих народов и исцелять именем Иисуса. Когда однажды Петр и Иоанн входили в Храм через Роскошные ворота для дневной молитвы, калека попросил у них подавания. “Встань и иди”, – сказали они ему. Он встал и пошел.

Апостолы избрали брата Господня Иакова “свидетелем Иисуса в Иерусалиме” – вождем последователей Христа, которых иудеи стали называть назарейми. Число христиан, вероятно, очень быстро росло, судя по тому, что уже вскоре после смерти Иисуса “произошло великое гонение на Церковь в Иерусалиме”. Один из грекоязычных последователей Иисуса по имени Стефан стал обличать храмовых священников, проповедуя, что “Всевышний не в рукотворенных храмах живет”. Стефан был отдан на суд Синедриона и насмерть забит камнями за городскими стенами (лишнее подтверждение того, что первосвященник на самом деле мог выносить смертные приговоры). Стефан стал первым христианским мучеником. И все же Иаков и его назареи оставались евреями, исполняющими иудейский Закон, но и хранящими верность Иисусу, и они проповедовали Христа и молились в Храме еще на протяжении 30 лет. Праведный Иаков широко почитался как иудейский святой. Иудаизм самого Иисуса был, очевидно, не более своеобразным, чем иудаизм всех других пророков, что являлись до и после него.

Судьба людей, осудивших Иисуса на смерть, не была счастливой. Карьере Пилата вскоре положил конец некий лжепророк из Самарии, взбудораживший толпы народа рассказами о том, что он нашел на горе Гризим священные сосуды, зарытые самим Моисеем. Пилат пустил против толпы конницу, и вооруженные всадники перебили множество народа. Прокуратор уже поставил Иерусалим на грань мятежа, а после бойни на горе Гризим самаряне тоже “не удержались от возмущения”.

Римский наместник Сирии вынужден был восстанавливать порядок в Иерусалиме. Он отправил в отставку и Каиафу, и Пилата. Последний был отослан обратно в Рим. Это решение вызвало такую радость, что жители Иерусалима с ликованием приветствовали наместника. После этого Пилат исчезает из истории. Между тем императора Тиберия все больше и больше раздражал Ирод Антипа. Но это еще не был конец дома Ирода; напротив, перед династией замаячил шанс на блистательное возрождение, благодаря самому предприимчивому и авантюрному из еврейских принцев, которому удастся стать другом безумного императора Рима и вернуть себе власть над Иерусалимом.

рассказ об исчезновении тела Иисуса. Евангелие от Марка, написанное, вероятно, примерно через 40 лет после событий, то есть примерно ок. 70 г., в некоторых списках заканчивается положением тела во гроб, и, возможно, рассказ этого евангелиста о Воскресении и последующих событиях (глава 16) – позднейшее добавление. Евангелие от Матфея и Евангелие от Луки, как считается, отчасти основаны на тексте Марка, отчасти на каком-то неизвестном источнике. Эти три Евангелия называются синоптическими – от греческого слова *synoptikos*, “со-наблюдающий” (то есть видевший, что и другие два евангелиста). Иоанн Богослов, написавший свое Евангелие, вероятно, в самом конце I столетия, обращает большее внимание на божественную ипостась Христа и подробнее пишет о нескольких его визитах в Иерусалим.

⁷⁴ Эта история рассказана в книге “Деяния святых апостолов”, но Матфей предлагает иную версию: терзаемый рассказом Иуда пытается вернуть свои сребреники священникам, а когда те отказываются, бросает деньги в храм, уходит и вешается. Положить серебро обратно в сокровищницу Храма нельзя, “потому что это цена крови”, поэтому на них покупают “Землю Горшечника для погребения странников”, которая с той поры получает название Земля Крови – Акелдама. Это место оставалось кладбищем еще в Средние века.

12. Последние из дома Ирода 40–66 гг.

Ирод Агриппа: друг Калигулы

Юный Ирод Агриппа воспитывался в Риме в императорской семье, где очень сдружился со своим сверстником Друзом – сыном императора Тиберия. Этот обаятельный мот, внук Ирода Великого и Мариамны, дитя их казненного сына Аристокбула наделал громадные долги, стремясь ни в чем не уступать императорскому сыну и окружавшим его кутилам, не стесненным в средствах.

Когда в 23 году еще молодой Друз внезапно умер, убитый горем император не мог больше видеть друзей своего сына, и Ирод Агриппа без гроша за душой отправился в Галилею ко двору Ирода Антипы, женатого на его сестре Иродиаде. Антипа поручил ему скучную работу в Тиберии, но скука была невыносима для Агриппы, и он сбежал в Идумею, на историческую родину их семейства, и там даже подумывал о самоубийстве. Но этому повесе и моту всегда улыбалась судьба.

Примерно в то же время, когда был распят Иисус, умер Филипп – тетрарх северных владений дома Ирода. Антипа попросил у императора позволения расширить свою вотчину. Но Тиберию всегда нравился Ирод Агриппа, и тот не преминул воспользоваться случаем, чтобы приехать в императорскую резиденцию на Капри: заявить свои права и оспорить дядины. Он нашел мрачного Тиберия на вилле Юпитера; его пресыщенность, по словам историка Светония, развлекали только мальчики, которых он именовал “своими пескарями” и которые были научены целовать его гениталии, когда он плавал в бассейне. Тиберий обрадовался появлению Агриппы, но разгневался из-за шлейфа долгов, который тянулся за молодым мотом по всему Средиземноморью. Однако Агриппа, прирожденный игрок, уговорил Антонию, подругу своей матери, одолжить ему денег и заступиться за него перед императором. Строгая и целомудренная Антония, дочь Марка Антония, пользовалась большим уважением Тиберия, который видел в ней идеал римской матроны. Он внял ее просьбам и простил повесу-иудея. Агриппа же потратил деньги Антонии не только на уплату своих долгов, но и на щедрый подарок еще одному растратившемуся моту – Гаю Калигуле, внучатому племяннику Тиберия, которого император назначил своим наследником наряду с Гемеллом, сыном покойного Друза.

Император попросил Агриппу присматривать за юным Гемеллом. Но вместо этого ловкий Агриппа счел для себя более полезным завести тесную дружбу с Калигулой. Сын популярного полководца Германика, Калигула еще в детстве сопровождал отца в его германских походах в качестве своеобразного талисмана. Легионеры, обожавшие и Тиберия, и его сына, одетого в миниатюрные доспехи и маленькие солдатские сапоги-калиги, дали мальчику прозвище *Caligula* – “сапожок”. Теперь, в 25 лет, это был лысеющий распутник, явно страдавший расстройством психики. Тем не менее народ по-прежнему любил его, и Калигула с нетерпением ждал, когда ему достанется трон империи. Калигула и Агриппа, бесконечно далекие от набожных единоверцев последнего в Иерусалиме, вели жизнь, состоящую из череды экстравагантных сумасбродств. Во время одной из прогулок по Капри друзья позволили себе пофантазировать о том, что будет, когда Тиберий умрет, забыв, что у возницы есть уши. И когда Агриппа однажды наказал возницу за воровство, тот в отместку донес на него императору. Агриппа был брошен в темницу и закован в цепи. Но благодаря заступничеству Калигулы ему было дозволено купаться, принимать друзей и лакомиться излюбленными яствами.

Когда же Тиберий в марте 37 года наконец умер, Калигула стал императором и тут же приказал убить Гемелла. Первым делом новый император освободил из темницы своего приятеля, подарил ему ножные кандалы из золота – в память о том времени, когда тот томился в настоящих оковах, – и присвоил Агриппе царский титул, отдав ему северные владения Ирода Великого – тетрархию покойного Филиппа. Так Ироду Агриппе в очередной раз улыбнулась судьба. Его сестра Иродиада и ее муж – “лисица” Антипа – пожаловали в Рим, чтобы оспорить решение Калигулы и предъявить собственные права на эти земли. Но Агриппа успел оговорить сестру и зятя, обвинив их в том, что они собираются поднять восстание. Калигула низложил Ирода Антипу, убийцу Иоанна Крестителя, и сослал его в Лугдунум (современный Лион), где тот позднее и умер в изгнании, а все его земли отдал Ироду Агриппе.

Впрочем, новый царь редко навещал свои владения, предпочитая оставаться при дворе Калигулы, которым, похоже, всецело завладела мания убийства, быстро превратившая его из любимца Рима в ненавистного тирана. Калигула, в отличие от своих предшественников, не мог похвастаться военными подвигами, поэтому он пытался укрепить свой престиж более эксцентричным способом – насаждая в империи собственный культ. Он повелел поставить собственное изображение во всех городах и храмах империи – в том числе и в Святой Святынь Иерусалимского Храма. Иерусалиму был брошен вызов; готовые поднять восстание, иудеи послали своих делегатов к Петронию, римскому наместнику Сирии, которые заявили ему, что “придется сначала принести в жертву весь еврейский народ”, прежде чем совершить подобное святотатство. Между тем в Александрии вспыхнули этнические распри между греками и евреями. Обе стороны отправили свои посольства к Калигуле. Греки убеждали императора, что иудеи единственные из всех подвластных ему народов не желают поклоняться его статуям.

К счастью, царь Агриппа был в это время в Риме и еще теснее сблизился с Калигулой, который вел себя все более и более странно. Когда император предпринял поход в Галлию, иудейский царь сопровождал его. Но вместо того чтобы сражаться, Калигула объявил, что одержал победу над морем, и велел собирать морские раковины для своего триумфа.

Калигула повелел Петронию вторгнуться в Иудею и сломить сопротивление Иерусалима. Еврейские делегации во главе с представителями дома Ирода умоляли Петрония оставить их в покое. Наместник колебался, сознавая, что установить в Храме статую Калигулы без войны с иудеями не удастся, но не выполнить приказ императора – это верная смерть. И тут Ирод Агриппа, этот легкомысленный прожигатель жизни, неожиданно показал себя верным защитником иудеев, бесстрашно написав Калигуле одно из самых удивительных посланий от имени Иерусалима: “Я, как ты знаешь, по рождению еврей, родился в Иерусалиме, где стоит верховный Храм Всевышнего... С тех пор, мой господин Гай, как стоит этот Храм, он не знал ни единого рукотворного изображения, ибо там пребывает истинный Бог; творения же художников и ваятелей суть подражания зримым богам, а запечатлевать Бога незримого считалось нашими предками неблагочестивым делом. Марк Агриппа, твой дед, сам прибыл, чтобы почтить наш Храм, и Август почтил его... Если я стану перечислять благодеяния, которые ты мне оказал, не хватит дня... Так не лишай меня своей милости и теперь, самодержец... Одарив меня сверх всякой меры, не отнимай необходимого и не ввергай в самый глубокий мрак, прежде поднявши к сиянию и свету. Не нужен мне весь этот блеск, не вымаливаю я недавнего своего счастья, я все готов отдать, лишь бы законы предков остались нетронуты! Каков я буду в глазах своих соплеменников и вообще всех людей? Одно из двух: или я предал своих, или нет больше нашей дружбы. Какое из двух зол страшнее?”

Написать подобное послание Калигуле было крайне рискованным делом. Но вмешательство царя спасло Иерусалим. На ближайшем пиру император поблагодарил Агриппу за помощь, которую тот оказывал ему до воцарения, и обещал выполнить любую его просьбу. Царь иудеев попросил Калигулу не воздвигать свою статую в Храме. Калигула согласился.

Ирод Агриппа и император Клавдий: убийство, слава и черви

В конце 37 года император заболел странной болезнью; физически он от нее исцелился, однако психика его расстраивалась все больше. Источники сообщают, что в течение следующих лет он вступил в преступную связь со своими тремя сестрами и при этом “отдавал их на потеху своим любимчикам”, а собственного коня ввел в сенат и назначил консулом. Нелегко оценить достоверность свидетельств о подобных скандалах, но ясно, что чудовищные поступки императора явно ужасали и отвращали от него многих знатных римлян. Калигула женился на одной из своих сестер, но когда та забеременела, якобы вырезал младенца из ее чрева. Целуя в шею жену или любовницу, он всякий раз говорил: “Такое красивое горлышко, а прикажи я – и его перережут!” Он любил повторять: “Если бы только у Рима была только одна шея!” и непредусмотрительно дразнил своих телохранителей, гвардейцев-преторианцев, назначая скабрзные пароли для смены караула – например, “Приап”. Так больше продолжаться не могло.

В полдень 24 января 41 года Калигула в обществе Ирода Агриппы выходил из театра по крытому проходу, когда один из преторианских трибунов выхватил меч и прорычал: “Получи свое!” Удар меча рассек плечо императора. Тот упал, крича: “Я жив!” Тогда остальные заговорщики воскликнули: “Бей еще!” – и прикончили Калигулу. Его германцы-телохранители начали мародерствовать на улицах, преторианские стражи разграбили императорский дворец на Палатинском холме, убили жену Калигулы и разбили голову его дочери о стену. Сенат, воспользовавшись смутой, попытался восстановить республику и тем положить конец деспотизму императоров.

Ирод Агриппа завладел телом Калигулы, выиграв время тем, что распустил слух, будто император жив и только ранен, и привел отряд верных преторианцев ко дворцу. Они заметили какое-то движение за занавесями и нашли там хромого, заикавшегося ученого по имени Клавдий – это был дядя Калигулы и сын Антонии, друг семьи Агриппы. Преторианцы и Агриппа провозгласили его императором, и гвардейцы на щите перенесли Клавдия в свой лагерь. Клавдий, сторонник республики, пытался отказаться от оказанной чести, но царь Иудеи посоветовал ему принять императорский венец и настоял, чтобы Сенат предложил этот венец Клавдию. Ни один еврей – ни до этого, ни после, ни даже в новое время – не имел такого могущества. Новый император Клавдий, показавший себя твердым и благоразумным правителем, вознаградил Агриппу, пожаловав ему Иерусалим и все царство Ирода Великого, а также титул консула. Даже брат Агриппы получил царство.

В свое время Ирод Агриппа покинул Иерусалим нищим авантюристом, но вернулся в город в короне царя Иудейского. Он совершил жертвоприношение в Храме и, как и подобало царю, читал Второзаконие пред собравшимся народом. Евреи были тронуты, когда он оплакал свое смешанное происхождение и посвятил Храму подаренные ему Калигулой золотые кандалы, символ удачи. Священный город, который Агриппа рассматривал не только как столицу Иудеи, но и как центр притяжения всех еврейских общин Европы и Азии, принял царя и покорился этому новому Ироду, который чеканил на своих монетах слова “Великий царь Агриппа, друг Цезаря”. За пределами Иерусалима он вел образ жизни настоящего эллинистического царя, но когда пребывал в городе, становился истинным иудеем и каждый день совершал жертвоприношения в Храме. Он украсил и укрепил растущий Иерусалим, соорудив Третью стену, которая включила в круг городских укреплений новый пригород – Безету (ее северная часть была изучена археологами).

И все же Агриппе пришлось приложить много усилий, чтобы смягчить напряженность в Иерусалиме: за два года он сменил трех первосвященников и преследовал членов иудео-христианской общины. Так совпало, что в это же время Клавдий подверг репрессиям евреев-

христиан в Риме – они были изгнаны за “подстрекательство к беспорядкам именем своего Христа”. “В то время, – говорится в Книге Деяний святых апостолов, – царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежавших к Церкви” и обезглавил апостола Иакова Зеведеева (тезку брата Иисуса). Он также арестовал апостола Петра, которого намеревался казнить после Пасхи. Петр каким-то образом уцелел. Христиане считают это чудом, но другие источники допускают, что царь попросту освободил его, возможно, желая угодить толпе.

Фактически возведя на престол двух императоров подряд, Агриппа, похоже, несколько возгордился: иначе как объяснить, что он созвал собрание местных царей в Тиберии, не спросив разрешения у Рима. Римляне встревожились и приказали царям разъехаться по своим землям. Клавдий запретил строительство новых укреплений в Иерусалиме. Некоторое время спустя Агриппа в расшитых золотом одеждах, словно греческий обожествленный царь, вершил суд на форуме в Кесарии Приморской, когда вдруг ощутил сильные боли в животе. Согласно Книге Деяний святых апостолов, царь “был изъеден червями”. Все время скоротечной болезни царя иудеи, облаченные в покаянное вретище, молились о его выздоровлении, но тщетно. На пятый день Агриппа, харизматический вождь, умевший расположить к себе и умеренных евреев, и иудейских фанатиков, и римлян, этот единственный человек, который мог бы спасти Иерусалим, умер.

Ирод Агриппа II: друг Нерона

Смерть царя спровоцировала беспорядки. Хотя его сыну и полному тезке Агриппе II было всего 17 лет, Клавдий желал отдать царство ему. Однако советники убедили императора, что юноша слишком молод, чтобы справиться со своим взрывоопасным владением. Тогда император восстановил прямое римское правление посредством прокураторов, пожаловав право назначать первосвященников и вести храмовые дела брату Агриппы I – Ироду Халкидскому. И следующие 25 лет Иерусалимом управлял противоречивый альянс, состоящий из римского прокуратора и царя из рода Ирода. Однако ни тот, ни другой не могли полностью погасить смуты, возникавшие из-за все новых пророчествующих шарлатанов, этнических конфликтов между греками, евреями и самарянами и все более углублявшейся пропасти между богатыми, проримски настроенными вельможами и бедными набожными иудеями.

Христианская община, членов которой иудеи называли назареями, во главе с апостолом Иаковом и так называемыми пресвитерами (старейшинами) продолжала существовать в Иерусалиме, и христиане продолжали молиться в Храме, как и остальные евреи. Но Иисус оказался далеко не последним в ряду проповедников, бросавших вызов римскому порядку: Иосиф Флавий описывает целую череду сменявших друг друга лжепророков. Большинство из них были казнены римлянами.

Прокураторы оказались не в состоянии изменить положение дел. Подобно Пилату, они отвечали на активность лжепророков, истребляя их последователей, и одновременно выжимали все соки из провинции ради собственного обогащения. Однажды на Пасху в Иерусалиме какой-то римский солдат, задрав тунику, продемонстрировал евреям свою голую задницу. Начались беспорядки. Прокуратор вывел в город легионеров, это вызвало панику, и в начавшейся давке тысячи горожан были затоптаны на узких улочках. Через несколько лет, при подавлении очередного конфликта между иудеями и самарянами, римляне распяли множество евреев.

Обе стороны призывали Рим рассудить их. Самаряне, возможно, и преуспели бы, но молодой Ирод Агриппа, получивший римское воспитание, сумел расположить к себе влиятельную жену Клавдия Агриппину: император не только поддержал иудеев, но и приказал казнить римского чиновника, повинного в расправе. Как и его отец в случае с Калигулой,

Агриппа II добился расположения не только Клавдия, но и его наследника Нерона. Когда умер дядя Агриппы, Ирод Халкидский, племянник получил в управление его наследство – вассальное княжество Халкида на территории современной Сирии. Кроме того, Агриппе было возвращено право попечительства над Храмом и полномочия назначать первосвященников.

Тем временем в Риме дряхлый Клавдий был, как говорили, умерщвлен Агриппиной⁷⁵, возможно, с помощью блюда отравленных грибов. Новый император, юный Нерон, пожаловал Агриппе II новые земли в Галилее, Сирии и Ливане. В благодарность Агриппа переименовал свою столицу, Кесарию Филиппову (на современных Голанских высотах), в Неронию и увековечил дружбу с Нероном, приказав чеканить на своих монетах слова “Любящий Цезаря”. Однако прокураторы, назначаемые Нероном, все глубже увязали в коррупции и злоупотреблениях. Едва ли не худшим из них был Антоний Феликс – продажный грек-вольнотпущенник, который, как писал историк Тацит, “пребывая правителем Иудеи, считал, что при столь могущественной поддержке может безнаказанно творить беззакония”. Поскольку он был братом Палланта, секретаря Клавдия и (какое-то время) Нерона, евреи больше не имели возможности жаловаться в Рим.

Воплощением же развращенности самой иудейской элиты были сестры царя Агриппы. Друзилла, “отличавшаяся необыкновенною красотой”, была замужем за Азизом – арабским царем Эмессы. Антоний Феликс воспылил к ней страстью и подговорил бросить мужа и выйти замуж за него. Несчастливая в браке и желавшая избавиться от бесконечного ехидства своей сестры Береники, Друзилла сбежала от Азиза. Сама Береника, бывшая царица Халкиды (она была замужем за собственным дядей), тоже бросила своего нового мужа, царя Киликии, и поселилась у родного брата; у римлян ходили слухи об их кровосмесительной связи.

Феликс продолжал “доить” Иудею ради собственной наживы, а тем временем в Иерусалиме появились разбойники совершенно нового рода – так называемые сикарии (“кинжальщики”, от латинского *sica* – “кинжал”). Они убивали знатных евреев среди бела дня прямо на улицах города. Первой их жертвой стал один бывший первосвященник. Римский наместник пытался сдержать волну преступности и этнических беспорядков, не забывая при этом о личном обогащении.

В условиях такой поистине апокалиптической смуты христианская община приобретала все новых и новых последователей – как из числа иерусалимских иудеев в Иерусалиме, так и из среды язычников в огромном римском мире. И настал час, когда самый энергичный из всех последователей Иисуса, более чем кто-либо другой способный на то, чтобы выковать новую мировую религию, задумался о будущем христианства.

Павел из Тарса: верховный апостол христианства

Иерусалим приходил в себя после очередной вспышки апокалиптической жестокости. Некий египетский еврей только что привел толпу народа на Масличную гору и возвестил, вторя Иисусу, что собирается обрушить стены Иерусалима и захватить город. Лжепророк и в самом деле пытался организовать штурм города, но на этот раз горожане объединились с римлянами, чтобы отбить самозванца и его последователей. Легионы Антония Феликса

⁷⁵ Клавдий был, мягко говоря, несчастлив во всех четырех своих браках, особенно в двух последних: предпоследнюю жену он убил, а последняя, скорее всего, убила его. Приказав умертвить свою распутную супругу Мессалину за организацию заговора, он женился на своей племяннице Юлии Агриппине, сестре Калигулы. Властолюбивая Агриппина мечтала, чтобы на императорский трон со временем взошел Нерон – ее сын от предыдущего брака. Клавдий объявил Нерона соправителем вместе со своим собственным сыном Британиком. Когда сводные братья унаследовали империю (считается, что Агриппина решила приблизить это событие), Нерон тут же убил Британика.

истребили большинство из них, но самому шарлатану удалось скрыться, и на него как раз шла охота, когда в город прибыл некий Савл. Он хорошо знал Иерусалим.

Отец Савла был фарисеем, достаточно процветающим человеком, достойным того, чтобы получить римское гражданство. Своего сына, родившегося примерно в то же время, что и Иисус, только не в Галилее, а в Киликии (на территории современной Турции), он отправил учиться в Иерусалимский Храм. После распятия Иисуса Савл поддерживал угрозы в адрес учеников Иисуса и даже их убийства. Более того, он стерег одежды тех, кто побивал камнями Стефана и “одобрял его убийство”. Этот грекоязычный фарисей и римский гражданин зарабатывал на жизнь изготовлением палаток, а также исполнял поручения первосвященника до тех пор, пока где-то около 37 года по дороге в Дамаск не пережил свой личный “апокалипсис”: “Внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?” Так воскресший Христос сделал его тринадцатым апостолом для проповеди Благой вести язычникам.

Иаков и другие иерусалимские христиане поначалу отнеслись к новообращенному с понятной осторожностью. Но Павел (так его теперь звали) воспринял свою новую миссию со всей ответственностью и присущей ему кипучей энергией: “Это необходимая обязанность моя, и горе мне, если я не благовествую!” Наконец Иаков признал Павла и принял его как нового члена общины. В следующие 15 лет этот неутомимый проповедник нового учения путешествовал по странам Востока, конструируя догматы собственной версии учения Иисуса – версии, которая недвусмысленно отвергала исключительность евреев. “Апостол язычников” свидетельствовал, что ради всех людей Бог, Отец Иисуса, “не знавшего греха... сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом”. Основной акцент Павел делал на Воскресении, которое он воспринимал как связующее звено между человечеством и Богом. Иерусалим Павла – это Небесное Царство, а не земной город, где находится Храм; “Израиль” – это все последователи Иисуса, а не только еврейский народ. В каком-то смысле Павел кажется удивительно современным, поскольку, в противовес суровой этике древнего мира, он верил в любовь, равенство и общность всех людей: греки и евреи, женщины и мужчины – все они одно, и все могут достичь спасения, лишь веруя во Христа. Его Послания составляют весомую часть – примерно четверть – Нового Завета. Его размах были безграничен, ибо он горел желанием обратить в веру Иисуса все человечество.

У Иисуса изначально было совсем немного последователей из числа неевреев. Павел обратил множество язычников и так называемых “богобоязненных” – то есть тех из язычников, кто разделял догматы иудаизма, но не был согласен на обрезание.

Обращенные Павлом сирийцы из Антиохии первыми стали называться христианами. Около 50 года Павел вернулся в Иерусалим, чтобы убедить Иакова и Петра допустить христиан-неевреев в общину. Иаков согласился с его доводами, хотя впоследствии узнал, что Павел восстанавливал иудеев против Закона Моисеева.

Одиноким аскет, не имевший ни семьи, ни дома, Павел пережил во время своих странствий кораблекрушения, ограбления, избиения и попытки побить его камнями, но ничто не могло помешать ему идти к цели – превратить провинциального еврейского проповедника из Галилеи в Иисуса Христа, спасителя человечества, который должен вернуться на землю во Втором пришествии и открыть для людей Царство Небесное. Порой Павел был настоящим добрым евреем, и, вероятно, он возвращался в Иерусалим не менее пяти раз, но иногда он смотрел на иудаизм как на врага. В самом раннем из дошедших до нас христианских текстов – Первом послании к фессалоникийцам (жителям города Салоники, грекам-язычникам, обращенным в христианство) – он возлагает на евреев вину за убийство Иисуса и древних пророков. Павел считал, что обрезание, знак завета евреев с Богом, обязательно для них, но совсем не подходит для язычников: “Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом

Иисусом, а не на плоть надеющиеся”. Он гневно обличал христиан-неевреев, желающих обрезаться.

В этом Иаков и пресвитеры иерусалимской общины не были согласны с Павлом. Но пусть они видели и знали Христа лично, Павел все же настаивал: “Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос”. Он утверждал: “Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем”. В 58 году Павел снова прибыл в Иерусалим, чтобы проповедовать среди иудеев.

Смерть Праведного Иакова: династия Иисуса

Павел в сопровождении Иакова пришел в Храм, чтобы, как настоящий еврей, совершить очищение и помолиться, однако его опознали какие-то иудеи, видевшие, как он проповедует во время своих путешествий. Римскому центуриону, который отвечал за порядок в Храме, пришлось спасти Павла от толпы линчевателей, жаждавших растерзать его. Когда же Павел вновь начал проповедовать, римляне решили, что он тот самый беглый лжепророк, египетский еврей, ускользнувший в свое время от Антония Феликса. Павла заковали в цепи и отвели в крепость Антония, чтобы там подвергнуть бичеванию. “Разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда?” – спросил Павел. Центурион был совершенно ошарашен, узнав, что этот проповедник с безумным взором – гражданин Рима, имеющий право апеллировать к суду самого императора. Римляне разрешили первосвященнику и Синедриону допросить Павла на глазах у разъяренной толпы. Его ответы были сочтены столь оскорбительными, что Павла снова чуть было не разорвали на куски. Центурион охладил страсти, отправив Павла в Кесарию Приморскую.

Действия Павла, возможно, сильно повредили иудео-христианской общине Иерусалима. В 62 году первосвященник Анания, сын того самого Анны, что судил Иисуса, заключил под стражу Иакова, подверг его допросу в Синедрионе, и в результате Иаков был сброшен с “крыла Храма” – вероятно, с того самого юго-восточного угла Храмовой горы, где его брата в свое время искушал Дьявол. После этого Иакова забили камнями, причем он продолжал молиться до тех пор, пока какой-то суконщик своим вальком не нанес ему последний, смертельный удар⁷⁶. Иосиф Флавий, живший тогда в Иерусалиме, называет Ананию “дикарем” и свидетельствует, что большинство иудеев были совершенно потрясены этой расправой: брат Иисуса был чрезвычайно уважаемым человеком. Царь Агриппа II немедленно лишил Ананию сана. У христиан же начало складываться нечто вроде династии: Иакову в качестве главы общины наследовал его двоюродный (или единокровный) брат Симон.

Между тем Павла в оковах доставили в Кесарию; прокуратор Антоний Феликс принял его в присутствии своей жены Иродиады (которая прежде звалась царицей Друзиллой) и предложил освободить за взятку. Павел отказался. Но прокуратора одолевали и гораздо более серьезные заботы: между иудеями и сирийцами опять разгорелся конфликт. Антоний Феликс снова истребил множество иудеев, за что был отозван в Рим⁷⁷, куда и отбыл, оставив Павла в темнице. Когда был назначен новый прокуратор, Агриппа II и его сестра (и, возможно, любовница) Береника, бывшая царица Халкиды и Киликии, прибыли в Кесарию приветствовать его. Новый римский чиновник передал дело Павла царю – как Пилат в свое время послал Иисуса к Антипе.

⁷⁶ Голова Иакова была погребена вместе с головой его тезки – апостола Иакова Зеведеева, казненного Агриппой I, – на месте, где сейчас стоит главная армянская церковь Иерусалима, собор Святого Иакова (который поэтому было бы правильнее называть собором Святых Иаковок). Однако головы Иакова, брата Господня, каким-то образом оказались и в различных реликвариях Европы: в частности, одна из них была обнаружена в X в. в Испании и стала объектом крайне популярного паломнического культа в Сантьяго-де-Компостела – городе, который и сегодня привлекает сотни тысяч пилигримов.

⁷⁷ У Феликса Антония и Друзиллы был сын, погибший вместе с матерью в Помпеях при извержении Везувия в 79 г.

Павел изложил христианскую Благую весть царской чете, возлежавшей перед ним на ложе “с великой пышностью”. Он дальновидно адаптировал проповедь для царя, известного своими умеренными взглядами: “Ты знаешь все обычаи и спорные мнения иудеев... Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь”.

“Ты чуть не убедил меня сделаться христианином, – произнес царь и дал прокуратору такое заключение: – Можно было бы освободить этого человека, если бы он не требовал суда у цезаря”. Но Павел требовал этого суда – следовательно, его надлежало отправить в Рим.

Иосиф: накануне восстания

Павел был не единственным иудеем, ожидающим судебного решения от Нерона. Антоний Феликс отправил на суд к императору нескольких чем-то провинившихся священников из Храма. Их друг, 26-летний Иосиф, сын Маттафии, решил отплыть в Рим и заступиться за своих товарищей. В разное время Иосиф был и командиром мятежников, и сторонником иродиан, и императорским придворным, но в истории остался как главный летописец. Его звали Иосиф Флавий.

Иосиф родился в семье священника из рода Маккавеев. Он вырос в Иерусалиме, владел землей в Иудее, и его уважали за ученость и мудрость. Подростком он присматривался к трем главным иудейским сектам и даже провел три года отшельником в пустыне, но затем вернулся в Иерусалим.

Приехав в Рим, Иосиф познакомился с одним актером-евреем, который пользовался благоволением императора – человека порочного, но страстно любившего театр. Нерон к тому времени уже избавился от жены и был в связи с Пoppеей – замужней красавицей с огненно-рыжими волосами и аристократически бледной кожей. Став императрицей, Пoppей подговорила Нерона убить его мать – властолюбивую и опасную Агриппину. Но при этом Пoppей была также и одной из “богобоязненных”. При содействии друга-актера Иосиф смог получить аудиенцию у императрицы, и та помогла ему освободить его друзей-священников. Итак, миссия Иосифа увенчалась успехом, но когда он с друзьями вернулся в Иудею, то нашел Иерусалим полным “надежд на восстание против римлян”. Впрочем, восстание не было неизбежным: знакомство Иосифа с Пoppеей показывало, что каналы связи между Римом и Иерусалимом были все еще открыты. Ежегодно город наводняли толпы паломников, и это не доставляло римлянам особого беспокойства, хотя в крепости Антония была расквартирована всего одна римская когорта (от 600 до 1200 солдат). Богатый храмовый город пребывал “в состоянии мира и процветания”, управляемый иудейским первосвященником, которого назначал царь Иудеи. Как раз в это самое время строительство Храма было наконец завершено, и 18 тысяч строителей остались без работы. Чтобы они не шатались праздно по городу, царь Агриппа поручил им прокладку и мощение новых улиц⁷⁸.

В любое другое время более внимательный император и более справедливый прокуратор смогли бы восстановить порядок во взаимоотношениях иудейских кланов и фракций. Пока империей управляли энергичные греческие вольноотпущенники Нерона, его подданные были готовы терпеть притязания императора на актерскую славу, его выступления в качестве артиста и атлета и даже его кровавые расправы. Но как только экономика империи пошатнулась, управленческая бездарность Нерона тут же отозвалась в Иудее. “Не было того злодейства”, которое бы не совершали прокураторы. Они занимались рэкетом, вымогая деньги за покровительство и защиту, а их солдаты соревновались в бесчинствах с сикариями, терроризировавшими город.

⁷⁸ До наших дней сохранились фрагменты древних улиц Агриппы – один из них можно увидеть рядом с Западной стеной, другой – на горе Сион.

Неудивительно, что очередной “пророк”, которого волею судьбы также звали Иисус, громко восклицал в Храме: “Горе Иерусалиму!” Признанный безумным, он был подвергнут бичеванию, но не казнен. И все же Иосиф Флавий свидетельствует, что антиримские настроения среди иудеев были незначительны.

В 64 году в Риме произошел страшный пожар. Нерон, скорее всего, сам руководил тушением и открыл свои сады для тех, кто остался без крова. Но сторонники конспирологических версий шептались, будто император самолично поджег город, чтобы освободить место для постройки еще более обширного дворца, и не стал тушить пожар, предпочтя вместо этого декламировать свои стихи, сопровождая себя на цитре. В конце концов Нерон обвинил в поджоге быстро разрастающуюся полуюеврейскую секту, неких христиан, и многие из них были по его повелению сожжены заживо, отданы на растерзание диким зверям или распяты. Среди жертв этого гонения оказались и двое узников, доставленных некоторое время назад из Иерусалима: Петр, согласно преданию, был распят вниз головой, а Павел обезглавлен. Этот антихристианский погром обеспечил Нерону место в “Откровении Иоанна Богослова” – последней из канонических книг Нового Завета: под сатанинскими “зверями” в нем подразумеваются римские императоры-язычники, а “число зверя” (666), согласно правилам гематрии, может заключать в себе слова “Нерон Кесарь”⁷⁹.

Жестокие муки, на которые он обрек христиан, не спасли Нерона. Он ударил ногой в живот свою беременную жену, императрицу Пoppею, и та умерла. Пока император расправлялся со своими врагами, реальными и мнимыми, и продолжал актерствовать, его очередной прокуратор Иудеи Гессий Флор “хвастливо выставлял свои преступления всему народу напоказ”. Катастрофа началась с Кесарии: сирийские греки принесли в жертву петуха чуть ли не у дверей синагоги. Иудеи выразили протест. Флор, подкупленный язычниками, “ринутся в Иерусалим с конницей и пехотой” и потребовал выдать ему из храмовой казны “налог” в размере 17 талантов. Когда весной 66 года он появился на ступенях Претории, горячие иудейские юноши забросали его собранными заранее мелкими монетами. Оскорбленный Флор приказал своим греческим и сирийским наемникам усмирить толпу и потребовал, чтобы храмовые сановники выдали ему смутьянов, однако те отказались. Алчность и жажда крови помутила головы легионеров: они “вырывались во все дома и убивали жильцов”. Многих брали под стражу и тащили к Флору. Тот “велел их прежде бичевать, а затем распять”, причем среди наказанных и казненных оказались и знатные иудеи, имевшие римское гражданство. Это было последней каплей: даже храмовая аристократия не могла отныне полагаться на защиту Рима. Жестокость наемников Флора спровоцировала сопротивление иудеев. Его всадники носились по улицам в “безумной ярости” и даже попытались напасть на Беренику, сестру царя Агриппы. “Они не только мучили и убивали пленных на ее глазах, но и ее самое лишили бы жизни”, однако стража царицы успела увести ее во дворец Маккавеев. Однако Береника решила спасти Иерусалим.

⁷⁹ Если греческое словосочетание “Нерон Кесарь” записать еврейскими буквами (а у каждой из них есть цифровой эквивалент), а потом подставить вместо букв цифры и сложить их, то получится как раз “число зверя”. “Откровение” было написано, скорее всего, во времена гонений Домициана (81–96 гг.). В 2009 г. в ходе раскопок под римской церковью Св. Павла вне стен (Сан-Паоло-фуори-ле-Мура), которая традиционно считается местом погребения апостола Павла, ватиканские археологи обнаружили каменный саркофаг. Радиоуглеродный анализ позволил датировать останки I–III вв. То есть это действительно могут быть останки апостола Павла.

13. Иудейские войны: гибель иерусалима 66–70 гг.

Береника, босая царица: восстание

Береника босиком дошла до Претории – тем же самым путем, каким, вероятно, тридцатью годами ранее вели Иисуса от Ирода Антипы обратно к Пилату. Красавица, дочь и сестра царей и сама дважды царица, она в эти дни прибыла в Иерусалим как паломница, во исполнение обета: в благодарность Господу за исцеление от болезни, она, по иудейскому обычаю, должна была на 30 дней “посвятить себя благочестию, воздержаться от вина и снять волосы с головы” (удивительный шаг для этой романизированной светской дамы). Теперь она бросилась к Гессию Флору и молила его прекратить резню, но прокуратор думал только о мести и добыче. Пока римские подкрепления подходили к Иерусалиму, иудеи разделились на тех, кто хотел мирно уладить конфликт с римлянами, и радикалов, готовившихся к войне, возможно, в надежде добиться определенной независимости под верховной властью Рима.

Священники Храма вынесли священные сосуды и в разорванных одеждах, посыпая головы пеплом, пытались обуздать молодых мятежников, заклиная их “не подвергать опасности родной город”. Мирная процессия евреев вышла из города навстречу римским когортам, но всадники по приказу Флора направили коней прямо в толпу и разметали ее. Иудеи бросились назад к воротам; в панической давке многие были затоптаны и искалечены. Флор двинулся к Храмовой горе, рассчитывая занять господствующую над ней крепость Антония. В ответ иудеи обрушили на римлян шквал копий с крыш домов, сами захватили Антонию и разрушили мосты, ведущие к Храму, превратив его в еще одну крепость.

Едва Флор отступил, как в город прибыл из Александрии Ирод Агриппа. Царь созвал собрание горожан в Верхнем городе, на площади перед своим дворцом. Беренике, укрывшейся в безопасном месте, были хорошо слышны слова, с которыми царь обратился к иудеям, убеждая их не начинать войну против римлян: “Разве не нелепо воевать с такой великой державой! Раз война начата, то без несчастий нелегко будет ни прекратить, ни продолжать ее. Мощь римлян на всей обитаемой земле непобедима. Имейте сожаление если не к своим женам и детям, то, по крайней мере, к этой столице и святым местам! Пожалейте эти досточтимые места, сохраните себе Храм с его святынями!” На этих словах Агриппа и его сестра заплакали на глазах у народа.

Горожане кричали в ответ, что они вовсе не желают бороться со всеми римлянами, а лишь с притеснителем Флором. Агриппа убедил их заплатить прокуратору дань. Люди согласились, и царь повел их к Храму, чтобы организовать сбор денег. Но на Храмовой горе Агриппа принялся настаивать, чтобы иудеи повиновались Флору до тех пор, пока не придет новый прокуратор, тем самым снова ожесточив народ.

Священники, включая Иосифа Флавия, собрались в Храме и начали спорить, стоит ли прекратить ежедневные жертвоприношения в честь римского императора, свидетельствовавшие о лояльности иудеев Риму. В результате было принято решение, которое можно было считать прямым объявлением мятежа: решили “не принимать больше никаких даров и жертв от неевреев. Это распоряжение и было собственно началом войны с римлянами, потому что в нем заключалось отвержение жертвы за императора и римлян”, – записал Иосиф, сам головававший за восстание. Мятежники заняли Храм, а более умеренные представители знати и священников вместе с миролюбивой частью населения укрепились в Верхнем городе.

Между обоими лагерями началась перестрелка: "...с обеих сторон пустили в ход камни и метательные снаряды".

Агриппа и Береника покинули Иерусалим. Царь прислал в поддержку умеренным горожанам три тысячи всадников, но перевес пока был на стороне радикалов. Зелоты, популярная иудейская фракция, группировавшаяся вокруг Храма, и сикарии, "разбойники с кинжалами под платьем", повели наступление на Верхний город и выбили оттуда войска царя Агриппы. Они сожгли дворцы первосвященника и Маккавеев, а также архивы, где хранились долговые расписки. На какой-то момент их предводитель – варварски жестокий военачальник Манаим – даже воцарился в Иерусалиме. Но затем священники убили его, а сикарии ушли из города в крепость Масада на Мертвом море и уже не играли роли в судьбе Иерусалима вплоть до падения города.

Священники вернули себе номинальный контроль, но с этой поры иерусалимские фракции и их вожди, зачастую провинциальные оппортунисты и местные авантюристы либо религиозные фанатики, развязали между собой дикуую, беспощадную и хаотическую гражданскую войну. Даже Иосиф, наш единственный источник, не смог нарисовать четкую картину того, что представляли собой все эти группировки и каковы были их идейные концепции. Но он указывает на связь религиозного антиримского восстания с мятежами галилеян после смерти Ирода Великого: по свидетельству Иосифа, приверженцев секты, родоначальником которой был галилеянин Иуда, отличала "ничем не сдерживаемая любовь к свободе", так как "единственным руководителем и владыкою своим они считали Господа Бога". Их идеи стали очень популярны среди народа "при Гессии Флоре, который... довел иудеев злоупотреблением своей властью до восстания против римлян" и до гражданской войны. Последующие несколько лет, пишет Иосиф, иудеи боролись против иудеев "в не прекращавшейся бойне".

Священникам вновь принадлежала номинальная власть над городом, однако с этого момента враждебные группировки в Иерусалиме и их главари, иногда беспринципные авантюристы из провинции или религиозные фанатики, повели дикуую и хаотическую еврейскую гражданскую войну. Даже Иосиф, наш единственный источник, затрудняется объяснить, кто сформировал эти группировки и к чему они стремились. Но он прослеживает нить религиозного антиримского фанатизма до галилейских восстаний после смерти Ирода Великого. Так или иначе, пишет Иосиф, в течение нескольких следующих лет "еврей убивал еврея в непрерывной резне".

Римский гарнизон из 600 человек, все еще удерживавший цитадель Ирода Великого, согласился сложить оружие с условием, что солдатам дадут свободно выйти из города. Евреи согласились, но когда римляне вышли из крепости, мятежники учинили жестокую расправу над сирийцами и греками, которые прежде убили множество их мирных сограждан. Царь Агриппа оставил свои попытки быть посредником и всецело взял сторону Рима. В ноябре 66 года римский наместник Сирии при поддержке Ирода Агриппы и союзных вассальных царей вышел из Антиохии и начал пробивать себе путь к Иерусалиму. Однако затем он неожиданно отступил (возможно, получив взятку), и в ходе этого отступления под натиском иудеев погибли более пяти тысяч римских солдат и был потерян орел легиона.

Жребий был брошен. Римская гордость требовала мщения. Повстанцы избрали бывшего первосвященника Ананию (Анана) главой независимого народа Израиля. Он начал укреплять стены города, и грохот стройки отзывался звоном молота в кузнях Иерусалима, где ковались доспехи и оружие. Анания назначил военачальников; в их числе был и Иосиф – будущий историк, который как раз тогда покинул Иерусалим, получив назначение в Галилею, где ему предстояло сразиться с полевым командиром Иоанном из Гисхалы, самым коварным и кровожадным из всех, кто боролся с римлянами.

Новые иудейские монеты прославляли “Свободу Сиона” и “Святой Иерусалим”. Но эта свобода, казалось, была желанна совсем не для всех: город томился в ожидании неизбежной гибели. Нерон пребывал в Греции, пел песни и участвовал в состязаниях на колесницах во время Олимпийских игр (он победил, несмотря на то, что свалился с колесницы). Там он и услышал, что Израиль взбунтовался.

Пророчество иосифа: погонщик мулов – император

Нерон опасался победоносных военачальников, поэтому назначил командующим в своей Иудейской войне “поседевшего в сражениях” ветерана из своего ближайшего окружения. Титу Флавию Веспасиану было уже под 60, и он частенько раздражал императора тем, что засыпал во время его театральных представлений. Но Веспасиан прославил себя завоеванием Британии, а его прозвище “Погонщик мулов” недвусмысленно намекало на его надежность, упорство, а также на круглое состояние, которое он сколотил, поставляя мулов для армии.

Отправив своего сына Тита в Александрию для набора подкрепления, Веспасиан собрал армию численностью в 60 тысяч человек: четыре легиона плюс сирийские пращники, арабские лучники и кавалерия царя Ирода Агриппы. С этим войском он двинулся по побережью в сторону Птолемаиды (современный Акко). В начале 67 года римляне приступили к методичному покорению Галилеи, которую с фанатичным упорством оборонял Иосиф и его галилеяне. В конце концов Веспасиан осадил Иосифа в крепости Иотапата. 29 июля того же года легионеры Тита преодолели полуразрушенные городские стены и взяли город. Евреи сражались не на жизнь, а на смерть, и многие покончили с собой, не желая попасть в плен.

Иосиф с отрядом уцелевших соратников укрылся в какой-то пещере. Когда римляне окружили беглецов, они также решили умереть и стали тянуть жребий, чтобы определить, кто кого и в какой последовательности должен убить. Последний должен был заколоться сам. “По счастливой ли случайности, а может быть, по Божественному предопределению” (или с помощью некоторой уловки) Иосиф оказался последним, но не закололся, а вышел живым из пещеры. Веспасиан решил отправить его в качестве живого трофея Нерону, и перед Иосифом замаячила перспектива какой-нибудь ужасной казни. Тогда он попросил полководца выслушать его. Стоя перед Веспасианом и Титом, он сказал: “Веспасиан! Я пришел к тебе как провозвестник важнейших событий. Ты хочешь послать меня к Нерону? Зачем? Разве долго еще его преемники удержатся на престоле до тебя? Нет, ты, Веспасиан, будешь царем и властителем, – ты и вот этот, твой сын!” Непреклонный Веспасиан был польщен; он оставил Иосифа под стражей, но послал ему подарки. Тит, почти ровесник Иосифа, подружился с ним.

В то время как Веспасиан с Титом приближались к Иудее, соперник Иосифа, Иоанн из Гисхалы, бежал в Иерусалим – город, “лишенный тогда верховного, объединяющего руководителя” и погруженный в безумную самоубийственную резню.

Иерусалим – дом непотребств: тираны Иоанн и Симон

Ворота Иерусалима по-прежнему были открыты для любого еврейского паломника, и религиозные фанатики, закаленные в боях головорезы и тысячи беженцев наводнили город, где мятежники находили выход своей неумной энергии в междоусобных стычках, разнузданных оргиях и жестокой охоте на тех, кого считали изменниками.

Теперь молодые и дерзкие разбойники бросили вызов власти священников. Они захватили Храм, свергли первосвященника и по жребию избрали нового – случайного человека, “какого-то деревенщину”. Свергнутый Анания собрал горожан и повел их на штурм Храма,

но не осмелился вторгнуться во внутренние дворы и в Святая Святых. Иоанн из Гисхалы и его галилеяне увидели возможность завладеть всем городом. Иоанн призвал на помощь идумеян, этот “буйный, необузданный народ... который идет на войну, словно на торжество”. Идумеяне ворвались в город, атаковали Храм, залив его кровью, а затем учинили резню на улицах, убив 12 тысяч человек. Они умертвили и Ананию, а с его священников сорвали одежды и топтали их нагие тела, а затем сбросили их со стены на съедение собакам и диким зверям. “Смерть Анана, – считает Иосиф, – была уже началом падения города”. В конце концов, нагруженные награбленной добычей и утолившие жажду крови, идумеяне покинули Иерусалим, чьим правителем теперь стал Иоанн из Гисхалы.

Несмотря на приближение римлян, Иоанн дал полную волю своим галилеянам и зелотам, предоставив им “делать все, что заблагорассудится”. Святой Храм стал домом непопулярности; однако скоро многие сторонники Иоанна потеряли веру в него – разочарованные, они перешли на сторону быстро набиравшего влияние в окрестностях города молодого военачальника Симона (Шимона), сына Гиоры, который “всемогущему в Иерусалиме Иоанну уступал хотя в хитрости, но превосходил его телесной силой и безумной отвагой”. По мнению Иосифа Флавия, “Симон для народа страшнее римлян”.

Итак, горожане, надеясь избавиться от одного тирана, призвали другого, и Шимон бен Гиора вскоре захватил почти весь город. Однако Иоанн все еще удерживал Храм. Но теперь уже и зелоты восстали против него, заняв внутренние части Храма. Таким образом, пишет Тацит, теперь “было три полководца, каждый со своей армией”, боровшиеся друг с другом за город, притом что римляне подходили все ближе. Лишь когда соседний Иерихон сдался Веспасиану, все три иудейские группировки прекратили междоусобную борьбу и принялись спешно готовиться к обороне Иерусалима, копая рвы и укрепляя Третью стену, построенную Иродом Агриппой I на севере города. Веспасиан же готовился к осаде Иерусалима. Но затем внезапно переменил решение.

Рим в эти дни остался без верховной власти. Девятого июня 68 года Нерон, преследуемый заговорщиками, покончил с собой со словами: “Какой великий актер погибает!” На римском престоле один за другим сменили друг друга три императора, а в провинциях объявились целых три Лженерона, словно одного настоящего не было достаточно. В конце концов легионы, стоявшие в Иудее и Египте, провозгласили императором Веспасиана. “Погонщик мулов”, вспомнивший пророчество Иосифа, освободил его из оков, пожаловал ему римское гражданство и сделал своим советником – и счастливым талисманом, – готовясь сначала завоевать Иудею, а затем и весь мир. Береника заложила свои драгоценности, чтобы снабдить Веспасиана деньгами, которые понадобятся ему для борьбы за трон в Риме; “Погонщик мулов” был ей признателен. Новый император направился в Рим через Александрию, а его сын Тит во главе 60 тысяч солдат двинулся на Священный город, отлично сознавая, что судьбу их с отцом династии определит судьба Иерусалима.

Часть вторая. Язычество

Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником. Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его; все друзья его изменили ему, сделались врагами ему.

Плач Иеремии, 1–2:1

Когда Иерусалим был независим, а иудеи – мирными, то совершение ими своих религиозных обрядов все же было несовместимо с блистательностью нашей державы, с достоинством нашего имени, с заветами наших предков...

Цицерон. Речь в защиту Луция Валерия Флакка

Лучше жить в земле Израиля среди идолопоклонников, чем среди евреев вне земли Израиля. Каждый, кто похоронен в земле Израиля, как будто похоронен под жертвенником Иерусалимского Храма, а каждый, кто похоронен под жертвенником, как будто лежит под престолом Славы Всевышнего.

Иехуда ха-Наси. Талмуд

Десять мер красоты было отпущено миру: девять из них достались Иерусалиму, и лишь одна – остальному свету.

Мидраш Танхума, Кедошим 10

За свободу Иерусалима.

Надпись на монетах Шимона бар-Кохбы

Они [иудеи] отмечали дни, называемые днями Сатурна, и, совершенно не работая в это время, дали римлянам возможность разрушить стену. Римляне, поняв это их суеверное благоволение, не предпринимали никаких серьезных действий в остальное время, но когда наступали такие дни – атаковали особенно решительно. Так, защитники были захвачены в день Сатурна, не оказав никакого сопротивления, и все богатства были разграблены.

Дион Кассий. Римская история

14. Элия Капитолина 70–312 гг.

Триумф Тита: Иерусалим в Риме

По прошествии нескольких недель, когда город был разрушен и Тит завершил свой кровавый спектакль, он еще раз проехал по Иерусалиму, сравнивая его горестные руины с былой славой Святого города. А затем, взяв с собой пленных еврейских вождей, свою царственную возлюбленную Беренику, фаворита-перебежчика Иосифа Флавия и сокровища Храма, он отплыл в Рим: праздновать завоевание Иерусалима. В Вечном городе Веспасиан и Тит, вышедшие в пурпурных одеждах и лавровых венках из храма Исиды, были встречены

приветственными возгласами сенаторов и заняли свои места на Форуме, чтобы насладиться зрелищем одного из самых грандиозных триумфов в истории Рима.

Пышное шествие, участники которого несли статуи богов и позолоченные платформы, где в три, а то и в четыре яруса были навалены сокровища, “одновременно восхищало и поражало” зрителей, сухо замечает Иосиф Флавий, “поскольку зрелище это представляло некогда счастливейшую страну, ныне полностью опустошенную”. Множество “живых картин” изображали отдельные эпизоды войны: как идут в атаку легионеры, как гибнут иудеи и как рушится, объятый языками пламени, величественный Храм. На золотых колесницах ехали военачальники, командовавшие осадой того или иного иудейского города. Но особое внимание Иосифа привлекли сокровища Храма, изъятые из Святая Святых: золотой стол предложений, золотой семисвечник и свитки Торы. Это зрелище причинило Иосифу нестерпимую боль. Главного мятежника, Шимона бен Гиору, вели с накинутой на шею веревкой.

Подле храма Юпитера триумфальная процессия остановилась; здесь были казнены Шимон и другие вожди повстанцев. Толпа ликовала, были совершены жертвоприношения. Так погиб Иерусалим, размышляет Иосиф: “Ни древность города, ни невероятное богатство его, ни распространенная по всей земле известность народа, ни великая слава совершавшегося в нем богослужения не могли отвести его падения”.

Триумф был увековечен сооружением арки Тита, которая до сих пор стоит в Риме⁸⁰. Иудейские сокровища были потрачены на строительство Колизея и храма Мира, в котором Веспасиан выставил все награбленные иерусалимские реликвии, за исключением свитков Закона и пурпурных занавесей из Святая Святых – им отвели место в императорском дворце. Триумф Тита и перестройка центра Вечного города ознаменовали не только приход к власти новой династии, но новое освящение самой империи и победу над иудаизмом.

Пошлина, которую каждый еврей был обязан платить Храму, теперь была заменена специальным “иудейским налогом” (*Fiscus Judaicus*), который все иудеи империи должны были платить Риму. Эти деньги предназначались на перестройку храма Юпитера Капитолийского, что еще больше подчеркивало унижение⁸¹. И все же большинство евреев, уцелевших в Иудее и Галилее, а также многочисленные общины Средиземноморья и Вавилонии жили, как и прежде: смирившись под властью римлян или парфян.

Впрочем, Иудейская война еще не совсем закончилась. Защитники крепости Масада во главе с Елеазаром Галилеянином держались целых три года после падения Иерусалима, пока римляне наконец не возвели огромную насыпь для штурма неприступной горной цитадели. В апреле 73 года Елеазар обратился к своим воинам и их семьям, рисуя страшную картину будущего, ожидающего их в случае плена: “Куда исчез этот город, который Бог, казалось, избрал Своим жилищем? До самого основания и с корнем он уничтожен!” Не лучше ли умереть, чем повторить его участь? – убеждал своих людей Елеазар. “Уже давно, храбрые мужи, мы приняли решение не подчиняться ни римлянам, ни кому-либо другому, кроме только Бога... Мы первые восстали против них и воюем последними. Я смотрю на это, как на милость Божию, что Он даровал нам возможность умереть прекрасной смертью и независимыми людьми... Мы же знаем наверное – завтра мы в руках врагов; но мы свободны

⁸⁰ Что же до Веспасиана, то его более всего помнят в Италии как создателя общественных туалетов, которые до сих пор называются *vespasianos*.

⁸¹ На монетах Веспасиана была выбита надпись *Judaea capta* (“Покоренная Иудея”) и изображена женская фигура, символ Иудеи: она сидела связанная под пальмовым деревом, а над ней опиралась на меч мужская фигура – Рим. Судьба иерусалимских сокровищ, вывезенных римлянами, остается загадкой. В 455 г. Гейзерих, король вандалов, разграбил Рим и увез храмовые реликвии к себе в Карфаген, где их впоследствии захватил разгромивший вандалов Велизарий, полководец византийского императора Юстиниана. Святыни были доставлены в Константинополь, и Юстиниан отослал Менору (храмовый семисвечник) обратно в Иерусалим, где тот, по всей вероятности, был в 614 г. захвачен персами в числе других трофеев (среди которых был также Святой Крест). Так или иначе, с этого момента следы Меноры теряются.

выбрать славную смерть вместе со всеми, которые нам дороги... Пусть наши жены умрут не опозоренными, а наши дети – не издевавшимися рабства”.

И, “обнимая с любовью своих жен, лаская своих детей и со слезами запечатлевая на их устах последние поцелуи”, мужчины стали убивать своих жен и детей. По жребии были выбраны десять последних воинов, которым предстояло заколоть оставшихся товарищей. Так умерли 960 человек.

Самоубийство защитников Масады только укрепило большинство римлян во мнении, что иудеи – безумные религиозные экстремисты. Тацит, писавший свою “Историю” 30 лет спустя, выражал общее мнение, называя иудеев “страшными и склонными к мятежу” фанатиками со странными суевериями, под которыми он подразумевал единобожие и обрезание. Они, говорил Тацит, “презирают смерть” и римских богов и “сильны своей глубокой древностью”. Иосиф же Флавий, узнав подробности трагедии в Масаде от горстки уцелевших воинов, которым удалось спрятаться во время массового самоубийства, не смог скрыть восхищения мужеством сородичей.

Береника: иудейская Клеопатра

Иосиф жил в старом дом Веспасиана в Риме. Тит подарил ему несколько свитков, захваченных в Храме, назначил пенсию, даровал землю в Иудее и заказал книгу о своих подвигах – “Иудейскую войну”. Веспасиан и Тит были не единственными источниками информации для писателя. “Когда ты приедешь ко мне, – писал Иосифу царь Ирод Агриппа, его «дорогой друг», – я многое поведаю тебе”. Однако Иосиф сознавал, что его “привилегированное положение вызывает зависть и несет опасность”. Под императорским покровительством, в котором он так нуждался, Иосиф Флавий оставался и в правление Домициана, который “заботливо” казнил некоторых врагов. И все же Иосиф, хоть и наслаждался благоволением династии Флавиев, даже на склоне лет – а умер он около 100 года – продолжал надеяться, что Храм будет отстроен, и гордился своим народом и его вкладом в историю цивилизации: “Мы-то по большей части и стали для всех прочих народов наставниками во всяком добре и благе. Ибо что может быть прекраснее безупречного благочестия? Что более справедливо, чем само повиновение законам?”

Иродиадская принцесса Береника осталась в Риме у Тита, но она сильно раздражала римлян своими роскошными драгоценностями, царственным высокомерием и слухами о ее кровосмесительной связи с родным братом. “Береника поселилась в царском дворце и жила совместно с Титом. Она надеялась укрепить этот брак и вела себя уже как его супруга”. В Риме поговаривали, что подлинная причина казни военачальника Авла Цецины – не участие в заговоре, а проявленный им интерес к прекрасной еврейке. Тит любил Беренику, но римляне сравнивали ее с Клеопатрой, роковой женщиной Марка Антония, и не в ее пользу – ведь евреи теперь были побеждены и откровенно презираемы. Тит вынужден был удалить от себя возлюбленную. Когда в 79 году он наследовал умершему Веспасиану, Береника, которой исполнилось уже 50, вернулась в Рим. Но со стороны римлян последовал такой гневный протест, что Тит, сознавая всю шаткость положения династии Флавиев, поспешил снова отделаться от нее. Скорее всего, Береника воссоединилась с братом, фактически последним из Иродиадов⁸².

⁸² Ирод Агриппа II получил в награду обширное царство в Ливане. Очевидно, он совершенно не горел желанием управлять руинами Иудеи, и перспектива политической карьеры в Риме привлекала его гораздо больше. В 75 г. он приехал на церемонию освящения храма Мира (в который были пожертвованы некоторые богослужебные сосуды из иерусалимского Храма), и ему был пожалован статус претора. Вассальный царь десяти римских императоров, Агриппа II, последний из дома Ирода, умер около 100 г.

Правление Тита оказалось недолгим. Через два года он умер, горько стона, “что лишается жизни невинно: ему не в чем упрекнуть себя, кроме, разве что, одного поступка”. Какой поступок имел в виду Тит? Разрушение Иерусалима? Евреи видели в безвременной кончине Тита Божью кару. Однако еще целых 40 лет разоренный Иерусалим терпел ярмо иноверцев, пока наконец ярость Иудеи не выплеснулась в последнем и самоубийственном приступе неистового гнева.

Конец братьев господних: одно забытое распятие

В Иерусалиме был расквартирован Десятый легион. Его казармы находились в нынешнем Армянском квартале, вокруг трех башен цитадели Ирода (основание одной из них, башни Гиппик, сохранилось до наших дней). И поныне археологи и историки находят в разных частях города римскую черепицу и кирпичи, украшенные антииудейским клеймом — изображением вепря. Иерусалим не полностью лишился жителей, но населяли его теперь преимущественно сирийцы и греки, традиционно ненавидевшие евреев. Руины гигантских каменных построек являли собой, должно быть, зловещее зрелище. Но иудеи не оставляли надежды, что увидят Храм восстановленным, как это уже случилось прежде.

Веспасиан разрешил раввину Иоханану бен Заккаю, который во время осады был тайком вынесен из Иерусалима в гробу, учредить религиозную школу в городе Явне (к югу от современного Тель-Авива). Иудеям также не воспрещалось жить в Иерусалиме. Более того, во время войны многие знатные иудеи, скорее всего, перешли на сторону римлян, подобно Иосифу и Агриппе. Но им не позволялось теперь подниматься на Храмовую гору. И паломники горько оплакивали разрушенный Храм, молясь у так называемой гробницы пророка Захарии⁸³ в Кедронской долине. Кое-кто с нетерпением ждал Мессию в надежде на установление его Царства. Но рабби бен Заккая уничтоженный город вдохновлял на мистические размышления иного рода. Однажды, когда он с учеником осматривал руины, ученик вскричал: “Горе нам!” “Не печалься, — утешил его учитель (согласно Талмуду, составление которого было завершено несколько столетий спустя). — Наше искупление будет иным: деяния милосердные и любовь”. Никто тогда не понял его слов. Но они явились зачатком современного иудаизма — без Храма и жертвоприношений.

Иудеохристиане во главе с Симоном, сыном Клеопы (одним из евангельских “братьев Господних”, вероятно, двоюродным братом Иисуса), тоже вернулись в Иерусалим и молились в Горнице Тайной вечери на горе Сион. Под ее ныне существующим зданием располагается древняя синагога, построенная, вероятно, из обломков Храма. Однако число христиан, обращенных из язычников, неуклонно росло в разных частях Средиземноморья, и они уже не были склонны с благоговейным трепетом относиться к реальному, земному Иерусалиму. Поражение иудеев навсегда отвратило их от иудаизма, потому что оно доказывало истинность пророчеств Иисуса и пришествие Нового Откровения. Иерусалим был всего лишь пепелищем падшей веры. В “Откровении Иоанна Богослова” место Храма занял Христос Агнец, а верующим было предсказано, что с наступлением конца света Бог созиждет Новый, Небесный Иерусалим, осиянный не золотом, но славой Божией.

Общинам христиан приходилось соблюдать осторожность: римляне были начеку, готовые пресечь на корню любое мессианское движение. Домициан, брат и преемник Тита, притеснял евреев, обложив их новым налогом, но преследовал и христиан, видя в этом один из способов укрепления своей шаткой власти. После того как Домициан был убит в резуль-

⁸³ На самом деле это какая-то незаконченная семейная гробница, по-видимому, I в. до н. э. Сама семья, вероятно, погибла во время осады, и заброшенная гробница оказалась очень подходящим местом для тайного собрания иудеев, приходивших сюда погоревать о Храме. И поныне еще в ней различимы вырезанные паломниками надписи на иврите.

тате заговора, на престол империи взошел пожилой и миролюбивый Нерва, который ослабил репрессии и смягчил “иудейский налог”. Но забрезживший было рассвет тут же обернулся новой тьмой. Бездетный Нерва избрал себе в преемники доблестного полководца Траяна. Этот высокий, атлетически сложенный и решительный военачальник был идеальным императором, возможно, величайшим со времен Августа. Но он считал, что его миссия – завоевание новых земель для империи и реставрация старых римских ценностей, а в этом не было ничего хорошего ни для христиан, ни для евреев. В 106 году он приказал распять Симона, христианского епископа Иерусалима, потому что тот, как и Иисус, возводил свой род к царю Давиду. Так закончилась династия Иисуса.

Траян, гордившийся тем, что его отец, Ульпий Траян Старший, сделал себе имя во время иудейской кампании Тита, восстановил “иудейский налог” в прежнем объеме. Но как и многие полководцы до него, он мечтал о славе Александра: Траян вторгся в Парфию, намереваясь подчинить римскому контролю земли современного Ирака, родину евреев Вавилонии. Во время войны они наверняка взывали о помощи к своим римским братьям. Стоило Траяну вторгнуться в Месопотамию, как иудейские общины Африки, Египта и Кипра во главе с мятежными “царями” перебили тысячи местных римлян и греков – можно, по крайней мере, предполагать, что эта месть была скоординирована евреями Парфии.

Опасаясь еврейского заговора у себя в тылу и сопротивления вавилонских евреев, Траян, по мере продвижения по Месопотамии, “решился по возможности уничтожить весь народ”. Император приказал убивать иудеев везде – от Ирака до Египта, где, как пишет историк Аппиан, “Траян уничтожил всех евреев поголовно”. Теперь евреи рассматривались как враги Римской империи: “Иудеи считают богопротивным все, что мы признаем священным, – писал Тацит, – и, наоборот, все, что у нас запрещено как преступное и безнравственное, у них разрешается”.

С иудейской проблемой столкнулся и новый наместник Сирии Элий Адриан, зять Траяна, женатый на его племяннице. Когда Траян скоропостижно умер, не оставив наследника, его вдова-императрица объявила, что на смертном одре император назвал Адриана своим сыном. Став императором, Адриан решил покончить с “еврейским вопросом” раз и навсегда. Он показал себя выдающимся правителем, одним из восстановителей Иерусалима – и одним из главных чудовищ в еврейской истории.

Адриан: иерусалимское решение

В 130 году император в сопровождении своего юного любовника Антиноя посетил Иерусалим. Он решил сровнять остатки города с землей и изгладить из памяти людей само его имя. На месте Иерусалима предстояло возвести новый город, который император повелел назвать Элия Капитолина – в честь своего родового имени (Элий) и Юпитера Капитолийского (римского бога, ассоциировавшегося прежде всего с государственной властью). На месте Храма было решено возвести храм Юпитера. Также Адриан под страхом смерти запретил обрезание – свидетельство завета Бога с народом Израиля. Евреи поняли, что все это означает только одно – Храм никогда не будет восстановлен, – и впали в еще большее уныние. А недалёковидный император тем временем отбыл в Египет.

Адриан, которому на тот момент уже исполнилось 54 года, родился в Испании. Похоже, он был просто создан для того, чтобы править империей. Одаренный фотографической памятью, Адриан мог диктовать, слушать и беседовать одновременно; прекрасный знаток и любитель искусства и архитектуры, он умел самостоятельно составить архитектурный проект, сочинял стихи и музыку. Адриан постоянно пребывал в движении, без усталости объезжая свои провинции, стремясь улучшить управление империей и консолидировать ее. Его критиковали за то, что он вывел легионы из Дакии и Месопотамии, завоеванных Траяном со

столь большим трудом. Но Адриану нужны были не лишние территории, а прочная и стабильная держава, объединенная греческой культурой, которую он ценил настолько высоко, что его прозвали Гречонком (его бороду и прическу “в греческом вкусе” укладывали щипцами специально обученные рабы). В 123 году во время одного из своих путешествий по Малой Азии он встретил любовь всей своей жизни – красивого греческого юношу по имени Антиной, который стал для императора практически августейшей супругой⁸⁴.

Но вместе с тем этот идеальный император маниакально желал контролировать все и вся и в проявлениях этой страсти бывал непредсказуем. Однажды в приступе сильного гнева он выколол пером глаз рабу; а свое правление он начал и завершил кровавыми чистками.

На руинах еврейского Иерусалима Адриан задумал воздвигнуть типичный римский город, средоточие культа римских, греческих и египетских богов. Великолепные парадные трехпролетные ворота Неаполис (ныне Дамасские), сложенные из каменных блоков Ирода Великого, вели на круглую площадь, в центре которой стояла колонна. От площади под прямым углом отходили две главные улицы – Кардо и Декуманус, ведущие к двум форумам, один из которых располагался рядом со снесенной крепостью Антония, другой – южнее нынешнего храма Гроба Господня. На этом втором форуме Адриан построил храм Юпитера, рядом с которым стояла также статуя Афродиты. Это было место Распятия, и его выбор, вероятно, был продиктован желанием уничтожить святилище иерусалимских христиан.

Хуже того, Адриан вознамерился возвести на Храмовой горе жертвенник и собственную грандиозную конную статую⁸⁵. Адриан последовательно лишал Иерусалим его еврейского духа. Он хорошо усвоил уроки другого грекофила, знавшего толк в зрелищах – Антиоха Епифана, – и не случайно реанимировал его проект храма Зевса Олимпийского в Афинах.

24 октября, во время египетских празднеств в честь смерти и воскресения бога Осириса, любовник Адриана Антиной при загадочных обстоятельствах утонул в Ниле. Покончил ли он с собой? А может быть, Адриан или египтяне принесли его в жертву? Или же это был просто несчастный случай? Обычно сдержанный Адриан страшно горевал; он велел почитать юношу в качестве Осириса, основал посвященный ему город Антинополь и учредил государственный культ Антиноя, установив по всему Средиземноморью статуи, увековечившие красивое лицо и прекрасное тело юноши.

Возвращаясь в Рим из Египта, Адриан снова проехал через Иерусалим и, в соответствии с римским обычаем, лично провел плугом борозду, обозначившую границы города. Возмущенные репрессиями, паганизацией Иерусалима и повсеместно появившимися изва-

⁸⁴ Римлянам это не нравилось. “Греческая любовь” была явлением совершенно обычным и не считалась признаком женоподобия или изнеженности; Цезарь, Антоний, Тит и Траян – всех их мы сегодня назвали бы бисексуалами. Однако, в противоположность сегодняшним представлениям о морально допустимом, римляне считали позволительной связь мужчины с мальчиком, но не с другим взрослым мужчиной. Однако Адриан, даже когда Антиной повзрослел, продолжал игнорировать жену, предпочитая ей любовника.

⁸⁵ Постройки Адриана в Иерусалиме частично сохранились: фрагменты ворот Большого форума (ставшие впоследствии воротами первой церкви Воскресения) можно осмотреть в кондитерской лавке *Zalatimo's* (9 Hanzeit St., к югу от храма Гроба Господня, рядом с девятой станцией *Via Dolorosa*). Кондитерской, основанной в 1860 г. отставным османским сержантом Мухаммедом Залатимо, и сейчас управляет представитель этого почтенного палестинского семейства, Шамир Залатимо. Фрагмент стены Адриана стал частью еще одного семейного предприятия, магазина фруктовых соков Абу Ассаба – а также русской церкви Александра Невского. Частично сохранился и один пролет арки Малого (восточного) форума Адриана: он перекинут через *Via Dolorosa* у церкви *Ecce Homo* (“Се человек” – слова, с которыми Пилат показал Иисуса толпе). В течение столетий христиане ошибочно полагали, что эта арка – остаток Претории, где происходил суд Пилата, отсюда и название церкви. На самом же деле арка была воздвигнута столетием позже. Фундамент Дамасских ворот также раскрыт археологами и свидетельствует об их истинно римской мощи. Нынешняя главная улица Старого города, улица ха-Гай (она же Эль-Вад), проходит по трассе римской улицы Кардо (одной из двух главных улиц Элии Капитолины). Фрагмент ее мостовой раскрыт на площади у Западной стены. Историк Дион Кассий и более поздний христианский источник, “Пасхальная хроника”, позволяют предположить, что храм Юпитера Капитолийского стоял на Храмовой горе. Это весьма вероятно, но никаких следов его не найдено.

яниями обнаженного Антиноя, евреи стали тайно вооружаться и готовить подземные укрытия в Иудейских горах.

И когда Адриан, правлению которого, казалось, уже ничто не угрожало, спокойно ехал в сторону Рима, таинственный вождь, называвший себя Князь Израиля, развязал самую жестокую из всех иудейских войн.

Шимон бар-Кохба: сын звезды

“Сначала римляне не приняли евреев всерьез”, свидетельствует историк Дион Кассий, но на этот раз иудеи подготовились чрезвычайно хорошо, а рождение их харизматического вождя Шимона бар-Кохбы, “Сына Звезды”, было якобы отмечено тем же мистическим символом царского достоинства, которым ознаменовалось рождение Иисуса и о котором говорится еще в Книге Чисел: “Восходит звезда от Иакова, и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава”. Многие прославляли бар-Кохбу как нового Давида. “Вот он – царь Мессия”, – настаивал чрезвычайно уважаемый рабби Акива (эти слова приведены в части Талмуда, написанной в IV веке). Впрочем, с этим были согласны не все. “Акива, на твоих щеках вырастет трава, – возражал ему другой раввин, – а сын Давида все еще не придет”. Противники Бар-Кохбы звали его Бар-Косба – по-арамейски “сын Лжи”.

Бар-Кохба быстро разгромил римского наместника с его двумя легионами. Свитки с его письмами и распоряжениями, найденные в одной пещере в Иудее, свидетельствуют о больших способностях и твердой решимости. “Я справлюсь с римлянами”, – уверял он – и справлялся. Он полностью истребил целый легион. Он “был способен ловить огромные камни, брошенные в него, и наугад отбрасывать их, убивая многих” во вражеских рядах.

Князь Израиля не терпел неповиновения или ослушания: “От Шимона Бар-Кохбы Ионатану и Масавале: пусть все мужи из Текоа и других мест, которые с вами, будут посланы ко мне без промедления. Если вы не пришлете их ко мне, я накажу вас”. Фанатичный zelot, он, по свидетельству современника-христианина Иустина, “приказывал жестоко пытаться христиан, если они не отрекались от Христа и отказывались хулить Его”. А живший гораздо позднее описываемых событий автор “Церковной истории” Евсевий Кесарийский утверждал, что Бар-Кохба убивал христиан, когда те отказывались помогать ему в войне против римлян: “Убийца и разбойник, он... внушил рабам, будто он светило, спустившееся с неба, дабы чудом даровать им, замученным, свет”.

Сын Звезды управлял своим государством Израиль из крепости Иродион, чуть южнее Иерусалима. На его монетах было отчеканено: “Год первый. Искупление Израиля”. Но восстановил ли он жертвоприношения на месте разрушенного Храма? Его монеты с призывом “За свободу Иерусалима” были, как говорят, украшены изображением Храма, но ни одна такая монета не была найдена. Аппиан писал, что Адриан, как и Тит, “разрушил Иерусалим”, из чего следует, что в городе еще было что разрушать. Повстанцы, сметающие все на своем пути, наверняка должны были бы осадить Десятый легион в Цитадели и восстановить жертвоприношения на Храмовой горе, представься им такая возможность. Но удалось ли им это, мы не знаем.

Адриан поспешил назад в Иудею, вызвав из Британии своего лучшего полководца Юлия Севера и собрав семь или даже двенадцать легионов. Согласно Диону Кассию, одному из немногих летописцев этой войны, наместник Иудеи “с войском, присланным ему в помощь императором, безжалостно, пользуясь их [иудеев] безумием, преследовал и уничтожал их десятками тысяч: мужчин, женщин, детей – всех заодно; всю страну их, по закону войны, поработил”.

Север, прибыв в Иудею, тут же перенял тактику противника: “Благо воинов и воевод у него хватало – перехватывал небольшие отряды [иудеев], окружал и лишал доступа к припа-

сам, сим способом он мог – пусть помедленнее, зато и более безопасно – разрознить, изнурить и извести мятежников”. По мере того как римляне действовали все более успешно, Бар-Кохбе приходилось прибегать ко все более суровым мерам для укрепления дисциплины в своих рядах: “Если кто-либо из находящихся с тобой галилеян подвергнется дурному обращению, – грозил он одному военачальнику, – я закую твои ноги в кандалы, как уже сделал такое с бен-Аплулом!”

Повстанцы отступили в пещеры Иудеи; именно там и были найдены послания Шимона и другие артефакты. Эти беженцы и воины хранили при себе ключи от своих покинутых домов (единственное утешение для тех, кому суждено никогда не вернуться) и даже кое-какие предметы роскоши – стеклянное блюдо, карманное зеркальце в кожаном чехле, деревянную шкатулку для драгоценностей, лопатку для курений. Там, в этих пещерах, и погибли их хозяева – и вещи, захваченные из дома, были найдены среди человеческих останков. Отрывочные записи содержат немногословные намеки на масштаб катастрофы: “До конца... у них нет никакой надежды... мои братья на юге... они погибли от меча...”

Римляне двинулись на последний оплот Бар-Кохбы – крепость Бейтар, в шести милях к югу от Иерусалима. При обороне твердыни погиб и сам Бар-Кохба – от укуса змеи, обвинившей его шею, согласно иудейской легенде. “Принесите мне его тело”, – повелел Адриан. Пораженный видом мертвеца и змеи, он пробормотал: “Если бы Бог не убил его, кто бы мог это сделать?” Император в то время, должно быть, находился уже в Риме, но его месть востановившим иудеям стала настоящим геноцидом.

Дион Кассий писал: “Немногие из них уцелели. Пятьдесят их наиважнейших крепостей и девятьсот восемьдесят пять славнейших поселений он сровнял с землею, людей же было убито в стычках и в сражениях восемьсот тысяч пятьсот”. Еще больше “погибло от голода и болезней и пожаров”. Семьдесят пять еврейских поселений, о которых мы знаем из древних источников, вообще исчезли с лица земли. А в плен было взято столько евреев, что на рынке рабов в Хевроне раб-еврей стоил дешевле лошади. Какое-то количество иудеев продолжало жить на своих разоренных землях, но сама Иудея уже не восстановилась после карательной экспедиции Адриана. Император не только подтвердил запрет на обрезание, но и воспретил иудеям под страхом смерти даже приближаться к Элии Капитолине. А саму Иудею вообще стер с карты, переименовав ее в провинцию Палестину, – в память о филистимлянах, древних врагах евреев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.